

Наша

LOVEINBOOKS

секреты

ТРИША ПИВЕР

ПРОЛОГ

Не помню, чтобы комната сестры была такой холодной. Даже укутавшись в ее вязаную кофту, я чувствую ледяной холод, который пронизывает до костей, словно шепот с того света. Тут я и буду сегодня спать... в кровати Мэдди, в окружении ее запаха. Мама хочет сменить простыни, но я ей не позволю. Тонкие ароматы ванили и лаванды вкупе с запахом тяжелого одеколона Алекса каждую ночь возвращают мне частичку Мэдди.

От моей прежней жизни остались лишь рисунки и жалкая копия браслета, который в знак дружбы мне подарил Джош. У меня ушло несколько дней, чтобы воссоздать его, сплести веревочки в нужный узор. Он не совершенен, но я не расстаюсь с ним ни на секунду. Потому что он — ничтожное напоминание о том, кем я когда-то была, о том, что Джош все еще для меня что-то значит. Настоящего браслета больше нет, он поврежден и уничтожен, так же как и моя жизнь.

Хочется примириться со своим выбором, но секрет Мэдди не дает мне покоя. Ее жизнь была полна темных тайн, и, кроме меня, о них никто не знает. Она была не той, кем я ее считала, но это неважно. Мэдди была моей сестрой, моим близнецом, и ради нее я готова на все, даже потерять саму себя.

1

На тумбочке вибрировал мобильник, отвлекая меня от раскрытого на коленях альбома. Я уже в пятый раз за неделю переделывала этот рисунок, но он все еще не был достаточно хорош. А закончить мне его нужно было сегодня.

Решив, что это снова Джош, я пропустила звонок, и он отправился в голосовой почтовый ящик. Мне хотелось сосредоточиться на рисунке, вместо того чтобы препираться с Джошем насчет того, что сказал его сосед или подружка Ким. Меня не интересовало, почему она обиделась на Джоша из-за того, что он стал ездить в школу со мной, хотя она жила всего в сотне метров от него и у него была своя машина. Это была его проблема, не моя. И если он не мог разобраться с этим сам, то он идиот.

Я отшвырнула прочь угольный карандаш и взяла графит. Возможно, рисунку не хватало светотеней. Однако после нескольких штрихов я поняла, что ошибалась, и в итоге только испортила относительно нормальный рисунок.

Телефон снова зазвонил; та же раздражающая мелодия, которая мешала сконцентрироваться. Ругаясь, я схватила сотовый, пока он не свалился с тумбочки, и бросила рядом с собой на кровать. Джош знал, что этим вечером я заканчивала портфолио. Я хотела сдать его пораньше, чтобы быть уверенной, что попаду на досрочный отбор¹, а не на общий поток в школу дизайна Род-Айленда. Его звонок мог подождать, он бы понял.

Телефон продолжал звонить, прерываясь только для того, чтобы появилось оповещение о входящем смс. Качая головой, я повернулась и взглянула на часы. Яркие цифры на будильнике ослепили мои замутненные глаза. Отпустив еще пару ругательств, я проморгалась, и цифры наконец обрели четкость. Два двадцать три. Что такого важного хотел сказать мне Джош, названивая в половине третьего?

Я потерла глаза и, не глядя на имя на дисплее, ответила:

— Что на этот раз, Джош?

— Элла? Это я.

У меня ушла секунда, чтобы узнать голос. Он звучал сбивчиво, хрипло и тише, чем обычно. Я уставилась на телефон. Я понимала, что говорила моя сестра, но все равно искала ее взглядом в своей темной комнате. Не знаю почему, ведь у нас с десяти лет были

разные спальни.

Мэдди была в постели, когда вечером я поднималась наверх. Ее наказали. Во вторник папа вернулся с работы пораньше и застукал их с Алексом в спальне. Она пыталась уговорить папу отпустить ее сегодня, предлагала даже на три недели забрать у нее телефон, но в конце концов все же пришлось остаться дома в компании со мной и коллекцией DVD. Тогда что же она делала на другом конце провода?

Включив свет, я посмотрела через узкий коридор на дверь ее комнаты. Как всегда, она была закрыта, и мне пришлось подняться, сделать до двери семь шагов и открыть ее. В комнате было тихо, смятая постель пуста, а окно приоткрыто, видимо, чтобы она могла забраться обратно.

— Мэдди? Ты где?

— У Алекса, — ответила она приглушенным голосом, наверняка из-за слез.

— Что случилось?

Я была заинтригована как никогда. Мэдди не плакала. Никогда. Она говорила, что слезы — признак слабости, к тому же, из-за них размазывается макияж. Про слабость я понимала: тусовка модников, в которой вращалась моя сестра, использовала бы что угодно против друг друга.

А вот про макияж... да, мне этого было не понять.

— Ничего. Неважно. Мне просто нужно домой, Элла.

— Где твоя машина?

Я решила, что она потеряла ключи или, еще лучше, слишком напилась на вечеринке Алекса, чтобы вести машину. Конечно, я заберу ее, но сначала мне хотелось вытащить из Мэдди правду.

— Она дома. Меня подвезла Дженна.

— Мэдди, сейчас половина третьего, — сказала я, уже обуваясь. — Неужели Дженна или Алекс, или кто-нибудь еще не может отвезти тебя?

— Нет, Алекс не может, а Дженна не станет.

Я пожала плечами, даже не задумавшись, что сестра этого не увидит. Я не понимала, почему Мэдди зависала с Дженной, и что она вообще нашла в своей лучшей подруге.

— Ну же, Элла. Если мама с папой узнают, что я смылась, мне крышка.

Я фыркнула в ответ. Крышка? Моей сестре никогда не влетало. Она всегда увиливала, всегда точно знала, что сказать, чтобы выйти сухой из воды. С мамой она в таких случаях была очень милой, с папой надувала губки, а с Алексом... ну, думаю, она пользовалась для достижения своих целей другим арсеналом.

Своих друзей я могла пересчитать по пальцам одной руки, Мэдди же была способна заполнить смехом целую столовую. Я просыпалась в шесть утра, чтобы прийти в школу пораньше, она появлялась в школе спустя пять минут после звонка и рассыпалась в жалобах, что у нее спустило колесо, чтобы избежать наказания. Я буквально валилась с ног, измученная зубрежкой до полуночи, она выскальзывала из дома на вечеринку со своим парнем.

— Уверена, ты придумашь, что им сказать. — И они купятся. Не имело значения, кому и какую ложь она продавала, все всегда покупались.

Мэдди считали отличницей, но по большей части это было моей заслугой. Я училась целыми днями и шла навстречу сестре, когда она умоляла меня притвориться ею, чтобы сдать тест, о котором она напроць забыла. Я никогда не жаловалась, у Мэдди не было

продвинутых курсов, так что для меня это было несложно.

Я отлично справлялась с ролью Мэдди, и даже ее друзья не могли нас различить. Я отрастила длинные волосы и прекратила прикреплять розовые прядки, чтобы стать похожей на нее. Я научилась говорить, как Мэдди, знала, где повышать и понижать тон, чтобы сыграть ее сарказм.

Сестра заплатила мне пятьдесят баксов, чтобы я сдала за нее экзамен по испанскому на прошлой неделе, про который она «напрочь забыла». Я набрала приличных 82 балла. Не было смысла получать пятерку. Она в тот день пошла вместо меня на физику, чтобы я не получила наказание за пропуск. У нас была внеплановая контрольная. Мэдди сдала ее за меня, набрав ничтожных 47 баллов. Теперь мне до конца семестра приходилось делать дополнительные задания, чтобы добиться хотя бы четверки.

Но я отплатила ей за это. Все еще притворяясь Мэдди, я нашла Дженну и сказала ей, что чувствовала себя плохо и вечером останусь дома. Потом позвонила маме и сказала ей то же самое. Мэдди была в ярости. Она не по своей воле застряла в пятницу вечером дома с гиперпекающей мамой и злорадствующей сестрой. Что же касается Дженны... я никогда в жизни не слышала, чтобы она так орала. Что-то насчет семейного ужина в честь дня рождения, на котором Мэдди обещалась быть. Что ж, не моя проблема.

— Элла, пожалуйста, — взмолилась Мэдди, возвращая меня к реальности. — Я сделаю для тебя что угодно. Клянусь. Все, что захочешь.

— Ты всегда так говоришь, Мэдди.

— Я знаю, но в этот раз все будет по-другому. Обещаю.

На моей памяти была сотня подобных обещаний. Я всегда сдерживала свои обещания. А вот обещания Мэдди были пустышками, о которых она забывала, едва получив желаемое.

Мы были такие разные. Мэдди носила юбки, каблуки и локоны, я джинсы, футболки и конский хвост. Она любила вечеринки по пятницам и школьные танцы. Я предпочитала малобюджетные ужастики на диване с попкорном в руках. Начиная с идеальных волос, идеальных друзей и заканчивая идеальным педикюром, Мэдди была моей противоположностью.

— Элла? Элла! — прокричала Мэдди в телефон.

Приглушенный плач, который я слышала раньше, исчез; частое дыхание и повысившийся тон говорили о том, что сестра на грани истерики. Я не знала, что ее довело до такого состояния. Я ведь никогда ей не отказывала. Мэдди была моей сестрой, моей близняшкой, я всегда пришла бы ей на помощь.

— Хорошо, как угодно, — сказала я, схватив толстовку с края кровати. — Буду через пятнадцать минут.

Я бегло просмотрела свои горе-рисунки, выбрала лучший из четырех и аккуратно вырвала его из альбома. Удивительно, но это был первый из тех, что я нарисовала. Я отсканировала его, добавила к тем, что уже загрузила, и нажала кнопку «Отправить». Было только восемнадцатое октября. Дедлайн через две недели, но, как и сказала, я хотела сделать все пораньше. К тому же, я не собиралась все бросать и мигом мчаться к Мэдди, ей придется подождать как минимум лишних десять минут, пока я отправлю в школу искусств свою заявку.

Как только я встала, мой пес, Бейли, прыгнул с кровати вслед за мной. Он быстрее меня добежал до двери и остановился, словно ожидая разрешения. Стоит мне выйти из дома, он начнет лаять, давая понять, как он несчастен оттого, что его бросили. Ничего страшного,

позлится, а через секунду уже все забудет. Вот только я не хотела, чтобы Бейли разбудил моих родителей. Хватало и того, что мне придется выручать Мэдди. Не хотелось отвечать еще и на вопросы мамы и папы.

Я достала лакомство из коробки на тумбочке и спрятала его под покрывало на кровати. Бейли повел себя как положено: запрыгнул на кровать и стал вынюхивать. Я хорошо спрятала лакомство, так что Бейли найдет его не сразу, надеюсь, за это время мне удастся уйти из дома незамеченной.

Прежде чем спуститься, я заглянула в комнату родителей. Они спали, экран телевизора светился бледно-голубым светом. Надо бы выключить, но внезапная тишина могла их разбудить. Мой взгляд упал на фотографии на мамином туалетном столике. Мерцающий свет от телевизора лишь намекал на их местоположение, но мне не нужно было видеть фотографии, чтобы описать каждую из них. Они были там, сколько себя помню.

Самая большая фотография в центре — семейный портрет, сделанный три рождества назад. Мы собрались перед искусственным камином в какой-то фотостудии. Мой хмурый вид был причиной большого спора в тот день. Рядом стояла наша с Мэдди фотография на шестнадцатый день рождения. Сестра выглядела потрясающе, ее взгляд был устремлен куда-то вдаль, возможно, на Алекса. Я же стояла, молясь, чтобы мама поскорее сделала этот дурацкий снимок, и я смогла бы смыться обратно в свою комнату. На трех других фотографиях была Мэдди. Мэдди после того, как ее команда по хоккею на траве выиграла районное соревнование в десятом классе. Мэдди с Алексом на выпускном балу в прошлом году. Мэдди с ключами от ее «новой» машины.

В реальной жизни все было так же. На рождественской вечеринке в офисе моего отца ее представили первой. Когда мы ходили в церковь, она садилась между родителями. Когда родственники или друзья спрашивали у мамы про близняшек, она сначала рассказывала о достижениях Мэдди. Меня они все еще пытались принять.

Я была умной и тихой, из тех, кто предпочитал книгу шумной вечеринке. Скрытная и странная — вот как родители описывали меня своим друзьям. Скрытная и странная.

Я тихо прикрыла дверь и спустилась вниз. Снаружи царилась кромешная тьма, луна спряталась за плотной грядой облаков. Несколько часов назад шел дождь и, похоже, вот-вот польет снова.

Я достала из шкафа в прихожей пальто и шапку и поспешила на улицу. К счастью, соседи не выключили свет на своем крыльце, иначе я бы нарвалась на мусорные баки в конце нашей подъездной дорожки. Я итак уже дважды споткнулась, первый раз об изжеванную веревочную игрушку Бейли, второй — спустя пару шагов об разбрызгиватель. Кстати, споткнувшись во второй раз я оказалась на заднице, пришлось отряхивать джинсы.

Когда я наконец-то добралась до моей машины, то поняла, что машина Мэдди перегородила выезд. Она припарковалась прямо поперек подъездной дорожки.

— Серьезно, Мэдди? — сказала я, пнув колесо.

Ладно бы она уезжала с утра первой. Но нет ведь. Мэдди выходила из дома последней и красилась за рулем по дороге в школу. По утрам именно я переставляла машины, чтобы папа мог уехать на работу, а я в школу.

Я поморщилась от пульсирующей боли в пальце ноги и направилась обратно в дом. Переставлять машины — не вариант. Если я могла разбудить родителей, выключив телевизор, то шум от машин точно заставит их спуститься и поинтересоваться, куда это я собралась.

Я повесила свои ключи на крючок у двери. Всего крючков было пять, и все были подписаны. Мой, папин, мамин, Мэдди и один для ключей от газонокосилки. Но ключей Мэдди там не было. Кто бы сомневался. Она, как обычно, бросила их на стол, когда пришла, рассчитывая, что кто-то из нас найдет их и повесит на место.

— Это в последний раз, Мэдди. Клянусь Богом, это последний раз, когда я делаю что-то для тебя, — сказала я себе, обшаривая кухонные стойки в темноте.

Сестра не постаралась облегчить мне задачу. Наоборот, Мэдди все до предела усложнила. Наконец, найдя ее ключи, брошенные за радио, я взяла их и, поклявшись, что разорву эту эгоистку в клочья, поспешила назад в сырой ночной воздух. Если все пройдет как надо, меньше чем через полчаса я буду дома, в кровати, с еще одним пустым обещанием Мэдди в голове.

2

К тому времени, как я подъехала к дому Алекса, снова начало моросить. Если не считать нескольких машин, вразброс стоящих между деревьями, то и не скажешь, что там вечеринка. Видимо, это преимущество действительно богатых людей — длинная подъездная дорожка и много места для звукового буфера.

Я помню день, когда Мэдди встретила Алекса Фьюри. Мы были новичками, шел наш третий день в школе. Мне казалось, если мы с сестрой пойдем в новую школу, все станет легче, наивно полагала, что за обедом уже точно не буду сидеть одна. Но я не учла, что у нас нет общих уроков и Мэдди гораздо общительнее меня, да и в принципе, у нас мало общего. Я надеялась, что мы будем держаться вместе, и у меня будет хоть какая-то подстраховка.

Мэдди была рядом только в первые несколько дней, улыбаясь и поощряя меня пойти и найти новых друзей. Я пыталась: садясь на уроках рядом с людьми, которых не знала, здороваясь с теми немногими, кто смотрел в мою сторону. Но когда никто из них не поприветствовал меня в ответ, я стала игнорировать их и сосредоточилась на своих делах.

В ту первую среду я направилась в школьную столовую, чтобы найти Мэдди. Я была в восторге от рисунка, который нарисовала в открытой студии.

В столовой было как всегда шумно; пахло чем-то вроде сгоревшей пиццы и потных носков одновременно. Надеюсь на полчаса покоя, я взяла поднос, купила хот-дог — он показался относительно съедобным — и поспешила к сестре. Но Мэдди не оказалось в углу столовой, за тем столом, где она сидела в понедельник и во вторник. Там вообще никого не оказалось: восемь пустых стульев окружали такой же пустынный стол. Я обежала столовую взглядом, автоматически акцентируя внимания на тех, кто сидел в одиночестве.

Мэдди не было видно, пока я не посмотрела в центр столовой. Мой взгляд скользнул по шести столам, соединёнными вместе, и там я увидела ее. Сестра не сидела на стуле. Она устроилась на столе, руками обвивая чью-то шею. Мэдди смеялась.

Я стояла там, наблюдая за ней и думая, что делать: пойти и сесть рядом или занять один из пустых столов в углу. К счастью, мне не пришлось выбирать, Мэдди сделала это за меня.

Она выскользнула из объятий парня и слезла со стола. Я не слышала ее из-за шума, но поняла по жестам, что она обещала ему вернуться через минуту.

— Привет. — Мэдди остановилась напротив меня. — Я ждала тебя у входа, но...

— Да, извини, у меня были кое-какие вопросы по геометрии, — сказала я, прерывая ее ложь.

Она никогда раньше не ждала меня. Ни тогда, когда мы были в средней школе, ни теперь, когда мы стали учиться здесь.

— Кто это? — спросила я, поглядывая за ее плечо на группу глазееющих на нас людей.

— Алекс Фьюри, — сказала она, послав в его направлении улыбку.

Это была улыбка, которой я не видела раньше: озорная, задорная.

— Ладно, — сказала я и направилась в сторону их стола.

Мне было все равно, с кем сидеть, лишь бы не одной.

Но Мэдди остановила меня. Ее пальцы с идеальными розовыми ногтями обхватили мое запястье. Я уставилась на них, удивляясь, когда это она успела нарисовать ногти. И с каких это пор Мэдди стала красить их розовым? И это что, нарисованные белые цветочки в центре каждого ногтя?

В наш первый день в школе мы выглядели практически одинаково. Классному руководителю даже пришлось присматриваться. Когда мы выходили из дома сегодня, на нас были одинаковые джинсы, одинаковые скучные бежевые майки-безрукавки, волосы собраны в пучок. Но Мэдди каким-то образом переделалась, за три часа изменилось все — от обуви до макияжа.

— У Алекса есть кузен твоего возраста. Он подумал...

— Ты имеешь в виду нашего возраста, — перебила я.

Сделав вид, что ничего не слышала, Мэдди повела меня к столу в дальней части столовой.

— Я думаю, он тебе понравится. Исходя из сказанного Алексом, я поняла, что у вас много общего.

Это означало: в семье он считается умным, тихим, слишком странным. Очевидно, такой была и я.

— Он создал тут клуб анимешников, — продолжила она, указывая на тетрадь, которую я держала под подносом.

В ней были рисунки из манги. Я нарисовала их во время урока истории. Некоторые рисунки вышли хорошо, но большинство были просто каракулями. Был один, который я хотела показать сестре. Я вырвала его из тетради, думая отдать ей за обедом.

Мэдди взяла у меня поднос, даже не взглянув на рисунок под ним.

— Пойдем, я познакомлю вас.

Она отошла от меня на добрых пять шагов, прежде чем я сдвинулась с места. Засунув рисунок обратно в тетрадь, я последовала за ней.

Двое ребят подняли глаза, когда Мэдди опустила мой поднос на стол. Я видела их на уроке английского для отличников, но не имела понятия, кто они такие. Оба парня были с длинными волосами, в футболках с надписью «Маунтин Дью»². Они ели и занимались своими делами, пока моя сестра не прервала их.

Я посмотрела на Мэдди. Ее еда, если она у нее была, книги и телефон, очевидно, остались на другом столе.

— Это Элла, верно? — Я повернулась в сторону одного из парней за столом и кивнула, удивившись, что он знает мое имя. — Я Джош.

— Ага, ее зовут Элла, — сказала Мэдди, поскольку я стояла столбом и молчала. — Она тоже интересуется японскими мультиками, которые вы, ребята, так любите.

Мэдди подтолкнула меня ближе, и я наткнулась на угол стола.

— Верно, Элла?

Я кивнула, все еще смущенная и молчаливая. Пять минут назад сестра тоже интересовалась «японскими мультиками». Насколько знаю, у Мэдди есть целый стенд,

посвященный моим рисункам. Теперь же она говорила об этом так, будто это какой-то вредный побочный эффект от наличия сестры-близняшки. Я проследила за ее взглядом в направлении другого стола, и вдруг на моих глазах сестра полностью изменилась. Она тряхнула головой, отбросила за спину волосы и сдавленно хихикнула. Алекс подмигнул, и клянусь, она покраснела.

— С тобой ведь все нормально? — бросила Мэдди через плечо, спеша прочь.

Я не потрудилась ответить. Я была слишком занята, пытаюсь понять, что, черт возьми, творится.

— Сядешь? — спросил Джош.

— Что?

— Я спросил, собираешься ли ты сесть?

— Да, думаю, да.

Я отодвинула стул на безопасном расстоянии — через три места от него — и села. Я не говорила, сосредоточившись на еде, смущенная и уязвленная тем, что меня бросила, в буквальном смысле бросила собственная сестра.

Три года спустя я сидела за тем же столом рядом с Джошем, но теперь удаленность от сестры меня не волновала.

3

Я припарковалась так близко, как только смогла — за пятнадцать машин от дома Алекса. Теперь стало слышно музыку. Глухое буханье басов эхом отдавалось через окна. По привычке я заперла машину. Не то, чтобы кто-то может ее украсть, — десятилетняя «хонда» моей сестры не была ничем особенным по сравнению с блестящими новенькими игрушками, припаркованными вокруг. И еще никто не рискнет тронуть то, что принадлежит Алексу Фьюри. А моя сестра совершенно определенно принадлежала ему.

Я последовала за звуками музыки по тропинке. Крыльцо перед домом было завалено пластиковыми стаканчиками и пустыми коробками от пиццы, бутылки из-под газировки валялись тут и там. Я поднялась по ступенькам, стараясь не смотреть на целующуюся у перил парочку, и открыла дверь в дом.

Не знаю, что ударило в меня первым: музыка или запах, но из-за них мне сразу же захотелось на свежий воздух. Три шага — и запах парфюма, травки и пота наконец-то отступил. Шум в голове... ну, он притих до терпимого уровня. Я не бывала на таких вечеринках с тех пор, как однажды, в наш первый год в этой школе, мама не заплатила Мэдди, чтобы та взяла меня с собой. Для того чтобы я смогла найти друзей. С тех пор я много раз играла роль «извозчика», но изо всех сил старалась уклониться от участия в общественных мероприятиях. Больше никогда.

— Привет. Что ты здесь делаешь?

Его голос отдался эхом сквозь грохот в моей голове. Я подняла взгляд и увидела Джоша, выходящего через дверь. Я могла бы задать ему тот же вопрос — он никогда не был персоной грата в списке гостей своего кузена — но потом вспомнила, что его родители уехали вместе с родителями Алекса. Семейный отдых без детей.

К удивлению, и одни, и другие посчитали, что правильнее оставить Джоша и Алекса вместе, пока их не будет. Думаю, это не связано с родителями Джоша. Скорее, отец Алекса хотел удостовериться, что его сын не разнесет дом в их отсутствие. Джош остался бы, чтобы сделать родителей счастливыми, но он ни за что не стал бы выполнять обязанности няньки по просьбе своего дяди.

— Ищу Мэдди, — ответила я. — Она позвонила и сказала, что ее нужно забрать домой.

— Останься ненадолго и побудь со мной. Я принес несколько фильмов из дома. Мы можем посмотреть их наверху.

Джош неделями изводил меня, упрашивал проводить с ним больше времени, но для меня на первом месте стояли школа дизайна и высший балл за экзамен по физике. К тому же, теперь у Джоша есть Ким, а она более чем готова проводить со своим бойфрендом все его время.

— Не могу. Я устала, а у нас тест по физике в понедельник. Надеюсь больше чем на четверку в этот раз.

Точнее, мне нужна была пятерка — только так я могу исправить единицу, которую заработала мне Мэдди на прошлой неделе.

Джош пожал плечами; луч надежды, блеснувший было в его глазах, потух.

— Утром я отправил заявку. Ты закончила со своей?

— Ага, я отослала ее перед выходом. Теперь будем ждать.

Джош засмеялся. Мы планировали это с самого первого года знакомства. Мы подали заявки в один день, в одну школу, и теперь будем сходить с ума в ожидании целых четыре недели. Когда электронные письма, наконец, придут, мы встретимся и сравним их. Мы поступим туда вместе или не поступим совсем. Если один из нас не пройдет, что вполне могло быть, второй тоже не пройдет.

— Да, теперь будем ждать. — Он придержал дверь для меня, и мы вошли.

Через минуту я привыкла к запаху, и он перестал казаться таким уж плохим. Дом не был переполнен, но передвижения это не облегчало. Никто не уступал нам дорогу, приходилось петлять среди людей, мебели и случайных противных ярких вспышек.

— Ты без Ким? — с ухмылкой поинтересовалась я.

В последнее время она стала назойливой, жаловалась, что ее парень проводит со мной слишком много времени, а с ней — недостаточно. Я не видела в этом проблемы, да и Джош тоже, впрочем, это не я встречалась с младшеклассницей.

— Только взрослые, как и сказал Алекс, — ответил он, и я поняла по тону, что отсутствие Ким его не напрягало.

Он провел с ней целый день, пока я торчала в своей комнате, заканчивая наброски для школы дизайна. Зная Джоша, рискну предположить, что он в восторге от того, что сможет провести без нее немного времени.

Я двинулась вперед, вспыхнув от злости, когда кто-то ткнул пальцем в моем направлении и ухмыльнулся. Если б я захотела, я могла бы выглядеть и вести себя в точности как сестра, как и поступала многие годы. Но здесь, будучи самой собой, я была пустым местом.

— В последний раз видел ее на кухне, — сказал Джош, указав в дальний конец дома. — Но с тех пор прошло какое-то время.

— А ты что?

— А что я?

— Почему не предложил отвезти ее домой?

— Она не просила меня, — сказал он, и это прозвучало логично.

Он бы с радостью отвез Мэдди домой... если бы она попросила.

На ходу я с любопытством озиралась по сторонам. Мэдди встречается с Алексом с нашего первого года в школе, но я не бывала здесь раньше. Я много раз забирала ее в конце

подъездной дорожки и иногда могла позволить себе позвонить в дверь. Но до этого вечера меня тут никто не видел.

Я осматривала комнаты, пытаюсь понять, что делало этого парня таким особенным. Если это «что-то» было здесь, то я этого не видела. Его дом, может, и больше нашего, но мебель не выглядит дороже. Док-станция для айпода, стоявшая на столе, не казалась новой. Моя была лучше.

Я заметила силуэт девушки, свернувшейся на диване. Она выглядела до боли знакомо, как кто-то, кого я могла бы сразу узнать, если бы не приглушенный свет.

Девушка всхлипывала и вытирала нос рукавом. Я проследила за ее взглядом, интересуюсь, что же ее так зачаровало. Стена перед ней была пустой, если не считать плоского экрана телевизора посередине, но и тот был выключен.

— Она в порядке? — спросила я у Джоша.

— Кто? Молли? — переспросил он. — Думаю, да. Я уже разговаривал с ней, спрашивал, не отвезти ли ее домой. Она сказала, что все нормально, и она просто хочет побыть одна.

Я подумала, что надо бы убедиться в этом лично. Как только найду Мэдди, мы уедем. Я могла бы подбросить ее. Я отметила про себя, что перед отъездом нужно вернуться и проверить, здесь ли она, затем перешла в следующую комнату.

Кухня находилась в дальней части дома и играла сегодня роль пивного бара. На полу, в коричневом мусорном ведре, наверняка наполненном льдом, стоял бочонок с пивом. У раздвижной двери — два кулера, а на столе — то, что осталось от кучи пицц. Везде были люди: зажатые в маленьком уголке между холодильником и буфетом, сидящие на столешницах, опирающиеся на стены. Из столовой притащили стулья, так что теперь за столом с пластиковыми стаканчиками и чем-то, похожим на мячик для пинг-понга, смогло уместиться двенадцать человек.

Я дважды обежала взглядом комнату в поисках Мэдди, вслушиваясь — может, смогу услышать ее голос. Опираясь на плечи Джоша, я приподнялась, осматриваясь, но свою сестру так и не увидела.

— Ее здесь нет, — сказала я, взглянув на часы.

Вот тебе и «меньше чем через полчаса буду в постели».

Джош, тоже осмотревшись, подошел к парню, стоящему возле двери.

— Ты не видел Мэдди Лоутон?

Парень посмотрел на нас, затем открыл кулер. Покопался во льду, достал бутылку коктейля. Потом встретился со мной взглядом и усмехнулся, без сомнения, слишком пьяный, чтобы понять, что я — не Мэдди. Я вспомнила его: он учился в классе Мэдди по испанскому. Кит или как-то так. Уселся как-то рядом и спросил, не поделится ли «она» с ним ответами к устному экзамену, который сдавала я. Я закрыла глаза и лучшим голосом Мэдди сказала:

— Конечно, дорогой. Все, что пожелаешь.

После чего записала неправильные ответы и положила на край парты. Он подмигнул и быстро списал их, так ни разу и не задавшись вопросом, кто я. Придурок.

Джош заметил взгляд Кита и обрисовал ситуацию:

— Это Элла, — сказал он. — Мы пытаемся найти Мэдди.

— Ха! Это объясняет, почему она так дерьмово выглядит, — ответил Кит и отправился прочь, не предложив помощи.

Я оглядела себя. Может, на мне неподходящая обувь или на свитере большое пятно от

пиццы? Я была одета в старые джинсы, светло-серую толстовку и такую же скучную куртку. Все было в порядке. Кроссовки тоже подходили, так что может дело в прическе? Перед тем как выйти, я быстро собрала их в хвостик, а потом запихала под шапку. Наверное, стоило расчесаться.

Джош схватил меня за руку, когда я стала приглаживать волосы.

— Ты отлично выглядишь. Просто он козел.

Не желая, чтобы Джош заметил, как сильно меня задел комментарий пьяного парня, я попыталась улыбнуться. Сомневаюсь, что у меня получилось.

— Я не врал. Ты выглядишь отлично, — снова сказал Джош. — Как всегда.

Я покачала головой и тут же увидела, как Кит остановился в паре шагов от нас и склонился к уху какой-то девушки. Она повернулась и уставилась на меня. Вот гадость. Дженна.

Она приблизилась, с пивом в одной руке, а другой — держась за руку пьяного парня. Grimаса отвращения, предназначенная мне, отчетливо проступила на ее лице.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Дженна. — Сильно сомневаюсь, что ты есть в списке приглашенных.

— Где Мэдди? — спросила я, игнорируя ее замечание.

— Она взбесится, когда узнает, что ты здесь. Господи, и так ужасно, что ей приходится иметь с тобой дело в школе, а еще и здесь... — Она покачала головой и умолкла, не в силах найти подходящие слова, чтобы описать свою ненависть ко мне.

— Как бы там ни было. Где Мэдди?

Я проследила за взглядом Дженны — она посмотрела на потолок — и застонала. Ну, конечно, это же сестренка — заставила меня волноваться, а сама выпила пару бутылок пива и обо всем забыла.

— Ты, должно быть, шутишь.

Дженна хихикнула, поигрывая светлыми волосами на затылке пьяного парня. Удивительно, она превращалась из дрянной девчонки в кокетку с впечатляющей скоростью. Да... но я не находила это забавным.

— Хочешь проверить наверху? — спросил Джош, указывая в сторону лестницы.

— Хм... нет, — сказала я, вспоминая как однажды зашла в комнату Мэдди без предупреждения, чтобы забрать калькулятор, который она «одолжила».

Мама была в книжном клубе, а папа еще не вернулся с работы, иначе Алекс вряд ли бы переступил порог комнаты Мэдди. Папа удостоверился, что они оба — Алекс и Мэдди — знают правило: никаких парней наверху, если родителей нет дома, и даже когда они есть, дверь должна оставаться открытой. Широко распахнутой. В тот вечер дверь была закрыта, и, открыв ее, я увидела Алекса. Больше Алекса, чем хотела когда-либо увидеть.

— Давай посмотрим снаружи. Если там ее нет, то я проверю наверху, — сказал Джош.

Я кивнула в знак благодарности и последовала за Джошем на террасу. То, чего не хватало внутреннему убранству дома, было здесь, снаружи. Стояла тишина. Огромная лужайка спускалась к озеру. Я увидела у воды смутные очертания и подумала, что это причал, но без света не могла судить наверняка.

Но что я четко видела, так это два кресла адирондак3. И если мои глаза не ошибались, то в одном из них кто-то сидел.

— Мэдди? — спросила я, приблизившись.

Обняв себя, сестра свернулась в комочек. Свою обувь Мэдди держала в руках.

— Мэдди? — повторила я, мягко тряхнув ее. Я никогда не видела ее такой — тихой и отрешенной, — и это начало меня пугать. — Что случилось?

Сестра подняла взгляд, и оказалось, что страх, который я испытала, увидев ее здесь, был ничем по сравнению с болью, пронзившей сейчас мое сердце. Слезы, которые я слышала по телефону, были все еще здесь, они катились по лицу Мэдди, пока она пыталась взять себя в руки. Судя по всему, сестра спряталась тут и рыдала, долго и сильно.

Я метнула взгляд на Джоша, надеясь, что он просветит меня. Он был здесь все это время, спал под одной крышей с Алексом. У него должны быть какие-то мысли по поводу того, что случилось.

Джош пожал плечами, склонившись над сестрой; посмотрел ей в глаза. Выждав секунду в тишине, чтобы Мэдди узнала его, он спросил:

— Где Алекс?

— Внутри, — икнула она.

— Хочешь, чтобы я привел его?

— Нет, — сказала она и встала.

Мэдди вся промокла и дрожала, ее губы были практически синими. По сырой траве и луже у террасы я поняла, что здесь тоже прошел дождь. И видимо Мэдди сидела снаружи, когда он шел. Одна.

Не верилось, что она пьяна. Мэдди поднялась сама, без чьей-либо помощи, и казалось, у нее не было проблем с ответами на вопросы. Она не спотыкалась и не прикрывала рот, пытаясь удержать рвущееся наружу содержимое желудка. Я знала, как выглядит пьяная Мэдди, и это была не она.

Определенно, глаза сестры остекленели от слез, а не от чего-то другого.

— Что происходит? — спросила я.

Она долго смотрела на меня, потом покачала головой.

— Ничего. Мы можем ехать?

У меня была тысяча вопросов, но я знала, что она не ответит ни на один. Хотелось обыскать каждую комнату этого дома, найти Алекса и спросить его, что случилось. Но вряд ли это поможет. Если Мэдди не хотела, чтоб я знала, она мне ничего не скажет. Я услышала бы об этом в школе в понедельник, и абсолютно другую версию истории — на следующий день. К концу недели у меня было бы пятнадцать версий истории «Что случилось с Мэдди Лоутон?» на выбор. Но до того, как услышать их, мне хотелось узнать правду. От нее.

Пока я закрыла на это глаза, поскольку больше всего меня волновало, как поместить дрожащее тело сестры в теплый салон автомобиля.

А на следующий день... на следующий день я бы принялась задавать вопросы.

4

Я не повела Мэдди через дом. Понимала, что сестра оказалась снаружи по какой-то своей причине и вовсе не хотела, чтобы друзья ее увидели.

— Хочешь, чтобы я поехал следом и проводил вас до дома? — спросил Джош.

Я покачала головой. Его машину блокировали пять других, а если я вскоре не доберусь домой, у меня будут проблемы не только с моей молчаливой и несчастной сестрой, но и с отцом.

— Позвони мне, когда доедешь, — сказал Джош, махнув в сторону дома. Несколько человек находилось снаружи, на лужайке перед домом, отключали сигнализации на своих машинах. — Я еще долго не буду спать.

Да, он не будет спать всю ночь, занимаясь уборкой, пока Алекс дрыхнет на диване.

Я забралась на водительское сидение и оглянулась на сестру. Она плюхнулась рядом, уставившись прямо перед собой. Волосы, влажные и тонкие, безжизненно рассыпались по ее плечам, легкий макияж размазался.

— У тебя тушь потекла, — сказала я, достав из кармана платочек и протягивая ей.

Он был влажным из-за дождя, но так даже лучше.

Мэдди отшвырнула платочек прочь и, открыв бардачок, извлекла оттуда упаковку детских салфеток. Тремя точными движениями она вытерла лицо. Все следы макияжа исчезли. Вот так, естественно, без притворства, не поддерживая свой имидж, она была больше похожа на меня.

Дрожь сотрясла тело Мэдди. Она подтянула колени к груди, опустив на них голову. Поймав мой взгляд, сестра улыбнулась. Слабый изгиб ее губ — самое большое проявление благодарности, на которое я могла рассчитывать. Мой взгляд скользнул к ее ногам. Босые. Но ведь когда я нашла Мэдди, она держала балетки в руках. Наверное, бросила их, когда встала. Я подумала о том, что надо бы вернуться за обувью, да заодно прихватить для сестры пальто Алекса, пока мы еще не уехали, но не захотела терять время.

Стащив с себя свитер, я протянула ей его вместе с курткой и шапкой. Я была абсолютно уверена, что отморожу задницу, пока в машине не станет тепло. Но она была бледной и дрожала. Я не знала, что еще делать.

Мэдди взяла мой свитер и просунула руки в рукава, затем надела поверх него мою куртку. Укуталась в нее, прячась в мягкой ткани и уходя в свои мысли. Мэдди не возмутилась, когда я убрала ее волосы под шапку, и не поблагодарила, когда я отдала ей свои носки и обувь. Она просто засунула в них ноги и стала снова смотреть в окно со своей стороны.

Еще не так давно сестра сказала бы «спасибо» и наверняка не стала бы забирать мою единственную сухую одежду. Но за пару лет многое может измениться. Она сильно изменилась за эти годы.

Я включила печку и поискала в машине покрывало, запасной свитер или старые джинсы... что угодно, лишь бы успокоить ее дрожь. Нашлись блеск для губ, пустая коробка из-под печенья и трехдневная куча не сделанной вовремя домашней работы. Забавно, это был испанский. Теперь понятно, зачем для теста ей понадобилась я.

— Мы будем дома через несколько минут, — сказала я, пытаюсь съехать с лужайки на дорогу. С голыми ногами это оказалось сложнее, чем я думала — пальцы соскальзывали с педалей. — Я прикрою тебя завтра перед мамой и папой, а в понедельник, если захочешь побыть дома и отдохнуть от всех, скажу в школе, что ты плохо себя чувствуешь.

— Не могу, — пробормотала она. — Начнутся пересуды, если я не покажусь, будут сплетничать по поводу нашей с Алексом ссоры.

Судя по взглядам, которыми провожали нас люди во дворе, думаю, они уже начали.

— Они начали болтать еще до того, как ты ушла. Поверь мне.

— Нет, это не так. Они бы не стали. Алекс бы не позволил им.

Я застонала, не веря в то, что Мэдди пытается себе внушить такую глупость.

— Ты правда в это веришь? Сплетни начались тотчас же, как я приехала туда, сразу, как они поняли, что ты не стала просить Алекса, а позвонила мне, чтобы я тебя забрала.

Я не стала рассказывать о Дженне и ее нападках. Мэдди приняла бы сторону своей подруги. Она всегда так делала. Оправдывала ужасное поведение Дженны тем, что дома у

нее все непросто. Как будто финансовые проблемы ее родителей и их сумасшедшая потребность скрыть это могли что-то оправдать. Никакой помадой не закрасишь уродство ее души.

Мэдди пожала плечами.

— Ты не понимаешь, Элла. Тебе никогда не понять. Их не волнует твое появление. Их вообще не волнуешь ты. Им больше нравится лгать — сочинять истории, которые могут разрушить жизни их друзей, но сделают их самих еще круче.

Она была абсолютно права. Все происходило на моих глазах. С тех пор, как мы пошли в старшую школу, Мэдди вращалась в кругу этих людей, играла в их игры и беспокоилась о том, что подумают остальные, пока я исправляла ее ошибки.

Я этого не понимала.

Ни тогда, когда Мэдди впервые села за стол Алекса за обедом, ни в последние недели, когда сестра приходила домой с пляжных вечеринок настолько пьяная, что мне приходилось проводить с ней по три часа в ванной, держать ее волосы, пока сестру рвало. Однажды она даже вырубилась, и мне досталась «честь» врать родителям про то, что Мэдди, когда пришла домой с вечеринки, ела китайскую еду, и, как видно, отравилась. Не в первый раз я прикрывала ее и, определенно, не в последний.

Первые капли ударили по капоту машины с грохотом, похожим на барабанный. Я включила дворники, но один из них был сломан — резина на четверть вылезла из лопасти. Они мало помогли избавиться от воды, только развезли по стеклу большое пятно. Вытянув голову, чтобы через очищенную часть стекла видеть путь, я выехала на дорогу.

Знакомый звук входящего сообщения заставил меня взглянуть в сторону Мэдди. Она достала телефон и начала набирать текст, прервавшись только для того, чтобы направить теплый поток воздуха из печки в свою сторону.

— Все под контролем?

— Что? — спросила она, не потрудившись даже оторвать взгляд от телефона.

— Я спросила, все ли ты уладила. Дженна будет придерживаться твоей версии?

— При чем тут Дженна?

Дженна при всем. Насколько мне известно, именно она отняла у меня сестру, представила ее этой шайке школьных тусовщиков и заставила остаться с ними. Если бы не Дженна, у меня все еще была бы сестра... мой лучший друг. Та, с кем каждое четвертое июля я ночевала под открытым небом на заднем дворе дома. Та, кто всегда делился верхушкой своего мороженого с моей куклой Сарой. Она отняла у меня книжку «Ты и твое тело»⁴, которую дала мне мама в шестом классе, и рассказала свою собственную, неприукрашенную версию правды. Дженна забрала мою Мэдди без спроса, и я хотела ее вернуть.

— Дженна при всем! — закричала я. — При всем!

Похоже, я задела ее за живое, поскольку впервые с тех пор, как мы сели в машину, сестра отложила телефон и посмотрела на меня.

— Ты не имеешь ни малейшего понятия о том, что за жизнь у Дженны. Абсолютно никакого.

Может, и нет, но мне было все равно.

— Ну и что, — сказала я, возвращаясь взглядом к дороге. — Как ни крути, она все та же злобная, эгоистичная корова.

Мне не нужно было смотреть на сестру, чтобы понять, что она разозлилась. Я почувствовала это — воздух вокруг нас сгустился от удушающего напряжения.

— Да что с тобой, Элла?

Не знаю, разозлилась ли я из-за дворников или из-за того, что замерзала без куртки и обуви, пока она сидела себе спокойно в тепле, или потому что просто устала, или потому что нервничала из-за поступления и переживала из-за теста по физике, к которому еще нужно готовиться, но я сорвалась.

— Что со мной? Что со мной? Не знаю! Как насчет того, что мне пришлось все бросить, чтобы приехать за тобой, а ты даже не говоришь мне почему? А люди, которым лень оторваться от пива, чтобы отвезти тебя... уж они-то все знают.

Мэдди взглянула на меня, открыла было рот, чтобы что-то сказать, но потом передумала и махнула рукой.

— Тебе не понять.

— Ты права. Мне не понять. Ты так волнуешься о том, что они скажут и подумают, но именно я тебя всегда вытаскиваю. Именно я сдала твой тест по испанскому на прошлой неделе, чтобы ты не вылетела из команды по хоккею на траве за неуспеваемость. Именно я все бросаю, морожу задницу, но еду сюда, чтобы мама и папа не узнали о том, что ты сбежала. Меньшее, что ты можешь сделать, так это...

— Хочешь забрать свою куртку, вот, возьми ее.

Мэдди сняла ремень с плеча и просунула его под руки, затем потянула за рукава куртки. Я жестом остановила ее. Мне не нужна была куртка, пусть хоть спит в ней, мне все равно.

— Дело не в куртке, Мэдди. Дело во мне, в том, что я всегда должна тебя вытаскивать.

— Я никогда не просила...

— Ты позвонила мне. Ты. Позвонила. Мне. Мне!

— Может быть, — сказала она, пожимая плечами. — Но ты не обязана была приезжать.

Мне пришлось проглотить ком в горле, чтобы удержаться от слез. Я делала все, о чем просила Мэдди. Но неважно, что я делала и как далеко заходила для нее, она держала меня на расстоянии. На безопасном расстоянии, в пяти шагах от себя и своего круга.

Когда мы были детьми, я знала о ней все. У нас был общий личный дневник до тринадцати лет. Один на двоих. Каждый день одна из нас писала в нем, затем передавала другой прочитать и сделать свою собственную запись.

Мой позор в первый день в средней школе — я споткнулась и упала в столовой, и обед разлетелся повсюду. Боль Мэдди — оказывается, мальчик, который ей нравился в седьмом классе, поспорил с другом, что пообжигается с ней в кладовке.

Страх и смущение — а сумеем ли мы понравиться другим людям, когда в то лето, после пятого класса, мы впервые пошли в лагерь. На самом деле мы тогда не очень переживали, ведь у меня была Мэдди, а у нее — я.

Тогда мы делились всем, даже тем, о чем было стыдно сказать вслух. Теперь же, если повезет, она кивает мне при встрече в холле.

— Я больше не буду делать этого, Мэдди. Разбирайся сама со школой, с мамой и папой, со всем.

— Подожди... Что? Почему? — забормотала она в испуге, и, не дав мне времени ответить, продолжила: — Ты не можешь так поступить. Если они узнают, мне конец, они накажут меня на несколько недель, а скоро Снежный Бал, к тому же у Дженны... ты не можешь. Ты моя сестра. Ты не можешь.

— Не мои проблемы.

— Почему, Элла? Почему ты так со мной поступаешь?

— Я не поступаю никак. В том то и дело, Мэдди. Я больше никак не буду с тобой поступать. Как я и сказала, ты сама по себе. Я делаю всю работу, а ты...

— Ты завидуешь. Ты поступаешь так, потому что завидуешь.

Я даже не стала отвечать. С ее стороны глупость так говорить, это абсолютная неправда. Последнее, чего бы я хотела — так это быть ей, постоянно заботясь о том, как я выгляжу, с кем встречаюсь и что говорю. Она всегда так делала, всегда притворялась совершенной. Слишком много стараний.

— Знаешь, сколько бы я отдала, чтобы быть тобой? — спросила она. — Насколько это проще — быть таким безмянным человеком с задней парты, которому не надо беспокоиться о том, что подумают люди или как они...

Я не слышала, что она говорила дальше — пыталась переварить слова о безмянном-человеке-на-которого-всем-пофиг. Я ведь не была идиоткой. Прекрасно знаю, что люди по-разному думают о ней и обо мне. Бесчисленные фотографии Мэдди на комодке наших родителей, огромное количество людей, которых как магнитом притягивает к ней в школе, пятьдесят тысяч сообщений в телефоне каждый день по сравнению с моими десятью — достаточное тому доказательство. Но слушая, как она говорит это — моя собственная сестра признает, что никого в школе не волнует, кто я такая — я вдруг стала по-настоящему все осознавать.

— Вот, значит, кем ты меня считаешь? — спросила я, не сумев скрыть легкую дрожь в голосе. — Так думаешь и ты, и все остальные?

— А какая тебе разница? — парировала Мэдди, очевидно, все еще злая. — Сама же говоришь: кого волнует, что подумают люди?

Люди... конечно. Но она не была случайным человеком в школе. Она была моей сестрой.

Мне хотелось выскочить из машины. Подальше от нее. Забыть о дожде и пойти домой пешком. Потребовалось бы более трех часов, чтобы преодолеть эти десять миль, но мне было все равно. Пусть Мэдди сама придумывает, почему меня не было в комнате, когда папа встал, чтобы выгулять Бейли. Хотя, насколько я знаю, она пожмет плечами и скажет, что спала и не знает, где я. Но я бы все исправила. В ту же секунду, как оказалась дома, в ту же секунду, как папа задал бы первый вопрос, я бы это исправила.

— Забрать меня — меньшее, что ты можешь сделать, — продолжила она, ее голос достиг оглушающего тона. — После всего того, что я сделала для тебя, людей, которых я...

— Ты никогда ничего не делала для меня, — бросила я в ответ. — С того дня, как твоя нога ступила в Крэнстон-Хай, ты ничего не делала для меня. Как будто я больше не твоя сестра, как будто ты стесняешься того, что тебя увидят со мной.

— Ты понятия не имеешь, что о тебе говорят, Элла, — сказала Мэдди. — Сколько раз мне приходилось придумывать оправдания тому, как ты ведешь себя и одеваешься.

— Ох, я слышала это. Дженна позаботилась об этом...

— Ты думаешь Дженна — самая плохая из них? Ты понятия не имеешь. Думаешь, ты прикрываешь меня? Слышала бы ты, что мне приходилось говорить друзьям, чтобы объяснить, почему ты такая социопатка. Элла стеснительная. Элла тихая. Элла начинает нервничать среди людей.

Она перестала кричать на меня, чтобы перевести дыхание, чтобы позволить раздражению перерасти в чистый гнев.

— Ты сидишь там со своим дружкой и смотришь на нас, как будто мы идиоты. Но

знаешь что? Это ты эгоистка, и меня тошнит от твоего дерьма! Меня тошнит от того, что ты ведешь себя так, как будто ты лучше меня, но мы обе знаем, что это не так!

Я ударила по тормозам и резко повернула руль вправо. Чем скорее я уберусь от Мэдди подальше, тем лучше. Она схватилась за подлокотник, внезапный рывок автомобиля застал ее врасплох. Отлично. Как раз вовремя. Я хотела застать ее врасплох.

На мгновение, когда я заставила машину повернуть против ее воли, шины сцепились с дорогой, колеса задрожали. Потом вибрация смягчилась, и тряска стихла. Машину заносило туда-сюда. Я почувствовала, как колеса буксуют, и вывернула руль обратно, пытаясь заставить автомобиль ехать прямо. Выдавила тормоз до пола, чтобы остановиться, но машина продолжила движение.

Я увидела обочину дороги, три дюйма бетонного тротуара отделяли нас от деревьев. Не было никакого разрывающего уши шума, я не хваталась за дверь, чтобы удержаться. Ничего кроме полной, абсолютной тишины.

Машина закачалась, ударившись о бордюр, но не остановилась. Развернувшись, она продолжила свой путь. Я испуганно посмотрела на сестру и наткнулась на такой же испуганный взгляд. Ее глаза расширились, губы раскрылись в безмолвном крике. Деревья, приближаясь, становились все больше.

Я видела, слышала и чувствовала все в замедленном темпе. Ветки со скрежетом царапали крышу, листья осыпались на лобовое стекло. Машину тряхнуло, она отскочила влево, багажник влетел в дерево. Я видела, как это случилось, как оторвалась кора. Бледно-синяя полоска краски осталась на этом месте.

Крик Мэдди перебил мой собственный. Через лобовое стекло я видела, как летят навстречу деревья. Машина все еще двигалась, набирая скорость и кренясь вправо, забалансировала на внешних краях шин, пока не опустилась снова.

Тонкий конец ветки сломался и упал на капот. На секунду я почувствовала облегчение, но потом услышала, как треснуло лобовое стекло. Мой взгляд остановился на нем. Я увидела, как ширится трещина, как круги становятся больше и расползаются, пока лобовое стекло, наконец, не разлетелось, осыпав меня осколками.

Каким-то образом у меня хватило ума подготовиться, схватиться за руль и зафиксировать руки. Я оглянулась на Мэдди. Она кричала, закрыв глаза, и молотила руками, пытаясь за что-нибудь уцепиться. Ее рука задела мою, и я схватила ее, сжимая изо всех сил.

Не было никакого ослепляющего света, когда мы врезались в дерево, только жгучая боль, за которой последовала темнота. Абсолютная, всепоглощающая тьма.

5

Шум.

Он вырвал меня из объятий темноты. Голоса, сирены, скрежет металла, топот бегущих ног — все это соединилось в громкую какофонию. Я пробиралась сквозь черный туман, пытаясь ухватиться за любой слабый звук — быть может, он поможет мне выбраться из-под придавившей к земле тяжести.

— Нет, еще нет! — закричал кто-то, и руки, прикосновение которых я на себе ощущала, куда-то пропали.

Я попыталась пошевелиться, поднести пальцы к лицу и отодвинуть влажную дымку, застилающую глаза. Но ничего не пошевелилось. Ни руки, ни голова, ни даже ноги. Как будто все мое тело было зажато в металлических тисках.

— Полегче там, — вновь прозвучал голос. Я не знала, кто это, но мне стало спокойнее.

Я почувствовала, как кто-то приподнял мне веки, Жгучий свет ударил сначала в левый глаз, затем в правый. Глаза закрылись, и свет исчез, боль осталась позади.

— Ты можешь сказать мне свое имя?

— Нам нужно ехать. — Сейчас это была женщина, ее голос прозвучал резко и отрывисто.

Ехать? Куда ехать? Мне хотелось спать.

Спать? Стоп. Я не могу спать. Я же хотела поехать и забрать Мэдди.

Она позвонила мне от Алекса, говорила что-то о том, что ее нужно забрать. Стоп. Нет. Я же была у Алекса. Мэдди рыдала на заднем дворе. Вот почему я промокла. Ее слезы падали на меня. Нет, не так. Это был дождь.

Я потрясла головой, пытаюсь собрать воедино обрывки информации. Ничего из этого не имело смысла. Мэдди назвала меня безымянным существом. Ничтожеством. Это я помнила. Во мне поднялся гнев — гнев, сдобренный болью.

Боль? Стоп... что? В голове боль. Если точно, то чертовски сильная боль. Как будто кто-то ударил меня киркой по лицу. И почему я мокрая? Я сконцентрировалась на пальцах, заставив их подчиняться, сгибая, пока они не коснулись друг друга. На ощупь они были мокрыми, но теплыми. Почему дождь теплый?

— Оставайся со мной, — снова прозвучал мужской голос, но на этот раз он не был успокаивающим.

Он звучал пронзительно, требовательно.

Мои ноги замерзли. Обувь. Я оставила ее у Алекса. Нет, это Мэдди оставила свою обувь у Алекса. На ней были мои кроссовки. Мой свитер и куртка тоже были на ней — вот почему я замерзла. По крайней мере, я так думала. Я попыталась посмотреть вниз, но голова не пошевелилась. Она будто приклеилась к месту.

Было больно дышать. Я разлепила веки и увидела мигающие огни. Что случилось с лобовым стеклом? Это ветки на приборной панели? И что это за красная краска на зазубренных осколках окна с пассажирской стороны?

— Больно, — выдавила я.

— Я знаю.

Я повернулась в сторону мужчины, но не смогла разглядеть его лица. Оно было размыто... как в тумане.

— Я собираюсь дать тебе обезболивающее. Но сначала назови мне свое имя.

Мое имя. Мое имя? Боже, было больно даже думать. Я потрясла головой. Вспомнить даже одно-единственное слово оказалось не по силам. Я увидела вспышку искр справа от себя и попыталась повернуть голову. Там что-то резали: звук металлических лезвий, бьющихся друг о друга, взрывами отдавался в моей голове. Машина со стороны Мэдди была смята, грязь и листья набились в тысячу паутинок из трещин на окне.

Холодный ночной воздух ударил в меня, и тело охватила дрожь. Дверь с пассажирской стороны исчезла, две руки в перчатках отбросили ее в сторону в спешной попытке пробраться внутрь... добраться до Мэдди. Она лежала на панели лицом вниз, тело было согнуто под странным углом. Торопливые слова, смысл которых ускользал от меня, эхом прокатились по машине, когда они осторожно перевернули сестру на спинку сидения. Голова Мэдди склонилась набок. Кто-то коснулся ее шеи, затем запястья — и отошел от машины, качая головой. Если бы у меня остались силы на слова, я бы закричала, чтобы они оставили ее в покое, здесь, в безопасности автомобиля, не забирали ее в темную, мокрую

ночь.

«Мэдди?»), — шептала я у себя в голове. Ее глаза были открыты, она смотрела на меня. Почему она не моргала? Почему не двигалась?

Мэдди не боролась, не кричала от боли, когда ее вытаскивали из машины. Просто обмякла в чужих руках. Одинокая капля скатилась с ее щеки. Я проследила за ней взглядом. Капля упала на пол, и я увидела свой кроссовок на грязном коврике рядом с моим телефоном. А где другой?

— Оставайся со мной, — сказал мужчина. — Ты можешь назвать мне свое имя?

Меня не волновало мое имя. Я хотела знать, куда они забрали Мэдди, и почему она выглядела такой тихой и холодной. Я слышала, как мужчина разговаривает со мной, требуя ответа. Я отгородилась от его слов, сосредоточив все свои силы, чтобы позвать сестру.

— Мэдди, — прошептала я, надеясь, что она услышит.

Надеюсь, что она узнает меня, скажет что-нибудь, хоть что-то.

— Вот так. Хорошо. Ты знаешь, где находишься?

Я хотела покачать головой, но было больно двигаться.

— Нет, — удалось мне прошептать.

— Все хорошо, — сказал он. — Теперь мы заберем тебя отсюда. С тобой все будет хорошо.

— Мэдди, — повторила я, когда он протянул ко мне руки.

На этот раз я не сопротивлялась. Я не боролась за то, чтобы остаться там. Просто позволила случиться тому, что должно.

6

Больно. Больно двигаться. Больно думать. Больно чувствовать, но я все равно чувствовала. Я пыталась понять, где я, который час, но знакомых голосов не было, только шум. Постоянный механический стук.

Мне больше не было холодно. По правде сказать, было жарко. Убийственно жарко. Сквозь хаос в голове слышалось пиканье. Я прислушивалась к этому ритмичному звуку, пока не смогла считать в унисон с ударами.

С каждым пиканьем я вспоминала. Эти вспышки памяти были настолько хаотичными и ужасающими, что я кричала в своей голове, моля о том, чтобы все кончилось. Дождь, вращающиеся колеса и запах... едкий запах гари. Град, покрывший дорогу, размывающий полосы. Я, выворачивающая руль. Визг тормозов. Дерево и наши крики ужаса, когда ветка разбила лобовое стекло.

Я все еще слышала музыку, игравшую по радио. Раздражающая мелодия для местной автомойки крутится в моей голове, как проржавевшее хомячье колесо. Я хотела, чтобы это прекратилось, хотела выскрести ложкой свои уши, горящее горло и разрывающийся мозг.

Я хотела позвать на помощь, но не смогла издать ни звука. Хваталась за пустоту, пытаюсь избавиться от воспоминаний, запаха крови и жженой резины и вонзившихся в кожу осколков. Я чувствовала свои руки и ноги. Они были крепко сжаты, будто кто-то обвязал их веревкой и затянул с особой жестокостью.

Что-то хрустнуло, мой мозг и тело сгруппировались в одном ужасающем толчке. Мне удалось выдать звук, и я закричала, застряв в воображаемом мире, таком ярком, таком отравляющем, что могла поклясться — он был реальным.

— Эй, успокойся. Ты жива. Ты в безопасности. Слава Богу.

Я знала этот голос. Отдаленно он был мне знаком.

Поморгав, я поняла, что нахожусь в помещении. Теперь я могла пошевелиться: то, что держало мой мозг в ловушке, ушло. Проклиная тупую боль в голове, я повернулась в сторону голоса. Лицо говорившего было размыто. Я узнавала его или, по крайней мере, должна была узнать. Эти глаза, мягкий тон — все в нем вовлекало в воспоминания, спрятанные глубоко в моей раскальвающейся голове.

Парень придвинул стул к моей кровати и сидел на нем, положив голову на руки. Его плечи были опущены, а руки дрожали. Бледность покрывала лицо, а запавшие глаза давали понять, что он не спал несколько дней. Стоп... дней?

— Привет, красавица. С возвращением, — прошептал он.

Я потянулась протереть глаза, но жгучая боль пронзила руку. Перед глазами замелькали «мушки». Я почувствовала, как по лицу потекли слезы, но ничего не могла с ними поделать. Парень мягко положил свою руку поверх моей, другой рукой вытер мои слезы, а потом поцеловал меня в лоб.

Это не исправило мое зрение. Я моргнула еще несколько раз, надеясь избавиться от последних темных точек перед глазами, но все, что из этого вышло — еще больше слез и мокрые щеки. Какие-то аппараты, кнопка вызова у кровати... комната вокруг меня кружилась, а от попытки сосредоточиться голова разболелась еще сильнее.

Парень отстранился, и я изучила взглядом его лицо в попытке обрести воспоминания. Я надеялась, что он назовет мне свое имя, молилась, чтобы он назвал мое. Мне было очень нужно узнать, кем я была и почему находилась здесь.

— Ты напугала меня. Ты напугала всех нас. Мы думали, что потеряли тебя, — продолжил парень.

Его глаза блестели, по щеке, прежде чем он успел ее сморгнуть, скатилась слеза. Почему он плакал?

Пытаясь справиться с тяжелым туманом, нависшим надо мной, я повернула голову. Думала, что увижу в комнате кого-то еще, ведь я четко помнила два крика — свой и чужой — и глаза, глядящие на меня. Но другой кровати не было, не было и другой девушки, только длинный подоконник и маленький столик на колесах, буквально утонувшие в цветах. Может, это был сон, ужасно яркий, сюрреалистичный сон.

Я насчитала пятнадцать ваз с цветами только на подоконнике, потом сдалась и посмотрела на ту, что была ближе всего. Она стояла на передвижном столике, в огромном букете белых роз была спрятана открытка.

Парень проследил за моим взглядом.

— Вот, — сказал он, протягивая мне открытку. — Они от меня.

Я открыла конверт, но написанное от руки пожелание читать не стала. Мне хотелось только узнать, кто он. Алекс.

Я прокрутила в голове это имя. Звучит знакомо. Я не знала, как и почему, но с этого можно начать.

— Алекс. — Мой голос дрогнул, и пришлось сделать пару глотательных движений, справляясь с голосом.

— Ш-ш-ш... расслабься. Не пытайся говорить, — сказал он, убирая волосы с моего лица. — У тебя сломано несколько ребер и вывихнуто плечо, к тому же ты довольно сильно ударила головой. Пришлось сделать операцию, чтобы исправить твоё запястье, но врачи говорят, все будет нормально.

Услышав о своих травмах, я удивленно распахнула глаза. Помимо воли пришли мысли о

другой девушке, той, что сидела в машине на пассажирском сиденье. Неужели она тоже пострадала, неужели она тоже здесь, в этой больнице?

Повернув голову, я увидела трубки. Четыре из них шли ко мне. Я последила за одной, она вела к моему пальцу, фиксируя мою руку в каком-то пластиковом устройстве. Одна вела к груди, другая заканчивалась в носу. Последняя была зажата повязкой на руке.

Моргнув, я почувствовала тянущую боль над правым глазом. Здесь саднило больше всего. Я решила, что там повязка, может быть, даже швы, но нужно было зеркало, чтобы узнать наверняка. Левая рука была тяжелой, как будто ее обложили кирпичами, запястье болело тупой пульсирующей болью где-то глубоко в кости.

Я осторожно оперлась на здоровую руку и постаралась приподняться. Голова закружилась, все вокруг меня: цветы, Алекс, мое собственное тело — превратилось в одно сплошное пятно. Живот свело. Я попыталась справиться с болью, часто глотая, пытаюсь удержать рвущееся наружу содержимое желудка.

Не в силах сдвинуться с места, я лихорадочно обвела комнату взглядом. Мне нужна была ванная, мусорное ведро, пакет, что угодно, чтобы облегчить желудок. Алекс все понял, сунул мне под подбородок пластиковую чашку и придержал волосы. Меня не волновали ни волосы, ни человек, держащий чашку. Я просто хотела, чтобы боль утихла.

Алекс не сказал ни слова, пока меня рвало. Только гладил меня по спине, напоминая, что нужно дышать. Проще было сказать, чем сделать.

С осторожностью он поправил подушки на кровати. Боль отступала с каждым вдохом, медленно покидая меня. Взгляд упал на вазы на подоконнике. Одна, вторая — я снова принялась их считать.

— Можешь не считать, — сказал Алекс. Бросил в урну бумажное полотенце, которым вытирал руки, и уселся на кровать рядом со мной. — Здесь тридцать семь букетов, дома больше.

В растерянности я потрясла головой. Как я могла знать тридцать семь человек, если даже не помнила своего имени?

— Они от наших друзей. Дженны, Кита, некоторые от ребят из футбольной команды. Я думаю, есть букет и от тренера Райли. Все они были здесь, ночевали в холле последние два дня.

Я не помнила никого из этих людей, и он сказал два дня?

Я повернула голову в сторону окна, ведущего в холл, но шторы были опущены, дверь закрыта. На стене висела белая доска, куча чисел, написанных рядом с другими, означавшими, как я думаю, время. Сверху было написано мое имя. Наверное, мое.

Мэдди Лоутон.

— Ты знаешь, где ты, что случилось? — спросил Алекс.

На его лице промелькнуло беспокойство, взгляд заметался между мной и доской, которую я рассматривала.

Я покачала головой. Кровать, белые стены и подключенные ко мне аппараты подсказали, что я в больнице. Я вспомнила, что произошел несчастный случай, ужасный случай. Но кем я была, как долго здесь находилась и кем была вторая девочка в машине со мной... нет, я не имела об этом никакого представления.

— Ты знаешь, кто ты? — Его голос сорвался до шепота, робкого и неуверенного.

Я снова посмотрела на доску, затем на свое запястье. На нем был пластиковый браслет с именем и множеством чисел.

— Мэдди Лоутон.

Услышав это, он улыбнулся. Слабое и неуверенное, но все же подтверждение моей правоты.

— Я Мэдди. — Слова прозвучали на моих губах как чужие, но Алекс согласно кивнул. При звуке моего имени его лицо просветлело. — А где другая девушка... та, что была со мной в машине? Где она? Она в порядке?

— Элла, — сказал Алекс, и облегчение в его глазах, которое я видела секундой раньше, сменилось беспокойством. — Твою сестру звали Элла.

Имя прозвучало так легко, так совершенно правильно. «Элла».

— Мэдди? — Теперь Алекс стоял, глядя на меня, словно ожидая каких-то действий или слов. Проблема была в том, что я не понимала, чего именно. — Ты знаешь, кто я?

Я знала, но не потому что чувствовала связь с ним или привязанность, а скорее, потому что так было написано на открытке, которую он мне показал. Страх пробился наружу, пугающее ощущение какой-то неполадки... того, что со мной что-то не так. Оно ударило по мне — понимание того, что все мои знания сводились к ничтожной паре фактов. Я знала, кем был он, и кем была я, и это все.

— Ты — Алекс, — сказала я, уставившись на свою руку в его руке.

Его большой палец вырисовывал линии на моем запястье. Прикосновение было нежным, мягким, как и взгляд. Так себя ведут, только если знают человека... действительно знают.

— Ты мой парень, верно?

Выражение моего лица, должно быть, изменилось, потому как Алекс заговорил быстро, но тщательно выбирая слова:

— Все будет хорошо, Мэдди. Ты выздоровеешь. Я пойду, приведу твоих родителей. Они снаружи, в холле, разговаривают с твоим врачом.

— Нет, постой. Где другая девушка? Моя сестра... — Мне пришлось сделать паузу, чтобы проглотить боль от этих простых слов. — Где Элла?

Я увидела, как заостряются черты его лица. Тихий успокаивающий голос Алекса стал напряженным:

— Все будет в порядке, Мэдди. Все это не твоя вина.

Моя вина?

— Что? Что ты имеешь в виду под моей виной?

Он покачал головой. То, что он не мог объяснить это, было достаточным ответом.

Короткое молчание, которое за этим последовало, было всепоглощающим. Медленно кусочки воспоминаний стали собираться воедино. Я не слышала крика, сорвавшегося с моих губ, сознание сосредоточилось на осколках образа девушки... Эллы на сидении рядом со мной, ее безжизненных голубых глаз, смотревших на меня, пока ее вытаскивали из машины.

— Мэдди, пожалуйста, не плачь. Никто тебя не осуждает. Дорога была мокрой, машина скользила. Ты никак не могла остановить ее.

Он потянулся ко мне, но я отпрянула от прикосновения.

— Нет! Не трогай меня!

Я не хотела, чтобы меня утешали или поддерживали. Пусть Алекс просто скажет мне, что случилось, и почему я не помнила ничего, ничего, кроме мертвых глаз этой девушки.

Алекс оставил меня там, рыдающую, путающую слова. В его глазах, когда он, наконец,

поднялся и буквально бросился к двери, стоял ужас. Он умолял меня успокоиться, обещал, что все будет хорошо. Он ошибался, так ошибался. Ничего уже не будет хорошо, никогда.

Если то, что Алекс так осторожно пытался до меня донести, правда, тогда девушка, та, что была со мной в машине, та, которую я убила, была моей собственной сестрой. Ничто... ни моя ужасающая неспособность вспомнить кто я, ни даже боль, пронзающая голову, не помогло мне справиться с этой чудовищной истиной.

— Она очнулась, — услышала я его слова.

В холле поднялся громкий шум. Восклициания радости смешались с плачем. В дверях палаты возникла какая-то девушка, но ее имя не всплыло из темных закоулков моего сознания. Да в этом и не было нужды. Эмоций, отразившихся на ее лице, было более чем достаточно. Меня пронзила ненависть, всепоглощающая, глубокая ненависть, направленная исключительно на нее. Спасибо Алексу, он остановил девушку у двери и мягко отодвинул в сторону, пропуская в палату кого-то другого.

Дверь закрылась, отделяя нас от людей в холле. Запах кофе наполнил комнату. Я посмотрела на вошедшего мужчину пристальным взглядом, молясь, чтобы он хоть что-то мне объяснил.

Он замер на полпути, уставился на меня. Я надеялась, что он увидит в моих глазах мольбу и скажет или сделает что-то, чтобы вернуть мне простое осознание мной того, кто я такая и что случилось.

Мужчина уронил стакан. Черный кофе залил его обувь, а он застыл на месте, казалось на целую вечность. Его плечи задрожали, и только тогда я увидела слезы. Мужчина не пытался их спрятать. Я могла поклясться, что увидела короткую вспышку замешательства на его лице, как будто он пытался найти взглядом то, чего здесь не было, как будто он, как и я, пытался вписаться в мир, в котором ему не было места.

— Мистер Лоутон? — сказал Алекс, обеспокоенным тоном, и мужчина, наконец, отвернулся от меня. — Она еще не совсем пришла в себя. Еще не совсем осознает, кто она и почему находится здесь. Думаю, такое возможно из-за обезболивающих. Врач сказал, что она некоторое время будет рассеянной, но она задает вопросы о... — Алекс осекся; жалость, которую я слышала в его голосе, давила на меня. — Я не знаю, что она помнит, и подумал... я не хотел говорить ей... я подумал, может быть, Вы и миссис Лоутон...

Замешательство мужчины исчезло, он поднял руку, останавливая речь Алекса. Подошел к моей кровати, осторожно присел. После секундного колебания его пальцы коснулись моего лица, стирая слезы.

— Как поживает моя девочка?

Я прижалась к его руке. Удивительно, каким успокаивающим может быть простой жест.

— Почему я здесь? Что я сделала? — вопросы вырвались из меня, и каждый из них порождал еще больше беспокойства, больше неопределенности.

— Все хорошо, Мэдди. Мы с мамой обещаем тебе, что все будет в порядке.

Я вздрогнула от его слов, звук имени с такой яростью пронесся сквозь меня, что я забыла, как дышать. Я даже захотела, чтобы так и осталось, чтобы последний вздох покинул мое тело, и я забыла об этом ужасном чувстве вины внутри. Вины, которую я не понимала.

— Где моя сестра?

— Ее больше нет, дорогая. — Папа постарался спрятать свою боль, скрыть блеск слез в глазах, но я все равно услышала в его голосе заминку, легкую дрожь, сопровождающую эти три тяжелых слова.

У меня перехватило дыхание — и чувствительная аппаратура тут же отреагировала. Зазвучал предупреждающий сигнал.

Алекс побледнел. Папа оказался рядом, распростер надо мной руки в поисках боли, которую ему так хотелось унять. Моя мама ворвалась в палату, за ней по пятам — две медсестры и врач. Первая медсестра прошла к капельнице, другая — к оборудованию на стене. Врач направился ко мне, но мама оттолкнула его в сторону.

— Мэдди, я не потеряю тебя, — мое лицо оказалась в ее ладонях, ее глаза — так близко к моим, что я могла видеть проблески золотого, спрятанные в зеленом. — Посмотри на меня. Посмотри на меня, Мэдди!

Я посмотрела. Я открыла глаза шире и уставилась на нее. Гнев, решимость, может быть, страх... не знаю, что именно было в ее взгляде, но сила этого пронзила меня, удержала мои мысли от падения в темную бездну. И я сосредоточилась на ней.

— Господь уже забрал одну из моих дочерей. Он может забрать у меня все, что хочет, но не тебя, Мэдди. Только не тебя. Ты поняла меня? Дыши!

И я начала дышать, не потому что хотела жить, а потому что так сказала мама... потому что она сказала мне. Дыхание перехватило, когда я попыталась наполнить легкие воздухом, и когда мне это удалось, воздух прожег себе путь вниз по моему горлу.

Врач обошел с другой стороны кровати. Он держал мое запястье, пока медсестра регулировала скорость капельницы. Мама игнорировала их всех, полностью сосредоточившись на мне.

— Вот так, Мэдди, — уговаривала она. Ее успокаивающий голос давал мне жизнь, ее глаза требовали, чтобы я дышала.

Звук тревоги медленно затихал, пока я делала один тяжелый вдох за другим. Голос мамы отзывался эхом, ее тон становился спокойнее с каждой секундой.

Она прижала меня к себе. Я не слышала ее шепота — его заглушала тьма в моей голове. Высвободившись из ее объятий, я повернулась. Папа стоял у двери, рукой он уперся в стену. Казалось, он вот-вот упадет в обморок. Алекс сидел на полу у его ног и бормотал что-то о том, чтобы Мэдди жила.

Все в этой комнате обожали меня, все буквально сходили с ума при мысли о моей смерти. Но что насчет другой? Что насчет Эллы? Кто был с ней, когда она умерла? Кто был с ней сейчас?

8

Было тихо. Те, кто собрался в холле, разошлись по домам еще вчера вечером, медсестры, проверявшие мои жизненные показатели, разбрелись по отделению и приходили только по сигналу от аппаратов, а те почти всегда молчали. Всем хотелось, чтобы я отдохнула. По крайней мере, так говорили. Даже предлагали мне снотворное. Я не хотела закрывать глаза, а уж тем более, засыпать, но все равно принимала таблетки. Может, удастся крепко уснуть и не видеть снов. Но нет. Кошмары всегда были там, таились в ожидании момента, когда я закрою глаза и засну.

Я повернула голову в сторону. Запах хлорки и несвежего кофе раздражал обоняние, хотя вскоре я к нему привыкла и даже нашла успокаивающим. Он помогал мне ощущать почву под ногами.

Зажмурившись, а после хорошо проморгавшись, я вернулась к тщательному изучению потолка. Он совсем не изменился за три отвратительно долгих часа разглядывания. Белый, с большой бежевой полосой по центру. Раньше там, наверное, была разделительная балка.

Должно быть, две палаты когда-то соединили в одну. Свидетельство этого было выставлено на всеобщее обозрение.

Одинокая слеза скатилась по моей щеке. Лучше поплакать, пока никто не видит. Всякий раз, когда я просыпалась, Алекс был рядом, держал мою руку и уверял, что через пару дней все наладится. Хотелось бы мне иметь его веру.

Прямо сейчас он спал на стуле у моей кровати. Мама и папа тоже были там, прикорнули на диванчике в углу. Папа выглядел измотанным, напряженным, вздрагивал во сне. Наверное, его мучат те же кошмары, что и меня.

Дверь в мою палату приоткрылась и вошла медсестра. Кажется, она удивилась, увидев, что я не сплю.

— Не устали? — спросила она, проверяя показатели на дисплее. — Если хотите, могу дать еще что-нибудь.

— Нет, — сказала я.

По правде, я была измотана, устала сильнее, чем когда-либо. Но спать, когда жизнь разбита на кусочки — не лучший выход.

— Моя сестра. Элла, — прошептала я, стараясь не разбудить Алекса и родителей. — Вы можете рассказать мне о ней? Она хотя бы была жива, когда ее привезли?

Взгляд медсестры метнулся в сторону моих родителей.

— Они мне не скажут, — сказала я.

Я уже спрашивала их тысячу раз, но они лишь качали головами и говорили, что сейчас не время. Я спросила Алекса в один из тех редких моментов, когда родители вышли из палаты. Но он все твердил, что я не виновата. Как будто это могло как-то помочь мне почувствовать себя лучше, облегчить сознание вины.

— Прошу, мне нужно знать что-нибудь. Что угодно, — продолжила я.

— Я не работаю в отделении неотложной помощи, так что не знаю, сколько смогу рассказать.

— Я могу ее увидеть? То есть я знаю, что она... — Я замолчала, не в силах объяснить срочную необходимость увидеть свою сестру. Сестру, которую я не помню. — Пожалуйста, я хочу увидеть ее.

Целую минуту медсестра колебалась, нервно постукивая рукой по спинке моей кровати.

— Хорошо, — наконец сказала она, а я ощутила одновременно и облегчение, и страх.

Мне нужно было это сделать, и я хотела это сделать, но мысль о том, что придется столкнуться с тем, что я натворила, заставила меня пожалеть о своей просьбе.

Я села, поморщившись от соприкосновения ног с холодным кафельным полом.

— Вот, — сказала медсестра, протягивая мне пару носков.

Я отказалась. Мне нравился холод, раздражающее напоминание о том, что я все еще жива.

Услышав бормотание медсестры, проснулся Алекс. Я увидела, как он открыл глаза, когда я встала.

— Что происходит? Ты в порядке? — спросил он, переводя взгляд с меня на медсестру. — Почему ты не в постели?

Я приложила палец к губам, чтобы он замолчал.

— Со мной все в порядке, — прошептала я. — Она ответит меня к... — Я осеклась, не зная, как сказать ему, что должна увидеть свою сестру, или объяснить тяжелое мучительное чувство потери.

— Она отведет тебя куда? — спросил Алекс, обнимая меня за талию, чтобы поддержать.

Я опустила глаза, затем позволила словам сорваться с моих губ.

— Увидеть сестру.

Глаза Алекса расширились от шока, его рука сжалась вокруг меня, лицо побледнело.

— Что? Зачем? Нет.

Он отпустил меня и повернулся, чтобы разбудить моих родителей. Я остановила его.

— Пожалуйста, я не хочу, чтобы они шли со мной.

«Я не хочу, чтобы даже ты шел со мной», — добавила я беззвучно.

— Мэдди, послушай. Увидев Эллу, ты не вернешь ее. Все просто станет еще тяжелее, еще реальнее.

— Все уже реально, — сказала я. — Я скучаю по ней, Алекс, и не знаю, почему. Я ведь ничего о ней не помню. Ни звука ее голоса. Ни любимого ТВ-шоу. Я даже не знаю, какое мороженое она любила: шоколадное или ванильное. Все, что я знаю, так это то, что что-то внутри меня исчезло, ушло, и мне нужно увидеть ее, чтобы разобраться с этим.

Я не ожидала, что он поймет. Я сама не понимала. Но я хотела, мне нужно было, чтобы он разрешил мне сделать так, как я хочу.

9

Медсестра настояла на том, чтобы отвезти меня к смотровой комнате для родственников. Она примыкала прямо к моргу. Я хотела пойти пешком и собиралась сказать ей об этом, но Алекс опередил меня. Он усадил меня в кресло-каталку и сам повез к лифту.

Я ожидала увидеть помещение в темном подвале, где вдоль стен выстроились стальные шкафчики для тел. Я не была готова к тихой комнате с двумя металлическими стульями и алтарем для молитвы. Один из санитаров вкатил стальную каталку. Неподвижное тело на ней было накрыто простой голубой простыней. Смешно, а я-то думала, что простыня будет белой, накрахмаленной, с надписью на ней «СОБСТВЕННОСТЬ КРЭНСТОНА». Но как разница.

Дежурный посмотрел сначала на меня, перевел взгляд на Алекса, потом передал медсестре папку с ручкой. Она внесла свое имя в форму и указала на бумаге точное время, остановившись, чтобы взглянуть на часы.

— Вам что-нибудь еще нужно? — спросил парень, но я покачала головой. — Тогда я... э... оставлю вас.

В комнате было тихо. Слишком тихо. Медсестра осталась тут, стояла в углу, наблюдая... ожидая. Я не могла пошевелиться, не могла заставить себя встать с коляски и преодолеть разделяющее нас с Эллой пространство в несколько шагов. Я умоляла медсестру привезти меня сюда, но теперь мне хотелось уйти.

— Мэдди? — Алекс присел передо мной на корточки. — Ты не обязана это делать. От тебя этого никто не ждет.

В его голосе можно было услышать намек на просьбу и даже надежду на то, что я передумаю и вернусь в свою палату. И еще обещание большой дозы успокоительного.

— Я в порядке, — сказала я, поднимаясь и заставляя себя сделать первый шаг, а затем еще один, пока не оказалась у стальной кровати, глядя на неестественно неподвижный силуэт под простыней.

— Вы готовы? — спросила медсестра.

Я кивнула. Она потянулась к углу простыни, стягивая ее к тому месту, где заканчивалась

шея Эллы и начинались ее плечи. И даже глядя в пол, я смогла чувствовать что-то вроде призыва.

Посмотри на меня.

Руки затряслись, я покрылась потом, хотя в помещении было прохладно. Собираясь с духом, я трижды сосчитала до пяти, прежде чем нашла в себе мужество поднять взгляд.

— Где ее одежда?

Не знаю, почему я спросила об этом. Конечно же, одежда была испачкана кровью и покрыта стеклом. Но, может, если бы я увидела хоть что-то — цвет или бренд какой-нибудь простой вещи вроде топа или лифчика, то смогла бы освежить воспоминания, восстановить какую-то связь с Эллой.

Алекс пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, ее отдали твоим родителям.

— Ты знаешь, во что она была одета? Ты видел ее, когда нас привезли?

— Нет, — сказал он и отвел взгляд.

Ответ был краток и наполнен тревогой, которую я не слышала у Алекса раньше. На секунду я задумалась о том, что он скрывал, о чем боялся рассказать мне.

— Твоей одежды тоже не было к тому времени, как я приехал. Они разрезали ее, чтобы добраться до ран.

Я кивнула. Думаю, это имело смысл.

— На ней был один кроссовок. Голубой, кажется, если это поможет.

Вообще-то помогло. Я смогла их представить. Светло-голубые «сникерсы» с серыми шнурками. Сбоку была надпись, как будто кто-то разрисовал их черным маркером. И еще они были удобными.

— Во что была обута я?

— Ни во что. Ты оставила обувь у меня дома. Я нашел ее на заднем дворе у стула. Почему?

— Без понятия, — сказала я и посмотрела на сестру.

Ее глаза были закрыты, вокруг них залегли темно-фиолетовые круги. Может быть, это синяки из-за аварии, но, скорее всего, именно так выглядят мёртвые глаза.

Рот Эллы был приоткрыт, как будто она хотела что-то сказать, но до меня не доносилось ни звука — ни шепота, ни слабого дыхания. Я видела ее раны: вот тут она головой ударилась о разбитое лобовое стекло, а вот тут шальной кусок стекла вонзился в плечо. Она была бледной, пепельно-белой, спутанные волосы разметались по стальной поверхности каталки. Кое-где на них была кровь. Но даже вот такая, в синяках и побежденная смертью, Элла выглядела в точности как я.

— Я... я... мы одинаковые. — Слова застряли в горле, и Алекс поспешил ко мне. Он весь задрожал, стоя рядом со мной и видя то же, что и я — ту же темную правду.

Это могла бы быть я. Это должна была быть я.

— Конечно, — сказал Алекс. — Вы же близнецы.

Она не просто выглядела как я. У меня было смутное чувство, что она была мной. Я провела рукой по ране на щеке сестры. Она пересекала скулу и неровным зигзагом тянулась к уху. Я заправила потемневшую прядь волос за ухо и наклонилась, чтобы поцеловать сестру в щеку, попросить прощения и пообещать, что сохраню память о ней. И тогда я увидела их... две крохотные точки на мочке ее правого уха.

Машинально я потянулась к собственному уху, провела пальцем по мочке. Я знала, что

найду — одну дырочку, одно маленькое отверстие.

— В чем дело, Мэдди? — спросил Алекс.

Когда я не ответила, когда просто застыла на месте, хлопая ресницами, он взял меня за руку и подтолкнул к двери. Он мог вывести меня оттуда, мог вытащить меня из этой комнаты, из больницы, из этого мира — но это не остановило бы потока мыслей в моей голове.

Нам с сестрой было по тринадцать, мы проводили время в летнем лагере. Это был наш последний год в лагере, тот последний год, когда мы болтали по ночам обо всем и обо всех, пока не сядут батарейки в наших фонариках. Девочка, живущая в комнате напротив нас, была сущим злом. В седьмом классе она уже была такой, какой стала Дженна в старшей школе.

Она насмехалась над нами днями напролет. Оказывается, цельные купальники — это для неудачников, которые ходят на уроки искусства, в то время как другие занимаются парусным спортом и играют в волейбол. Меня это не беспокоило — она бы мешала мне спокойно жить от силы пару недель, и потом мы никогда бы не увиделись. Но Мэдди... она была возмущена и хотела доказать, что так же хороша, как и эта девочка, если не лучше. Так или иначе, чтобы доказать это, Мэдди решила сделать второй пирсинг в ушах.

Она вручила мне иглу из швейного набора, который мама припрятала в ее чемодане, и пакет со льдом, который стащила из медпункта. В нашем домике уже все спали, задремали несколько часов назад. Мы не сказали им о нашей задумке. Это был наш секрет... секрет, который могут сохранить сестры.

Мэдди зажмурилась, закрыла глаза так плотно, что ее лицо напряглось, принимая до боли забавное выражение. Я попросила ее расслабиться, но она не стала. Буркнула, мол, заканчивай с этим, и впилась ногтями в деревянный каркас нашей двухъярусной кровати.

Мы тогда наивно полагали, что за пять минут обезболим ее ухо пакетом льда. Мне так и не удалось проколоть второе ухо: Мэдди выругалась и подпрыгнула, едва я ткнула ее иглой.

— Господи, Элла. Больно! — выкрикнула она и оттолкнула меня.

Мэдди заставила меня поклясться, что я не расскажу об этом маме, и надевала вторую сережку только в школе. Она перестала носить ее несколько лет назад. Дырочка почти заросла, отметина размером с иголочку была совсем незаметна.

Ее слова я помнила ясно как день. Впервые она кричала на меня, впервые меня оттолкнула. И еще я отчетливо помнила, как она назвала меня Эллой. Меня. Эллой.

Глядя на сестру, лежащую на этом стальном столе, я вспомнила все, что забыла несколько дней назад. Истории, мечты, будущее, которое принадлежало только мне. Все вернулось... все мои воспоминания вырвались наружу. Ланчбокс с изображением «Моего маленького пони», который я получила в первый день в детском саду. Одинаковые платья на Рождество — мы их надевали, пока нам не исполнилось десять. День, когда мы окончили среднюю школу — Мэдди на каблуках, я в сандалиях. Джош, споривший с доставщиком пиццы на прошлой неделе по поводу бесплатной мясной пиццы. Он хотел получить ее, ведь доставка заняла больше получаса. И Мэдди, кричавшая на меня в машине, потому что считала меня неудачницей, потому что стыдилась меня.

Я посмотрела в сторону выхода, почти ожидая увидеть стоящих в дверях родителей, каким-то образом пришедших к тому же ужасающему выводу, что и я. Это невероятная ошибка. Это Мэдди умерла. А я — Элла — выжила.

— Мэдди, это была плохая идея, — сказал Алекс. — Я не должен был тебе это

разрешать, по крайней мере, без ведома родителей.

Мои родители. Мама была так рада, когда поняла, что выжила Мэдди. Папа стоял рядом с ней, полный такой же радости. Они не видели меня, они видели Мэдди. Все видели Мэдди.

— Джош? — Он был тем, кто знал меня, кто понял бы, что это я. — Где Джош? Я хочу поговорить с Джошем.

Рука Алекса сжалась вокруг моей, он смотрел куда угодно, но только не на меня.

— Он дома, Мэдди. После случившегося с Эллой... он дома.

— Что?

Я не понимала. Мы с ним были неразлучны с девятого класса. Мне приходилось вышвыривать его из своего дома почти каждый субботний вечер, и первое, что он делал в воскресное утро — возвращался с новым аниме-фильмом или каким-нибудь дополнительным исследованием по физике. Он не был у меня в ночь аварии лишь потому, что я прогнала его. Мне нужно было закончить последний набросок, а звук сообщений Ким отвлекал меня. Но почему сейчас его не было в больнице?

— Не понимаю. Ничего не понимаю.

— Мэдди, он приехал в больницу вместе со мной, но к тому времени, как тебя разместили в палате...

— Нет, подожди. — Жжение в моей груди усилилось, и паника нахлынула на меня. Я тянула его за руку, пока он не остановился. Я не была готова уйти. Пока не готова.

— Мисс Лоутон, вам нужно вернуться наверх, — сказала медсестра. Она поднялась со стула в углу и взялась за инвалидную коляску, которую я оставила посреди комнаты. — Я хочу измерить ваши показатели и дать успокоительное.

Я отмахнулась от нее и шагнула к Алексу. Я не хотела садиться, не хотела, чтобы меня увезли. Я хотела получить ответ.

— Почему Джош ушел? Почему не остался?

Алекс колебался, словно взвешивая свои слова. Он начал отступать, но я ухватила его за запястье и заставила остановиться. Снова покатались слезы, меня трясло от досады на правду, которую все отказывались видеть. Как я могла заставить его понять, что я — Элла? Что рука, которую он держал, принадлежала не его девушке, а ее сестре. Мне.

— Алекс? — Тон медсестры был требовательным. Казалось, она говорила: сделай что-нибудь, успокой ее, иначе это сделаю я.

— Не беспокойся о Джоше, — сказал Алекс, бережно подталкивая меня к коляске. — Он знает, что это не твоя вина.

О, это была абсолютно моя вина. Теперь я помнила всё, все последние ужасающие детали убийства своей собственной сестры. Когда меня повезли к лифту, рыдания эхом разнеслись по коридору. Звук был такой пустой и жалкий, что я вздрогнула. Но это не остановило ни слезы, ни рыдания, ни боль.

— Никто не винит тебя, Мэдди. Никто, — продолжил он, когда медсестра наклонилась, чтобы проверить мой пульс.

Она была обеспокоенной, даже напуганной. Алекс же выглядел так, будто его сейчас стошнит.

Я оттолкнула медсестру и повернулась к Алексу:

— Посмотри на меня. Перестань говорить мне, что это не моя вина, и посмотри на меня!

Он обошел мою коляску и посмотрел в мои глаза.

— С самой аварии я смотрю только на тебя, Мэдди. И я вижу все ту же сильную, прекрасную девушку, что и раньше. То, что... случилось с твоей сестрой, не изменит этого.

Я не могла представить, что бы он сказал, если бы понял, что заботился об Элле, а не о своей драгоценной Мэдди.

10

На нужном этаже двери лифта открылись. Папа бросился к нам, услышав мои крики. Мама тоже была с ним, она кричала на Алекса из-за того, что он не разбудил их.

— Алекс не виноват, — кое-как удалось выдать мне. — Элла.

Это последнее тяжелое слово потребовало огромного количества энергии, и я почувствовала, как ускользаю в темноту, теряя сознание.

— Мэдди? — позвал Алекс. Излучаемый им страх конкурировал с моим собственным.

Я не хотела видеть, как умрет надежда в их глазах, когда они осознают, что я — Элла.

Я посмотрела на папу, на своего собственного отца, на человека, с которым я завтракала каждое утро в течение семнадцати лет. На человека, который тренировал в средней школе мою команду по футболу. На человека, который пытался научить меня ездить на велосипеде как-то после обеда, когда мне было семь, а позже, тем же днем, сидел вместе со мной в отделении скорой помощи, пока мне вправляли вывихнутое запястье. Годы, проведенные вместе... куча событий... а мой собственный отец даже не узнал меня.

А может просто не хотел узнавать. Может, он хотел, чтобы выжила Мэдди, потому и видел во мне ее.

Папа забрал у Алекса коляску и повез меня в палату. Ужас промелькнул в его глазах. Где-то далеко, в глубинах сознания я помнила, что он считал меня Мэдди, и его успокаивающий шепот предназначался не мне.

— О чем ты думал? — кричала мама на Алекса, держа его за воротник рубашки. — Зачем ты позволил ей спуститься туда? Почему не разбудил нас?

— Пожалуйста. Он не виноват. Это все я, — запротестовала я.

Меня настигло осознание того, кто я на самом деле, и того, что я должна была рассказать им. Меня затрясло, заледенел каждый дюйм тела. Холодно. Я изо всех сил пыталась выговорить эти слова, сказать родителям, что я — Элла, но не могла издать ни звука.

Папа помог мне перебраться обратно в постель из инвалидного кресла, затем сел подле меня.

— Мы поможем тебе пройти через это, Мэдди. Обещаю.

Пройти через это? Фраза прозвучала так отстраненно. Недостижимое утешение, на которое я не имела права надеяться. Я была уставшей, злой и завидовала тому, как легко сестре все удавалось. Я кричала на нее. Последние сказанные мной слова, последние услышанные Мэдди слова были горькими и злыми.

— Что я наделала? Боже, что же я наделала?

Все, чего я хотела теперь — поменяться местами с Мэдди, вернуть ей жизнь, которую я забрала. Я не хотела оставаться здесь. Не без нее.

— Мы не сердимся на тебя, малышка. Мы не можем сердиться на тебя.

Папа никогда не называл меня так. Он звал меня Бэллси, когда я была маленькой, или Изабеллой, когда сердился, но чаще всего называл Эллой. Малышкой он называл Мэдди, и она это прозвище ненавидела, но использовала, чтобы продлить комендантский час или получить дополнительные деньги на туфли или джинсы.

— Мне так жаль, я не хотела ее смерти.

Я откинулась назад. Вес этих слов буквально придавил меня к постели. Вжимая ноющие плечи в подушку, я на минуту захотела раствориться в постели и никогда не возвращаться назад.

— Мы знаем, — сказала мама. — Это была ужасная случайность, но ты здесь, с нами, Мэдди. Ты жива, и впереди у тебя целая жизнь. Целая жизнь. Я хочу, чтобы ты думала об этом, сконцентрировалась на том, чтобы стать сильнее. Твоя сестра хотела бы этого.

Я перевела взгляд на папу, гадая, думал ли он и верил ли он так же, как и мама. Он улыбнулся и кивнул, но в его взгляде я видела страдания, борьбу с чувствами, которые он пытался удержать под контролем.

— Элла бы не хотела, чтобы ты тратила хоть минуту своей жизни на чувство вины. Она бы хотела, чтобы ты жила, делала все, о чем когда-либо мечтала, и многое другое. Делай это для нее, Мэдди. Живи для нее.

Они хотели, чтобы я была Мэдди. Алекс, папа, мама, друзья, ждавшие в холле часами... днями, пока я не очнулась. Они ушли только тогда, когда Алекс пообещал, что позвонит, если мое состояние изменится. Каждый из них хотел, чтобы Мэдди жила. Они считали меня ею, они убедили себя в том, что я — это она. Может, настоящая проблема не в том, что они не узнали меня, может, проблема в том, что я — это я, а не моя сестра. Как я могла сказать им правду, ужасную правду о том, что девушка, за жизнь которой они так сплоченно молились, умерла?

Я не могла с ними так поступить. Не могла поступить так с ней. Если они хотели, чтобы Мэдди жила, я сделаю все, чтобы так и было. Мэдди заслужила шанс на настоящую, счастливую жизнь. Я забрала это у нее злым поворотом руля. Мой эгоизм заставил меня сотворить это с ней. Я оборвала ее короткую жизнь. Она получит то, что заслуживала.

Мэдди повзрослеет, пойдет в колледж и заведет семью. Я позабочусь, чтобы у нее было то, чего она хотела, или умру, попытаюсь. Я сделаю это для нее, для родителей, для Алекса. Я похороню себя, а взамен подарю Мэдди свою жизнь.

11

На улице было холодно. Тонкий слой инея блестел на гранитных надгробиях, люди осторожно ступали по мокрой траве. Предполагалось, что к середине дня потеплеет, будет ясно и солнечно.

В любом случае, мне было все равно.

В машине стоял запах сосны и шампуня для ковров. Наверняка на зеркале заднего вида висит дешевый картонный освежитель воздуха. Если постараться, я могла бы увидеть его со своего места. Но это значило, что придется пошевелиться, а мне не хотелось.

Окна запотели, и я протерла стекло рукой. Мама с папой уже были там, стояли у глубокой ямы в земле и говорили со священником. Вокруг них столпились люди с опущенными головами и напряженными плечами.

Я была рада выбраться из больницы, чем-то заняться, а не просто смотреть на белые стены, пока все, понизив голос, разговаривали о моем прогрессе. Я больше не плакала днем и не пила обезболивающее, но это не имело ничего общего с прогрессом, скорее, говорило о том, что мне все равно. Часть меня умерла вместе с Мэдди, значительная часть, настолько неотъемлемая, что без нее я чувствовала себя абсолютно потерянной.

Психиатр, которого направили поговорить со мной, считал, что пойти на похороны — хорошая идея. Что-то о том, чтобы смириться и двигаться дальше.

Мой врач согласился и выписал меня на день раньше, чтобы я смогла пойти. Я говорила, что готова, но теперь, находясь тут, я не могла заставить себя выйти из машины и пройти эти десять ярдов до могилы, не могла заставить себя смотреть на то, как сестру... как меня хоронят.

Дверь машины открылась, и я скользнула в сторону, прячась от потока холодного воздуха.

— Ты идешь? — спросил Алекс.

Я пробыла в больнице двенадцать дней, и все это время он оставался со мной, опекая, постоянно спрашивая, не хочу ли я пить, не болит ли мое плечо. Сначала мне это казалось милым. Его компания устраивала меня больше, чем собственные темные мысли. Но теперь я задыхалась. Мне нужно было уединение, чтобы попрощаться с сестрой, чтобы извиниться за свои последние слова. Но я никогда не оставалась одна. Он всегда был рядом.

Алекс протянул мне руку. Я подала ему свою, запоминая каждую мелкую деталь, каждый изъём его пальцев, сплетенных с моими.

— Где твоя куртка? — спросил он, помогая мне выбраться из машины.

— Дома, — ответила я.

У моих родителей была настоящая паранойя по поводу того, что я выйду на улицу в такую холодную погоду, так что на меня напялили два пальто еще на выходе из больницы. Но мне не нужна была даже одна. Ледяное прикосновение воздуха к коже действовало освежающе. Я была рада мурашкам, они служили ярким напоминанием о том, что, несмотря на все страдания, я все еще жива.

К тому же, оба этих шерстяных пальто были не моими, они принадлежали Мэдди. Я надела ее черное платье, но надеть ее пальто, позволить ее теплу согреть меня казалось неправильным.

— Вот, — сказал Алекс и снял свое.

Я повернулась, позволяя укутать меня, и вздрогнула, когда он коснулся рукой моей шеи. До этого момента, он касался только моих рук.

— Плечо болит? — спросил он.

Пока я была без сознания, мне вправили вывихнутое плечо. Рука, правда, все еще была подвязана, но это, скорее, из-за веса гипса на левом запястье.

— Нет, не болит. Просто у тебя холодные руки.

Он подышал на них перед тем, как обернуть воротник пальто вокруг моей шеи.

У гроба стояло четыре белых стула — сигнальные буйки, ведущие меня домой. Мне не хотелось садиться там. Я не хотела, чтобы кто-нибудь смотрел на меня. Я хотела спрятаться позади и наблюдать с расстояния за тем, как претворяется в жизнь мое решение стать своей собственной сестрой.

Мама указала мне на стул рядом с папой, и я села, ощущая, как ножки белого складного стула тонут в мокрой земле под моим весом. Алекс уселся рядом, его рука не отпускала мою. Папа оказался с другой стороны, он посмотрел на меня и похлопал по руке.

— Все нормально? — спросил он.

Не зная, что ответить, я пожала плечами. Я была так далека от «нормально», что не могла даже точно сказать, в каком состоянии находилась. Злость, боль, сожаление и ошеломляющее чувство вины смешались внутри, сковывая меня.

— Все будет хорошо, Мэдди, — повторил папа слова, которые произносил каждое утро, покидая больницу и уходя домой, чтобы переодеться. — Мы пройдем через это, обещаю.

Пока у нас есть ты, мы справимся с чем угодно.

Я не видела папиных слез с самого первого дня в больнице. Но он выглядел теперь лет на пятнадцать старше. На нем был безупречный костюм и отполированные ботинки, но морщины вокруг глаз были глубоки, а голос чуть заметно дрожал. Мама была тихой, еще с той ночи, когда Алекс с медсестрой отвезли меня к Мэдди. Глаза ее покраснели, а руки тряслись. Она заметила, что я смотрю на нее, и прошептала, что любит меня, когда потянулась через папу погладить мои волосы. Я постаралась улыбнуться, но каждая разбитая частичка моего сердца наполнилась досадой, ведь я осознавала, что их любовь не для меня, она — для Мэдди.

Не решаясь посмотреть маме в глаза, я повернулась к растущей толпе. Я хотела, чтобы они поскорее разошлись, чтобы все это закончилось, а я могла пойти домой и побыть в одиночестве.

Стулья были расставлены полукругом: родители, Алекс и я сидели спереди, мои бабушка с дедушкой — позади нас. Со своего места я видела почти каждого, чувствовала на себе взгляды. Посмотрев вокруг, я заметила своих кузенов и тетюшек. Как раз в этот момент дядя тихо сказал своим детям, что пора перестань толкаться. Здесь были соседи, наша няня, горстка коллег с папиной работы. Я даже заметила женщину из маминого книжного клуба. Никто из них не раздражал меня. Понятно, почему они здесь — поддерживают моих родителей.

Но за ними стояли люди, при виде которых я до боли сжала руку Алекса.

Я знала, что Дженна придет. Она была лучшей подругой Мэдди и бывала у нас так же часто, как и Алекс. Остальные — команда по хоккею на траве, парни из футбольной команды, две дюжины ребят, которые никогда не достаивали меня и взглядом — вот они меня раздражали.

— Что они здесь делают? — спросила я Алекса.

Он растерянно посмотрел на меня.

— Что ты имеешь в виду? Это же похороны твоей сестры, Мэдди. Почему их не должно быть?

— Они не знают м... — Я замолчала, сделала глоток и исправилась: — Они не знали Эллу. То есть, за исключением Дженны, они Элле и пары слов не сказали. Никто из них. Никогда.

— Это не значит, что им все равно.

— Нет, значит, — выпалила я в ответ, вспоминая, как в десятом классе Дженна вежливо попросила меня ездить в школу отдельно от сестры, так как, если Мэдди увидят со мной, на ней это плохо скажется. — Их не волнует Элла. Никогда не волновала!

Алекс был не из тех, кого можно заставить прикусить язык, но тут он его прикусил. Его рука дернулась в моей, но он постарался остаться спокойным.

— Они здесь не из-за нее, Мэдди. Она пришла из-за тебя. Для тебя.

— Для меня? Для меня?

Я попыталась сдержать злость. Ели бы я не была столь осторожной, я произнесла бы эти слова в полный голос. Я проморгалась, потрясла головой. Не здесь. Я не устрою здесь истерику.

Мама посмотрела на меня; нерешительность и сожаление смешались в ее взгляде. Священник замолчал и смотрел на папу, ожидая, что тот скажет. Все остальные... что ж... все остальные смотрели на меня. Они слышали мою тираду. Слышали, как резко я

отозвалась о друзьях Алекса на собственных похоронах.

Мое зрение затуманилось, весь мир сузился до одной зияющей черной дыры в земле.

До могилы.

Моей могилы.

Я оглядела толпу, ища пути к отступлению. Дженна сделала шаг в мою сторону, но Алекс жестом остановил ее. Он наклонился и что-то прошептал мне на ухо, папа сделал тоже самое с другой стороны. Я не знаю, что они сказали. Все потонуло в море белого шума.

И только встретившись глазами с Джошем, я смогла вздохнуть. Как будто что-то во мне встало на свое место, и впервые за неделю я почувствовала себя собой, Эллой. На нем не было его привычной футболки «Маунтин Дью» и рваных джинсов. Джош был одет в черный костюм с галстуком и казавшимися неудобными туфли. В футболке и джинсах он нравился мне больше.

Рядом с ним стояла Ким, а позади толпились остальные ребята из аниме-клуба. Они переминались с ноги на ногу и смотрели куда угодно, только не на меня, как будто ждали, когда же это все закончится.

Джош глядел на меня с напряжением, которого я не понимала. Он никогда не смотрел на меня вот так — с неподдельной ненавистью. Глаза Джоша покраснели, но блеск слез не мог скрыть его чувств.

Ким наклонилась к нему и что-то прошептала на ухо. Он отмахнулся от нее и отошел прочь. Я думала, что Джош уйдет, но он остался. Только спрятался за толпой, чтобы не смотреть на меня. Ким последовала за ним, снова попыталась что-то сказать, протянула ему салфетку. Джош принял ее и стал мять в руках, пока она не превратилась в конфетти. Я боролась с желанием подойти и взять его за руку, обнять и поблагодарить за то, что он оказался одним из тех немногих, кто был здесь ради меня... ради Эллы.

— Мэдди, малышка, — сказал папа, кладя руку мне на плечо и привлекая к себе внимание. — Почему бы Алексу или твоей бабушке не отвезти тебя домой? Знаю, доктор считает, что здесь ты...

— Нет, — оборвала я. Я намеревалась остаться, окруженная людьми, которым было плевать на меня. Я и сама на себя наплевала, глядя на то, как мою жизнь увековечивают, чтобы в итоге похоронить навсегда. — Я в порядке. Я хочу остаться.

Мама услышала резкость в моем голосе и перегнулась через папу посмотреть на меня. Она не злилась и не смутилась из-за моей вспышки, она... обеспокоилась. Мэдди никогда не огрызалась. Она плакала, просила, устраивала молчаливый бойкот до победного конца, но никогда не огрызалась. Это я огрызалась. Я — Элла.

— Мэдди? — Мама обежала взглядом каждый дюйм моего тела, ища то, чего — и я это знала — там уже нет.

Единственным способом различить нас в детстве была маленькая родинка над моим правым глазом. В ту ночь в больнице, когда я проснулась, когда еще не имела представления о том, кто я, я застала маму у своей кровати. Она аккуратно отодвигала мою повязку. Мама думала, что я спала, и я не стала ее разубеждать. Сначала мне показалось, что она считает швы или проверяет, есть ли там грязь. Но спустя несколько часов после того, как я себя вспомнила, я поняла, что она делала, почему она тогда так осторожно пробежалась пальцами по швам. Мама искала тот самый знак, верный признак того, кем я была, кем она хотела, чтобы я была. Лицо Мэдди было изрезано от удара о лобовое стекло, а у меня... ну... теперь на месте родинки было семь швов. Она могла смотреть на мое лицо вечно — родинки

там нет.

— Извините, — сказала я. — Это... простите.

По кивку мамы священник продолжил, и все вернулись к изучению своей обуви. Больше я не издала ни звука, даже не всхлипнула, когда мама произнесла прощальные слова, обращенные к гробу, повернулась и отошла прочь.

Я не двигалась с места, не реагировала на жалостливые взгляды, обращенные ко мне, на папин шепот, когда он сказал, что пора идти.

Я знала путь домой. В конце концов, я бы добралась туда и сама.

12

Я не шелохнулась, пока на могилу не была высыпана последняя кучка земли. Чувствовала, что Алекс наблюдает за мной издалека. По моей просьбе он оставил меня там, чтобы я могла примириться с тем, что сделала, попрощаться с сестрой наедине и так, как хотела. С ней я похоронила себя, каждое воспоминание о том, кем я была сейчас, похоронила вместе с сестрой под слоем земли, на глубине в шесть футов.

Когда последние из могильщиков ушли, я выпрямилась, нащупывая на платье карман — там были вещи, которые я забрала из больницы.

— Мне так жаль, — молвила я, ковыряя носком туфли свежевскопанную землю. Я перечитала открытку Алекса тысячу раз с тех пор, как он вручил мне ее. Знаю, он любил ее и сделал бы все, чтобы защитить, и я бы сделала тоже... для Мэдди.

— Я буду о нем заботиться, — сказала я, закапывая открытку и молясь, чтобы она услышала меня, где бы она ни была. Чтобы смогла простить меня. — Он тебя любит. Мне кажется, я всегда думала так, но наблюдая за ним все это время, я поняла... так и есть... он любит.

Слезы зажгли мне глаза. Раньше я постаралась бы их сдержать, потому как не думала, что эмоции помогут бы мне справиться со своей ролью. Но сейчас, когда никто не смотрел, я, наконец, могла выплакаться.

За последние несколько дней оказалось, что мне дороги все воспоминания о нашем детстве, каждая незначительная деталь. Как будто я боялась, что если точно не знать, когда нам поставили брекетy под цвет зубной щетки Мэдди, то ничего не останется. Как будто тогда частичка Мэдди потеряется навсегда. Я не могла такого допустить.

— Вот, я принесла это для тебя. — Я держала в руке маленький фонарик.

Это был фонарик Алекса. Он пользовался им в больнице, чтобы учиться ночами, пока я спала. Я забрала его перед выпиской, собираясь похоронить фонарик с Мэдди.

— Я думала положить его в гроб, но он был уже закрыт, — сказала я, кладя его поверх насыпи. Я быстро смахнула слезы, катящиеся вниз по моим щекам, но это не помогло. — А помнишь, как мы играли в прятки у бабушки?

Я подумала о подвале, заплетенном паутиной, и грязном чердаке, где постоянно прятались наши кузены. Мы играли все вместе на каникулах, пока мама занималась готовкой, а папа общался с братьями и сестрами, которых видел лишь дважды в год. Когда нам было по пять лет, я спряталась в прачечной в шкафу, а Мэдди — в бабушкиной сушилке. Она оставила щель в двери, через которую могла видеть, и я сомневалась, что она спряталась хорошо. Но никому и в голову не приходило проверить сушилку.

Я слышала, как засмеялся мой кузен Джейк, тем самым раздражающим смехом, который означал, что он собирался сделать что-то гадкое. Неудивительно, он всегда был гадким. Звук стал громче, и я напряглась, думая, что он вот-вот найдет меня. Но он охотился

не за мной, а за Мэдди.

Она закричала, и это заставило меня вылезти из шкафа с кулаками наизготовку. Я готова была ударить Джейка. Да, он нашел ее, но вместо того, чтобы позвать всех остальных, толкнул дверь сушилки, закрывая ее. Джейк надавил всем своим весом на дверь, не давая Мэдди выбраться. Но ее пугало не маленькое тесное пространство. Ее пугала темнота. Мэдди до смерти боялась темноты. До сих пор.

— Выпусти ее, — потребовала я.

Она барабанила в дверь, ее крики разрывали мое сердце.

— Заставь меня, — дразнил он, и все сильнее прижимался к двери, запирая сестру внутри.

К этому времени Мэдди перестала рыдать, ее плач растворился в глухом хныканье, она умоляла Джейка открыть дверь. Я налетела на него, пытаюсь оттолкнуть прочь и выпустить Мэдди, но Джейк был старше и казался вдвое больше меня. Он сильно толкнул меня, и я упала навзничь на кафельный пол.

Падая, я ударилась о ручку шкафа. Крови не было, но я помнила удар, а позже мама миллион раз спросила меня, не устала ли я, не чувствую ли я себя плохо. Забавно, но я до сих пор почти ощущала боль, как будто разум запустил память тела, чтобы воскресить воспоминание о каждой, даже самой маленькой детали.

— Я ненавижу тебя! — закричала я на Джейка, поднимаясь на ноги. Он запер там мою сестру... часть меня.

— Ой-ой... Элла меня ненавидит. Я таааак сильно напуган, — передразнил он.

— Выпусти ее, или я позову маму.

— Собираешься сбежать и пожаловаться мамочке? В чем дело, Элла? Твоя сестра боится темноты?

Он знал, что это так. Вот почему он всегда прятался на чердаке. Вот почему он всегда выигрывал.

Может, мне и было всего пять, но на ногах у меня в тот день были жесткие лакированные туфли. В этом и была их сила. Я собиралась дать ему в колено, но потеряла равновесие и разозлилась, так разозлилась, что моя нога взлетела выше.

Джейк упал боком на пол и свернулся клубком, его лицо побледнело, а глаза заслезились. Звук, который он издал, был ужасным — низким, гортанным, наполненным болью. Но теперь была моя очередь мучать его, мой шанс напомнить ему о том, что нельзя подходить к Мэдди.

— Мэдди — моя сестра, — сказала я. — Ты оставишь ее в покое.

Мэдди вылетела из сушилки и подбежала ко мне. Ее лицо пошло красными пятнами, она задыхалась от слез.

— Мама! — закричал Джейк, лежа на кафельном полу.

— Ну, и кто теперь малыш? — поддразнила я. — Посмотрите, кто теперь зовет мамочку на помощь.

Моя тетя Хелен мигом поднялась наверх по лестнице, мама следовала за ней по пятам. Тетя бросилась на колени перед сыном, ища рану, успокаивая своего драгоценного Джейка. Он не мог говорить, не мог найти в себе силы, чтобы сказать через боль, что я причинила.

— Что случилось? — спросила мама.

— Элла... ударила меня... по... шарам, — прохрипел Джейк, а Мэдди хихикнула.

Ее хихиканье отразилось быстрой улыбкой на моем лице. Если она смеялась, значит все

в порядке.

— Изабелла Энн Лоутон... — начала мама, но я ее перебила.

Я не готова была принять вину. Джейк сам напросился.

— Он закрыл Мэдди в сушилке и не выпускал!

Джейка отправили домой без десерта, а мне нельзя было тем вечером смотреть телевизор. Мэдди... ну, она и так была наказана за свое хихиканье над стонущим Джейком тем, что просидела взаперти в сушилке. Само собой, Джейк после Дня благодарения больше не хотел играть с нами в прятки. По правде говоря, с тех пор он вообще не хотел иметь с нами никаких дел. Меня все устраивало. Прошло двенадцать лет, а я до их пор была не готова простить его.

— Думаешь, Джейк все еще переживает из-за случая с сушилкой? — пошутила я, играя с ниточкой, выбившейся из подола платья.

Я отлично знала, что он в колледже, но мысль о нем пугала меня. Правда, меня немного радовало то, что в этот ужасный день на мне все же были туфли с заостренными носками.

— Может, потому он и не пришел на похороны? Что ж, в любом случае, я принесла тебе фонарик. Там ведь, наверное, темно...

Я попятилась, мотая головой. Как же безумно это прозвучало. Мэдди больше не волнует темнота. Она мертва, и не узнает, темно в гробу или нет. А вот я это знала. Неважно, сколько белого атласа в ее гробу. Когда крышку закрыли, там стало ужасающе темно. Когда гроб опустили на шесть футов под землю, там стало еще и душно. И это с ней сделала я. Я отправила ее туда.

Я опустила на колени и зарылась пальцами в землю. Я сделала это... разбила на осколки жизнь человека, которого любила больше всего на свете.

— Все, что я сказала тебе в машине, — я не это имела в виду. Ты была права — это я эгоистка. И я не устала от твоего дерьма. Никогда не уставала. Я просто хотела, чтобы ты говорила со мной, чтобы все было, как в детстве, когда я была мальчиков по яйцам из-за того, что они дразнили тебя.

Я взяла в руки комок грязи и раскрошила его, наблюдая, как грязь сыпается сквозь пальцы на холодную, влажную землю. Всею причиной была только я.

— Господи, что же я наделала! — Рыдания сотрясали мое тело, но теперь я с ними не боролась. Я позволила им взять над собой верх, потому что знала, что моя боль и моя вина — ничто по сравнению с болью, которую я причинила сестре. — Я не хотела, чтобы так случилось. Я бы легла в могилу вместо тебя, поменялась с тобой местами, если бы это помогло вернуть тебя к жизни.

— Не говори так, — сказал Алекс, опускаясь на колени в грязь возле меня. Он услышал мои рыдания и пришел, чтобы вырвать меня из реальности, которую я не могла изменить. — Никогда так не говори.

— Но это правда. Ты не понимаешь, какая это правда.

— Нет, неправда. Сейчас тебе очень плохо, но будет лучше. Обещаю, я сделаю так, чтобы стало лучше.

— Но как? Как кто-то может сделать это лучше?

Алекс поднялся на ноги, глядя куда-то в пространство. Как будто подбирая слова.

— Не знаю, Мэдди, но сделаю.

Он протянул мне руку. Взгляд Алекса переместился к дереву в нескольких ярдах от нас. Я знала, что там — Джош, знала, что он наблюдал за мной с тех пор, как я вышла из

машины, что он видел, как я рассыпалась на куски возле могилы, оплакивая сестру. Сестру, которая была его лучшим другом.

— Пойдем, — сказал Алекс и взял меня за руку. — Давай-ка отвезем тебя домой.

— А что насчет него? — спросила я, кивая в сторону Джоша.

— Я поговорил с ним. Он в порядке. Я думаю, он ждет, когда мы уйдем, чтобы попрощаться с Эллой наедине.

Пропрощаться с Эллой... попрощаться со мной. Я должна была подойти к Джошу, сказать ему, что мне жаль, но я не смогла. Вместо этого я повернулась и направилась напрямиком в свою новую жизнь.

13

Я проглядела почти все доступные для просмотра фильмы на «Netflix» и серьезно раздумывала над записью повторов «Семейки Брейди»⁵, лишь бы не думать о завтрашнем дне. Я собиралась сдержать обещание, данное сестре — ведь моя жизнь стала ее жизнью, я ей многое должна. Играть Мэдди перед родителями и Алексом было легко. Они были так снисходительны. Любую мою ошибку объясняли результатом стресса или действием обезболивающих. Но притворяться сестрой перед шестью сотнями подростков... Нет, я о таком не думала.

Дверь моей спальни открылась. Я отбросила прочь пульт, одновременно пытаюсь выбраться из-под кучи одеял, которыми меня накрыла мама. Получилось с трудом, плечи сопротивлялись каждому движению. Наконец я сдалась и снова опустилась на кровать.

Алекс только посмеялся над моими неуклюжими движениями. Он швырнул на комод диск с новым фильмом, взятом в прокате, — уже двенадцатый за эту неделю. Мои кошмары становились все хуже, каждый сон превращался в ад, который я никак не могла забыть. Алекс оставался столько, сколько мог, смотрел со мной фильмы и делал уроки. Но, в конце концов, он все равно уходил, а я ускользала в мир, где сны и реальность сливались в одну страшную правду.

— Переживаешь из-за завтрашнего дня? — спросил Алекс, снимая с моих ног три слоя одеял и помогая мне усесться.

«Переживание» — слишком слабо сказано. Я пряталась дома, в этой комнате девять дней, а теперь пришла пора показать Мэдди всему остальному миру.

— Нет, все хорошо.

— Я говорил с Дженной. Она сказала, что снова звонила тебе сегодня, но ты не ответила.

Вообще-то она звонила пять раз, и да — я не ответила. Я не видела ее с похорон, и даже там держалась от нее на расстоянии. В больнице доктора и сестра не подпускали ко мне никого, а я позаботилась о том, чтобы разрешение на посещение распространялось кроме членов моей семьи только на Алекса.

— Я знаю, что вы с ней поссорились на моей вечеринке, — продолжил Алекс. — Но прошел почти месяц. Не думаешь, что пора отпустить ситуацию? Дженна считает, что пора.

Дженна была единственным человеком из жизни моей сестры, с которым я не хотела связываться. И если ссора на той вечеринке дала мне шанс прекратить эту дружбу, я им воспользуюсь.

— Прошел двадцать один день и шестнадцать часов с момента аварии, если точно, и нет, я не готова отпустить ситуацию.

Алекс вздохнул и покачал головой. Мы спорили по этому поводу каждый день с тех пор,

как я вернулась домой, но я пока не сдавалась.

— У нее сейчас сложные времена. Дома у нее все так же плохо.

Я наградила его косым взглядом. У меня тоже было далеко не все в порядке. Если честно, я тонула в своем собственном аду. Но я ведь никому не жаловалась.

— Почему это должно быть моей проблемой?

— Понимаю, что ты расстроена, но ты знаешь, как Дженна...

Я подняла руку, прерывая поток его слов. Мне не хотелось говорить о Дженне или о том, как я должна вести себя с ней. Я и так была напугана завтрашним походом в школу. И его напоминание о том, что Дженна будет постоянно рядом, не помогало. Мне нужно сменить тему и побыстрее, пока я не передумала делать то, что собиралась.

— Не хочу говорить о Дженне, — сказала я. — Я завтра увижу ее. Я всех завтра увижу.

— Хорошо, — сказал Алекс и, улегшись на кровати рядом со мной, потянулся за пультом. — Но я не понимаю, почему ты избегаешь ее. Она — твой лучший друг, может, она могла бы помочь.

Она всегда была лучшим другом Мэдди, не моим. Своего лучшего друга я оставила у могилы сестры, даже не извинившись.

— Мне не нужна ее помощь. У меня есть ты.

— Как скажешь.

Медленно он придвинулся ко мне, наше дыхание смешалось. Я закрыла глаза. Я знала, к чему все идет, знала, что, в конце концов, он сделает этот шаг, но я все еще не была готова. Я не хотела спать с ним. Даже целовать его не хотела.

Едва его губы коснулись моих, я отстранилась, сердце мое заколотилось. Я открыла глаза и уставилась на свою дрожащую руку, упершуюся ему в грудь.

Алекс тоже это заметил и положил свою руку поверх моей, успокаивая дрожь.

— Мэдди, расслабься.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я кивнула, не зная, что еще я могла бы сделать. Я пообещала своей покойной сестре, что дам ей жизнь, на которую у нее не было шанса, пожертвую собственными мечтами, чтобы жить мечтами Мэдди. Я любила ее и сделала бы для нее все, но не это. Не с ним.

Алекс снова наклонился ко мне. Он был осторожным, а я буквально анализировала каждое его движение.

— Расслабься, — снова прошептал он, а я уговаривала себя хотя бы дать ему шанс, сосредоточившись на счете от одного до двадцати.

— Я люблю тебя, — пробормотал он, поглаживая мою спину.

Я попыталась расслабиться и последовать его движениям, но не смогла.

— Нет, — сказала я и снова оттолкнула его.

Алекс мог ничего не говорить. Разочарование на его лице в тот момент, когда он буквально заставил себя успокоиться, сказало мне все, что нужно было знать.

Я знала, о чем он думал, и молилась, чтобы моих слов было достаточно.

— Все теперь по-другому. Я не могу... это не... просто нет, — пробормотала я, абсолютно не способная придумать объяснение тому, что просто не хотела иметь с ним ничего общего.

Алекс вытянулся на кровати, держа мою руку в своей.

— Ты и я... то, что ты чувствуешь ко мне... это ты имеешь в виду?

— Нет, — я покачала головой, надеясь, что моя слабая улыбка ободрит его.

Потом я сказала слова, которые, как я знала, Мэдди говорила ему тысячу раз:

— Я люблю тебя, всегда любила.

— И всегда будешь? — спросил Алекс, и в его глазах появились искры жизни.

— Да.

В этом я была уверена на сто процентов. Мэдди любила Алекса. Всегда любила и всегда будет любить.

— Тогда в чем дело?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Все теперь по-другому. Я теперь другая.

По-другому, потому что я — не Мэдди, и никогда не любила Алекса. Все теперь не то: эта комната, эта кровать, эти фотографии на зеркале, парень, сидящий рядом со мной. Все это не мое.

Алекс наклонил голову, немой вопрос «как?» отражался в его глазах. Я сделала глубокий вздох и задержала воздух в легких, пытаюсь собраться с силами, чтобы высказать вслух свои самые большие опасения.

— Я теперь другая. Я теперь не та девушка, какой была до аварии. Даже близко не та.

Алекс улыбнулся, не саркастично, как я ожидала, а улыбкой тихого понимания.

— Ты нервничаешь.

Это был не вопрос, но я все равно кивнула.

— Мэдди, мы делали это тысячи раз. Буквально тысячи.

— Я знаю.

Мэдди с Алексом провели большую часть нашего первого года в школе со склеенными губами и как-то даже понесли справедливое наказание, пойманные за поцелуями в холле. И если верить дневнику Мэдди, в который я заглядывала, то они провели чуть ли не все лето, кувыркаясь в постели или на заднем сидении его джипа, или на пляже, или...

— Прости, но я не могу. Пока нет.

Он сверкнул улыбкой и уселся в кровати рядом со мной.

— Вот, что я тебе скажу. Мы не будем спешить. Сегодня воскресенье, так? — Я кивнула, и он продолжил: — Сегодня мы можем держаться за руки. На следующей неделе мы дадим поцелуям еще один шанс, а еще через неделю ты должна быть готова. Что скажешь? Звучит как план?

Я кивнула. У меня было две недели, чтобы разобраться со всем этим. Всего две коротких недели, но сегодня это спасло меня.

14

Я копалась в шкафу Мэдди целый час после ухода Алекса и еще двадцать минут сегодня утром. Что бы я ни надела, абсолютно все не подходило. Последние несколько недель моим нарядом были тренировочные штаны и футболки, но я, определенно, не могла надеть это в школу. Не могла, если собиралась быть Мэдди.

Вдохновилась я не собственной мудростью, а фотографией Мэдди, прикрепленной к углу ее зеркала — она и Алекс на Осеннем балу за неделю до аварии. Она была прекрасна, выглядела просто потрясающе, и я удивилась, что не замечала этого раньше.

Я взяла фото с собой к шкафу и решила одеться именно так — джинсы с низкой посадкой и широким коричневым ремнем, который мне едва удалось продеть через шлёвки. Косясь на фото, я попыталась понять, какое из трех почти одинаковых серых худи было на ней в тот день. Посмотрев ближе на руки Мэдди на фото, я поняла, какое — то, что

отверстиями для пальцев в рукавах. Я добавила к наряду еще одну длинную рубашку, пару ботинок, уродливый шарф — и вот, я была готова к выходу. Я умирала от жары, задыхаясь под слоями одежды, но, еще раз взглянув на фото, я убедилась, что выгляжу точно, как она.

Прическа и макияж... что ж, с этим другая история. Я не имела ни малейшего представления, с чего начать. К счастью, мое левое запястье все еще было загипсовано. Свой несовершенный вид я могла бы списать на невозможность снять с карандаша для глаз слишком тугой колпачок.

Я обернула шарф вокруг шеи еще раз, замерев на секунду, чтобы вдохнуть запах Мэдди. Меня окутал аромат ее духов, смешанный с ноткой запаха Алекса, и на секунду мне показалось, что она здесь, обнимает меня. Я скучала по всему, связанному с Мэдди — по тому, как она пахла, по тому, как кричала на меня, когда я оставляла мокрое полотенце на полу в ванной или использовала ее жутко дорогой шампунь. Я скучала по веселью в ее глазах в ответ на папины неуклюжие шутки за ужином и по тому, как она безмолвно заглядывала ко мне в комнату каждый вечер перед тем, как пойти спать. Окруженная запахом и одеждой сестры, окруженная ее жизнью, я почувствовала, что боль от ее потери становится почти невыносимой.

Дверь приоткрылась, и Бейли потянул носом, вырывая меня из плена воспоминаний.

— Как я выгляжу? — поинтересовалась я.

Пес заскулил и лег у двери. Он делал так с тех пор, как я вернулась домой — ходил за мной кругами, ласкаясь о мои руки и ноги, умоляя признать его. Когда никто не видел, я могла зарыться лицом в шерсть на его шее и напомнить ему, что я — это все еще я.

— Иди сюда, Бейли. — Я присела и хлопнула в ладоши, надеясь, что он, наконец, войдет в комнату Мэдди. Но он этого не сделал. Он обычно сидел в дверях и умолял меня выйти, иногда гавкал, но никогда не заходил сам. Возможно, потому что Мэдди приучила его не переступать порог своей комнаты, швыряясь обувью всякий раз, когда он приближался. Она терпеть не могла мою собаку, говорила, что от Бейли несет псиной и он слюнявый. Так и было, но именно за это я его и любила.

— Вкусняшек? — спросила я, и Бейли поднялся, наострив уши. Он секунду постоял на месте, затем развернулся, зашел в мою старую комнату и забрался на мою кровать. Счастливчик.

— Так и не заходит? — спросила мама. Она проследила взглядом за тем, как Бейли кружит на моей кровати в поисках удобного места, чтобы улечься.

— Нет. Не знаю, почему это меня волнует, — добавила я быстро.

Мама наблюдала за мной с тех самых пор, как я вернулась домой, и уже успела сделать несколько любопытных предположений на тему преследований Бейли.

— Он был псом Эллы, не моим. Мне жаль его. Он скучает по ней.

— Вот почему ты волнуешься? Потому что это — пес Эллы?

Мама с папой целыми днями пытались втянуть меня в разговоры, считая, что мне нужно выговориться, чтобы жить дальше. Она и задала вопрос только потому, что хотела вовлечь меня в беседу. Но я не хотела разговаривать с ней.

Не дождавшись ответа, мама вздохнула и прошла в мою комнату.

— Ты уверена насчет школы? — спросила она, передавая мне яблоко — мой завтрак — и предписание врача, освобождающее меня от физкультуры на ближайшее время. Еще у меня имелась справка, которую нужно было показать учителям или другим заинтересованным лицам, если меня спросят о долгом отсутствии. Я сомневалась в том, что она понадобится.

Все, включая директора, знали, почему меня не было в школе.

— Да, уверена. Я хочу вернуться в школу. Мне нужно это сделать.

Я забрала у мамы яблоко и направилась в кухню. Она последовала за мной, тихие шаги отдавались эхом на ступенях позади меня. Я бросила взгляд на холодильник, подумав о том, что, может быть, стоит взять с собой ланч. Хм... не помню, чтобы Мэдди стояла в очереди за обедом, но и уродливого коричневого бумажного пакета я при ней никогда не видела. Черт, только семь утра, а у меня уже заминка.

— Ты голодна? — спросила мама. — Могу что-нибудь приготовить, если хочешь.

Она выглядела смущенной и смотрела на меня вопросительно, надеясь, что я скажу «да».

Я жутко хотела есть и больше всего мечтала о стопке блинов с сосисками, но у меня не было времени. К тому же, я со времен средней школы не видела, чтобы Мэдди ела свинину.

— Нет, все в порядке.

Я взяла ключи со стола и пошла к выходу.

— Будь дома к шести, — бросила мама мне вслед. — Я записала нас к терапевту. Ты была такой...

— Тихой? Закрытой? Другой? — предложила я, пока она подбирала подходящее слово. Я всегда была такой. Проблема в том, что я больше не я. — Я в порядке, мам. Мы уже говорили об этом. Я не хочу говорить с кем-то о том, что случилось. Я хочу забыть и двигаться дальше.

— Мэдди, мы это уже обсудили. Ты...

— Нет, не обсудили, — оборвала я. Последнее чего я хотела, так это позволить какому-то мозгоправу копать в своей лжи. Мне и так сложно справляться с этим. — Это ты сказала, что хочешь показать меня врачу, я ни разу не сказала, что пойду.

— Мэдди, милая, мы с папой были у доктора. Он считает, что нам нужно прийти всем вместе, попытаться найти выход, так что...

— Найти выход? — Я слышала, как мой тон становится все выше с каждым словом.

Мне не нужно говорить об этом. Я переживала случившееся каждую ночь. Мои руки, сжимающие руль. Запах сосны и грязи, ветки, бьющие в лобовое стекло. Кровь, стекающая по лицу Мэдди. Сестра, глядящая на меня с пассажирского сидения мертвым взглядом. Эти видения преследовали меня по ночам.

— Хочешь знать, что мне нужно? — спросила я. — Мне нужно, чтобы все перестали говорить об этом, перестали заставлять меня думать об этом. Я хочу пойти в школу, потом посмотреть тренировку по хоккею на траве и вернуться домой. Я не могу исправить то, что случилось. Исправила бы, если б могла. Я бы отдала свою жизнь взамен, с радостью легла бы в ту могилу, если бы это вернуло ее к жизни, но я не могу. И не представляю, как психиатр может мне с этим помочь!

Не дожидаясь ответа, я захлопнула дверь машины. Я не хотела видеть тоску в маминых глазах, слышать беспокойство в ее голосе. И я не хотела, чтобы она видела моих слез. Я не могла справиться с этим, когда все нянчились со мной, беспокоились обо мне и напоминали, что это не моя вина. Несмотря на то, что намерения у них были самые благие, помочь мне это никак не могло.

И все это было ложью.

Это была моя вина, только моя, и я была твердо намерена исправить содеянное. Я собираюсь вернуть им Мэдди, стать Мэдди. Но взамен мне было нужно, чтобы они

перестали заставлять меня скучать по себе.

Я вставила ключ в замок зажигания. Все мое тело дрожало от злости, было трудно даже пошевелить руками. После трех попыток собраться с силами и одной безмолвной мольбы я в конечном итоге смогла повернуть ключ, достаточно, чтобы включить радио и печку. Я не собиралась плакать. Я отказывалась плакать. Но руки затряслись, а по лицу потекли накопившиеся за несколько дней слезы. Я проклинала их, пыталась загнать их внутрь, чтобы запереть их в своей голове.

Это был совершенно новый автомобиль. В нем пахло кожей и новой обивкой. Другая марка. Другая модель. Разбила я светло-голубую «хонду». Это был «форд эксплорер». Он был другого цвета — черного. На полу не валялись тюбики блеска для губ, а из-под задних сидений не торчали бутсы. Не было фоток Алекса, прикрепленных к бардачку, и под ковриком не валялся лифчик. Так почему же, куда бы я ни смотрела, везде я видела ее?

Я не хотела делать этого. Не могла. Простая задача — сдать назад, надавить на газ и проехать тем же маршрутом, которым я ездила в школу годами, — казалась невозможной. Руки тряслись, костяшки пальцев побелели, когда я сжала руль. Мысленно я мчалась по улице, чувствовала каждый поворот, каждый звук шины, цепляющейся за дорогу. Это было так реально, так по-настоящему, но все же происходило только в моей голове.

Дерево, в которое я врезалась, спилили, бордюр заменили, или это только слова Алекса. Все, что осталось от той ночи, — деревянный крест с именем Эллы... моим именем, выбитым на нем. А чтобы попасть в школу или куда-то еще, мне нужно было проехать мимо него.

Я выругалась, опустив голову на руль. Мэдди не сидела бы здесь, застыв в панике. Она сейчас же тронулась бы с места, проглотила бы свой страх и просто сделала это. Она была такой прямой, такой решительной. И если я вправду надеялась стать ей, я должна была это сделать.

— Мэдди, — позвала мама, постучав в окно.

Я опустила его. Она наклонилась ко мне, и я вздрогнула. Я не хотела, чтоб меня успокаивали. Я не заслуживала этого.

— Почему бы мне не отвезти тебя сегодня? Мы где-нибудь остановимся позавтракать по пути, а потом я отвезу тебя. Никто не ждет, что ты...

Я покачала головой и прервала ее взмахом руки. Вот в чем ее ошибка.

— Меня все ждут, — парировала я, вспоминая последний разговор с Мэдди. От нее все чего-то ждали, разве не так она сказала? По ее словам, проще быть мной, ведь никто ничего от меня не ждал. — И я тоже этого жду.

Потребовалось больше усилий, чем я себе представляла, чтобы повернуть ключ до конца. Я услышала звук зажигания, машина дрогнула в унисон со мной. Я подняла голову и утерла слезы.

— Мне надо ехать, — сказала я, включая передачу.

Не было смысла оглядываться назад, отъехав с дорожки. Я и так знала, что мама стоит там, наблюдая, надеясь, что я позволю ей помочь мне.

15

Я была старшеклассницей и в жизни не пропускала больше недели школьных занятий. Я знала каждый коридор в школе, знала, как пройти от спортзала до парковки так, чтобы обойти офис регистратора или кафетерий. Знала точное количество шагов от шкафчика Джоша до своего и могла ввести его комбинацию цифр так же легко, как и свою. Знала, что

пол в спортзале заменили в прошлом году, и что над зеркалом в раздевалке для мальчиков было небольшое отверстие, которое выходило прямым в душевые девочек. В этой школе не было ничего, что могло бы меня удивить, но все же сегодня, когда я стояла на парковке, уставившись на входные двери, она показалась мне чужой.

Я потянулась к дверной ручке и опустила руку на полпути. Я чувствовала себя новичком, не знающим, кого или что он встретит, когда войдет, новичком, который надеется, что его примут, и боится отказа. Но в отличие от того нашего первого дня в этой школе, моей сестры-буфера не было рядом, я была здесь сама по себе.

«Ты можешь сделать это», — сказала я себе, когда заставила руки подняться, а ноги — сделать первые несколько шагов. Здесь у меня были друзья. У Мэдди здесь были друзья. У Мэдди был Алекс. Я вовсе не была сама по себе. Просто я не была собой.

Я не знала, что меня ожидало внутри, но чего точно не ждала — так это тишины. Тихий приглушенный шепот следовал за мной по коридору. Я наткнулась на жалостливые взгляды двух девушек, стоявших перед дверью офиса регистратора. Я кивнула и легонько помахала им. Они сразу же отвернулись, притворяясь, что заинтересовались информацией на стендах для учеников. По мне, так пусть лучше шепот за спиной, чем эта жалость, которая буквально лилась из их глаз.

Я уставилась прямо перед собой и ускорила шаг, стараясь вести себя так, будто их не существует. Но было бесполезно пытаться себя изолировать. Неважно, куда я смотрела, неважно, в какой коридор сворачивала, они все равно были здесь — сотни глаз, наблюдающих за мной в надежде, что я сломаюсь.

Опустив голову, я шла все быстрее, но тошнотворное ощущение меня не отпускало. Негде было спрятаться. Я игнорировала одноклассников, но это не значило, что они не стояли там и не шептались о том, как я себя чувствую.

Я позволила ногам вести меня вперед, ни разу не остановившись, чтобы подумать о том, а куда именно они меня ведут. Я повернула за угол и преодолела два лестничных пролета. Ноги помнили, куда идти. Я остановилась перед шкафчиком под номером 159 и потянулась к замку. Пока я его не открыла, пока не увидела одну из последних фотографий Джоша, я не осознавала, где находилась. Это был мой шкафчик. Шкафчик Эллы.

В холле воцарилась тишина, тихий шепот, преследовавший меня, стих. Я уронила сумку на пол. Разум заметался в поисках выхода, какого-то предлога... какого-то оправдания тому, что я оказалась здесь, тому, что стояла перед шкафчиком, который, как все знали, принадлежал моей мертвой сестре.

Алекс нарушил тишину. Я не разобрала слов — его голос был тих, и сказанное не предназначалось для моих ушей. Но я узнавала интонации — то, как он хрипел, стараясь скрыть эмоции, то, как понижал голос, когда был зол. Инстинктивно я повернулась, чтобы отыскать его взглядом. Он поможет мне... поможет Мэдди разобраться с этим.

Джош стоял через три шкафчика от меня, там же, где стоял каждое утро до аварии. Отчаянный взгляд его темных глаз встретился с моим, он проникал в меня, пытаясь отыскать истину. Я увидела вспышку узнавания, короткую и полную надежды, а потом она исчезла.

— Мэдди? — позвал Алекс.

Я оторвала взгляд от Джоша. Я могла справиться с гневом, который увидела в его взгляде на похоронах, с неуместными взглядами моих патологически любопытных одноклассников, но агония, излучаемая Джошем, разрывала меня на части. Я не могла унять его боль, не сказав, что я — Элла, не уничтожив этим признанием своих родителей и

Алекса, не нарушив данного Мэдди обещания... обещания подарить ей свою жизнь. В любом случае, кто-то проигрывал.

— Мэдди? — повторил Алекс. — Что ты здесь делаешь? — спросил он, отодвигая меня от шкафчика и закрывая его ногой. — Зачем ты роешься в шкафчике Эллы?

Я покачала головой, движение вернуло меня к реальности.

— Ее вещи... — сказала я, не заботясь о том, чтобы сдерживать эмоции. — Почему они еще там? Почему никто не убрал их?

Алекс посмотрел поверх меня на Джоша, как будто у того был ответ на мой вопрос. Я видела, как между ними разыгрывается молчаливый диалог, который был ничем иным, как спором о том, кто ответит первым. Я никогда не видела подобного раньше, не видела, чтобы Джош страшился ответить мне, заговорить со мной. Но опять же, в его сознании, в его реальности я была кем-то совершенно другим.

— Почему? — Мне нужно было прочистить горло, чтобы проглотить слезы и продолжить: — Почему вещи Эллы все еще здесь? — спросила я снова.

— Я не смог, — сказал Джош и отвернулся, уткнувшись лицом в шкафчик, чтобы не смотреть на меня.

— Не смог что? — спросила я.

Джош проигнорировал меня. Я уже сделала шаг в его направлении, чтобы потребовать ответа и попытаться облегчить его горе, но Алекс остановил меня, обвил руками мою талию и мягко прижал к груди.

— Твои родители собирались сделать это. Я предложил помочь. Подумал, так будет лучше для всех, если я сам заберу все ее вещи и привезу домой в коробке. Я хотел, чтобы ты прошла через это, когда будешь готова, — сказал мне Алекс.

— Но?.. — спросила я, когда он закончил.

— Джош хотел сделать это сам. Он обещал, что сделает это до того, как ты вернешься в школу.

Я уловила в его голосе понимание, я знала, что он понимает, как тяжело это для Джоша. Я догадывалась, почему Алекс в первую очередь предложил свою помощь — он хотел избавить моих родителей и Джоша от связанной с этим боли.

Я посмотрела на мой шкафчик, потом снова на Джоша. Если бы это случилось с ним, и если бы я должна была обратиться в его шкафчике, я сделала бы то же самое. Я бы оставила вещи Джоша там — и пусть это показалось бы безумием — на тот случай, если он вернется, как будто у меня его забрал всего лишь ночной кошмар... кошмар, который скоро закончится.

— Я сделаю это.

Высвободившись их объятий Алекса, я опрокинула содержимое своей сумки на пол. Мне пришлось бы дважды сходить к машине, чтобы загрузить в нее все вещи, но, если это убередит Джоша от попытки проделать это самостоятельно, я с радостью опоздаю на первый урок.

Я с легкостью опустошила верхнюю полку, просто сложив учебники на пол перед собой. Я вернула бы их в офис регистратора или учителям — любому, кто мог бы принять их у меня, — как только собрала бы все остальное. Я подошла к двери и осторожно начала отклеивать фотографии, когда Джош взорвался.

— Не смей! — закричал он.

Я никогда не слышала столько ярости в его голосе и не видела, чтобы его так трясло от

эмоций. Я остановилась и посмотрела на него, все еще сжимая пальцами уголок фотографии.

— Я. Сказал. Не. Смей, — повторил Джош.

Я кивнула и разжала пальцы. Сделала пару шагов назад, уступая ему место. Он выглядел так, словно не ожидал, что я сдамся.

Мы собрали целую толпу зрителей. Все, кто был в школе — и учителя, и ученики — ждали моих действий. Но мне было плевать на них. Они могли выстроиться у стены, если хотели наблюдать за шоу — это их дело.

— Хватит, — прошептал Алекс мне на ухо. — Я поговорю с Джошем и попрошу твоих родителей помочь убрать в Эллином шкафчике.

Я кивнула, хотя прекрасно знала, что родители Джошу не помогут. Они с трудом набираются смелости, чтобы просто зайти в мою комнату, а что уж говорить о том, чтобы приехать за моими вещами. И, кажется, Джош тоже не намеревался выбрасывать из шкафчика остатки моей жизни. Он уже запихал учебники обратно на полку и разглаживал помятую фотографию на дверце.

— Я могу помочь тебе, — сказала я Джошу, надеясь, что он не примет мое предложение.

Я не хотела проводить с ним ни минуты. Не хотела этого постоянного напоминания о том, кем я однажды была и по собственной воле больше никогда не стану. Все, чего я хотела от него, так это чтобы он перестал смотреть на меня так: с болью, злостью и надеждой, сплетенными воедино.

— Мне не нужна твоя помощь, — бросил Джош.

Гнев, уже виденный мной на похоронах, снова вернулся, а я вздохнула с облегчением. С его злостью я могла сладить.

— Отлично, если ты так этого хочешь, — ответила я.

Я повернулась, намереваясь уйти. Пусть вещи из сумки так и валяются на полу в коридоре, но я не останусь даже на секунду в ловушке глаз Джоша. Но следующие его слова остановили меня. Правда, которую он высказал, эхом отозвалась в моей голове.

— Это не то, чего я хочу. Все, чего я хочу, — снова увидеть Эллу, но с этим ты помочь не можешь, ведь так?

Я подавила желание ответить, здоровой рукой сжав руку Алекса так сильно, что онемели пальцы. Я не могла сделать этого — только не здесь, не сейчас. Не при Джоше. Не в тот момент, когда все — и Алекс тоже — смотрят на меня.

— Нет, не могу, — сказала я, не в силах посмотреть в глаза своему лучшему другу даже в ту секунду, когда буду разбивать его надежды. — Она умерла, и мне этого не изменить.

16

У нас с Алексом был общий первый урок. Я не знала, радоваться этому или огорчаться. Он бы стал напоминать людям, что не стоит на меня пялиться, и проследил бы за тем, чтобы никто со мной не разговаривал. Но еще это означало, что придется играть роль Мэдди и дальше, а мне так хотелось побыть собой хотя бы пять минут, очистить мысли и взять себя в руки.

В надежде спрятаться от любопытных взглядов я прошла в аудиторию через задний ход. Не сработало. Все, включая мистера Питерсона, повернули головы в моем направлении.

Мистер Питерсон улыбнулся. Первая искренняя улыбка с самого утра.

— Рад видеть тебя, Мэдисон.

Мне удалось выдать слабое «спасибо» и даже отпустить руку Алекса, чтобы сесть за стол в углу. Мистер Питерсон не преподавал у меня раньше. Он преподавал американскую литературу. Не английскую литературу или литературу для продвинутого уровня, а обычную американскую.

Место рядом со мной было уже занято. Я отдала должное парню, занимавшему его, — он даже не поднял головы, когда я села. Он изучал рисунки на парте и даже не обратил на меня внимания. Я не знала его имени. Я видела, как он бродил по коридорам и по парковке, и все.

— В первом ряду есть место, — сказал Алекс, бросив сумку на пол и ожидая, что парень встанет.

Тот посмотрел сначала на Алекса, а затем на меня, как будто ожидая одобрения.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Алекс выглядел удивленным. С чего это вдруг я интересуюсь именем этого парня? Но это был не интерес. Это была зависть. Его никто не знал, ему никто не надоедал. Он был как я до того, как решила превратиться в Мэдди.

— Райан, — ответил он.

— Все хорошо, Алекс. Я в порядке. Райан может остаться, — сказала я.

Алекс что-то пробормотал себе под нос, но я не расслышала. Он отошел прочь и занял место в первом ряду рядом с Дженной. Но, если честно, я не обратила на это особого внимания. Меня больше интересовала возможность затеряться на заднем плане, став такой же, как и парень рядом со мной.

Я порылась в сумке и вытащила блокнот с надписью «Лит-ра» на обложке. За исключением нескольких версий имени Алекса, покрывавших первые страницы, он был абсолютно пустым. Ни единой записи на страницах. Ворча себе под нос, я посмотрела на парту Райана. Ни ручки, ни тетради перед ним не было.

— Это американская литература, правильно? — спросила я, просто, чтобы убедиться в том, что я и так знала.

Райан поднял голову и уставился на меня. Ни жалости, ни любопытства не было в его глазах.

— Да, а что?

Я пожалала плечами, не имея понятия, что сказать в ответ. Потому что мы учились уже три месяца, и у меня была целая папка с записями по английской литературе. Потому что я прочитала за это время четыре книги, разобрала каждую и написала по каждой семистраничное эссе. И потому что я понятия не имела, что происходило на занятиях по американской литературе, и, судя по отсутствию записей у Мэдди, она тоже не имела об этом понятия.

Кто-то пнул меня по ноге, я повернула голову. Я помнила эту девушку. Она была на вечеринке, плакала на диване. Через мгновение я вспомнила, кто она такая. Вдали от шума вечеринки и без растекшегося по лицу макияжа я ее узнала. Молли.

Она была одной из подруг Мэдди. С ней что-то случилось в прошлом году, что-то связанное с игрой в хоккей и положительным результатом теста на наркотики. Я узнала некоторые детали от Мэдди. Молли потеряла место в команде по хоккею на траве и стипендию, которую ей практически гарантировал Северо-Западный университет. Кроме того, до инцидента она считалась в школе круче Мэдди, а после него оказалась едва ли не на одном уровне со мной. Она все еще сидела вместе с компанией Мэдди на обеде и получала

приглашения на те же самые вечеринки, но сказать, что она держалась на честном слове в их тусовке, значило преувеличить.

— Привет, Молли..., — начала я, но она отмахнулась от меня и мотнула головой в сторону первых парт.

Я запаниковала на секунду — мистер Питерсон мог разозлиться на меня из-за разговоров на уроке. Но мистер Питерсон и не пытался привлечь мое внимание. Пытался Алекс. Он красноречиво махнул рукой в сторону Райана, словно спрашивая, что, черт возьми, я делаю. Ему не нужны были слова, чтобы передать смысл, я все поняла четко и ясно. В мире Мэдди Алекс занимал центральное место. Мэдди делала все, что он хочет, давала ему все, чего он пожелает.

Если я хотела быть ею, мне нужно было перестать вести беседы с безымянными людьми на галерке и сфокусироваться на нем.

Кивнув в знак извинения, я решила заняться тем же, что и Райан, и начала рассматривать рисунки на парте. Я сосчитала, сколько раз там написано слово на букву «х», и стала гадать, чьи инициалы были обведены сердечком, когда на мою парту лег лист бумаги.

— Постарайся изо всех сил, — прошептал мистер Питерсон. — Я не буду оценивать.

Я написала на листе свое имя и сегодняшнюю дату. Я пропустила почти месяц занятий, и уже в свой первый день должна была сдать тест.

Название книги было написано жирным шрифтом вверху страницы, два вопроса курсивом снизу. «К востоку от Рая»!6. Я читала этот роман еще в первый год, он был в списке летнего чтения для тех, кто попал на продвинутый курс. Если бы я знала, что сегодня тест, я бы откопала ее и перечитала пару глав, чтобы иметь пару цитат для обоснования ответов.

Я прочитала первый вопрос и стала писать ответ, волнуясь по поводу того, что могу забыть о чем-то важном. Но я вспомнила достаточно, чтобы сформулировать достойный ответ. Вряд ли получу пятерку, но это точно будет не тройка.

Мистер Питерсон дал нам почти целых пятьдесят минут урока на тест, и, судя по часам на стене, у меня осталось еще двенадцать. Я просмотрела свои ответы дважды, прежде чем отложить ручку. Я наслаждалась. Отвечая на вопросы, я чувствовала себя так, будто маленькая часть меня, часть Эллы вышла наружу. Та часть, которая все еще могла быть полезной.

Я мельком заглянула в тест Райана. Он написал три предложения в ответ на первый вопрос и изо всех сил старался выжать из себя хотя бы абзац в ответ на второй. Быстрый взгляд в сторону Молли показал, что и она справляется не лучше. Осталось меньше десяти минут, а она даже не начала отвечать на второй вопрос. Прошел всего лишь один урок, я провела меньше часа в школе в роли Мэдди и уже облажалась. Я прочитала книгу по американской литературе и фактически ответила на вопросы.

Разочарованно я скомкала лист и отбросила в сторону. Звук мнущейся в моей руке бумаги эхом разнесся по классу, все повернулись ко мне. Алекс, Дженна, Молли и даже Райан уставились на меня.

— Я не могу, — сказала я и поднялась с места.

— Никто и не ждет от тебя прекрасной работы в день возвращения.

Мистер Питерсон приблизился, глядя на меня настороженным взглядом. Его голос звучал уж слишком мягко, уж слишком успокаивающе. Он остановился в двух шагах от меня,

глядя на шарик мятой бумаги на моей парте. Но я не двинулась с места, чтобы подать его ему, и он сам его поднял, расправил в руках и принялся за чтение.

Губы мистера Питерсона шевелились в такт словам. Он перевернул лист, следуя нарисованным мною внизу стрелкам. Я знала, что он делал, знала, почему он перевернул листок снова и перечитал написанное еще раз. Он пытался понять, как Мэдди справилась с этим. Как девушка, только что выписавшаяся из больницы и еще не оправившаяся от горя, — та же девушка, что с трудом зарабатывала тройку на его уроках — написала это.

Его глаза расширились. Неподдельное удивление отразилось на лице мистера Питерсона, и я отшатнулась, опрокидывая стул. Алекс встал и знаком приказал Дженне оставаться на месте, когда она хотела последовать за ним.

— Мэдди? — мистер Питерсон положил свою руку на мою, пытаясь привлечь мое внимание. — Мэдди, это хорошая работа.

— Знаю, — прошептала я, направляясь к двери. — В этом-то и проблема. Она слишком хороша.

Я слышала, как Алекс позади меня говорил что-то о том, что разберется с ситуацией. Я не ждала, пока он догонит меня. Я бежала по коридору так быстро, как могла. Бежала туда, куда Алекс не пойдет за мной, в то единственное помещение во всем здании, где двери запираются на замок.

17

В туалете было абсолютно пусто. Тишину нарушал только звук старого радиатора, работающего в полную силу, чтобы накачать тепло. Я вошла в последнюю кабинку и закрылась на замок. Алекс остался у наружной двери, стуча и выкрикивая мое имя. Я почти ожидала, что он войдет. Какая-то часть меня даже хотела этого, ведь тогда я могла бы упасть в его объятия и заставить себя эгоистично поверить словам о том, что все будет хорошо.

Я отогнала от себя мысли о Мэдди, об аварии, о Джоше. Выбросила из головы слезы моей мамы, шепот, угрожающий задушить, и пронзающие насквозь взгляды учеников. Мне нужно избавиться от этого.

Постепенно мои мысли прояснились. Грязные плитки на полу в туалете расплылись в мутное серое пятно. Я с удовольствием сидела бы тут вечно, но раздался звонок, и шум стал пронзительней, усиливаясь и затихая, когда дверь стала быстро открываться и закрываться, впуская и выпуская девочек. Мне не хотелось, чтобы меня заметили, я подняла ноги на сидение и притихла.

До меня донеслись обрывки сплетен, которые я пропустила за последние пару недель. Дженна претендует на звание королевы Снежного бала, но это меня не удивило. Возможно, она и была подругой Мэдди, но в ее голубых глазах я отчетливо улавливала искру зависти.

— Должна сказать, если речь идет об агитации, то Дженне с этим повезло. Я имею в виду, с чего бы парням за нее не проголосовать? Не знаю, кто еще из идиотских друзей Мэдди стал бы вести себя так, но Мэдди была абсолютно права насчет Дженны. Она очень опасный соперник. Уверена, Дженна не погнушается использовать в качестве козыря на голосовании свои формы.

— Она не победит. Алекс этого не допустит. Плюс, у Мэдди будут голоса из жалости. Это что-то, да значит.

Я съезжилась от этих слов, вспоминая разговор, который подслушала дома месяц назад. Мэдди была в ванной с телефоном на громкой связи — это давало ей возможность разговаривать и краситься одновременно. Они с Алексом разрабатывали стратегию,

размышляя над тем, кто за кого проголосует. В итоге Мэдди и Дженна оказались в одной связке. Я не расслышала, как Алекс планировал с этим разобраться — его слова утонули в шуме бегущей воды. Но я слышала, как Мэдди спорила с ним. Что-то в ее последнем плане пошло наперекосяк.

Я тогда не обратила на этот разговор внимания, не стала даже вникать, о чем идет речь. Мэдди часто драматизировала и, бывало, слетала с катушек из-за какого-нибудь пустяка вроде сломанного ногтя.

Я отмахнулась от воспоминаний и перестала прислушиваться к болтовне снаружи, больше раздумывая о том, что стала бы делать, если бы Мэдди... если бы меня и вправду выбрали королевой Снежного бала. Наверняка пришлось бы надеть платье и каблуки, сделать прическу и маникюр, танцевать с Алексом, улыбаться и обмениваться фальшивыми поцелуйчиками с людьми, которые мне не нравятся. У меня не было ни малейшего желания делать все это. Но Мэдди сделала бы это, не задумываясь.

Кто-то дернул дверь кабинки, затем постучал и наклонился, чтобы заглянуть снизу. Я отодвинулась назад на сидении, пытаюсь стать невидимой, но девушка заметила бы меня в любом случае — спрятаться в этой крошечной, три на три фута, кабинке было некуда. Я увидела лицо Молли и лихорадочно замахала руками. Безмолвно я умоляла ее промолчать, не выдавать меня остальным девочкам. Не хотела, чтобы они узнали, что это я заперлась и прячусь в последней кабинке.

Молли кивнула. Ее грустная улыбка напомнила мне, что она сама была тут не так давно.

— Ты в порядке? — спросила она одними губами.

— Да, — прошептала я в ответ.

— Снова дверь сломалась, — выпрямившись, сказала она девочкам. — Воспользуйтесь другой кабинкой.

Туалет опустел, шум в коридорах стих. Начался следующий урок, целая школа продолжала свой день без меня. Я спустила ноги на пол и открыла дверь кабинки. Я была наполовину уверена, что кто-то будет меня ждать. Может быть, Молли. Может, Дженна. Но в комнате было пусто, даже радиатор больше не шумел.

Длинное поцарапанное зеркало закрывало всю стену, и я не смогла не бросить на себя взгляд. Я казалась опустошенной, жалкой. Мэдди бы так не выглядела. Мэдди не пряталась бы в кабинке, переживая из-за того, что о ней подумают или скажут. Она бы осталась, взглянула бы обидчикам в лицо и повернула бы резкие слова в свою пользу. Я видела, как она проделывала это много раз. И много раз сама была в числе проигравших ей битву.

Я поправила волосы, сделав так, как Мэдди на моей памяти делала тысячи раз — опустила голову вниз и потрясла ей. Я не остановлюсь, пока не разрушится мой мир, который, кстати, сотрясался уже трижды. Последний раз посмотрев в зеркало, я открыла дверь.

18

Заметив меня, Алекс оттолкнулся от стены напротив туалета. Ему пришлось ждать меня, по меньшей мере, десять минут. В одной руке он держал мой рюкзак, а в другой — свой телефон. Он быстро взглянул на меня, но потом опять уткнулся в экран, заканчивая набирать сообщение.

— Эй, — молвила я, забирая из его протянутой руки рюкзак.

Не знаю, чего я ожидала. Возможно, что он поддержит меня и согласится пропустить свой следующий урок, чтобы посидеть со мной. Может, попробует отвлечь меня от

сумасшествия, на краю которого я так отчаянно балансирую. Но нет. Он лишь странно на меня посмотрел и кивнул.

— Я видел, как Молли вышла из туалета незадолго до тебя, — сказал Алекс, убирая телефон в карман, — Она выглядела... не знаю... лучше.

Я и не знала, что сначала она выглядела дерьмово.

— Лучше, чем что?

— Лучше, чем до того, как она вернулась. Ты ей что-то сказала?

Я поморщилась, не в силах скрыть удивления. Я сказала ей «привет» на уроке и беззвучно попросила не говорить другим девочкам в туалете, что прячусь на унитазах, но это все. Ничего поразительного, ничего даже относительно полезного или сочувствующего.

— Нет, я ничего ей не говорила, но какая разница, если бы и сказала?

— Мы говорили об этом на вечеринке, Мэдди. Безопаснее держать ее на расстоянии.

Алекс шагнул вперед, внезапно оказавшись в нескольких дюймах от меня. Я чувствовала запах его одеколona, видела плавные линии его челюсти и крошечное темное пятнышко в том месте, которое он пропустил, когда брился утром.

— Уж поверь мне. Держись от нее подальше, хотя бы пока все не уляжется, и ты не почувствуешь себя собой.

Боль в его голосе, как нож, полоснула по моему сердцу, и я покачала головой. За его словами скрывался страх, он боялся, что я передумаю и раскрою тайну, о которой даже не имею понятия. Что я могла сказать? Я ничего бы не рассказала Молли, но не потому что пыталась защитить его или сестру, а потому что понятия не имела, о чем он говорит.

— Я не собиралась ей ничего рассказывать, — сказала я.

Я почувствовала его облегчение и подала ему руку. Алекс взял ее и переплел свои пальцы с моими.

— То, что случилось с Молли в прошлом, Мэдди, должно остаться там.

Мне страшно хотелось понять, о чем он говорит. Я искала в выражении его лица подсказку, какое-то указание на то, что же произошло между Алексом и Мэдди, и какое отношение ко всему этому имела Молли. Но ничего.

Я попыталась вспомнить, когда впервые заметила, что между ними что-то не так. Я помнила приглушенный разговор в ванной за неделю до смерти Мэдди — тот самый, во время которого она сказала, что ее план на грани срыва. Я помнила, что Мэдди плакала в ту ночь на вечеринке. Но помимо этого все между ними казалось прекрасным. Совершенным, честно говоря.

Алекс принял мое молчание за нерешительность и потянулся, чтобы заправить выбившуюся прядь волос мне за ухо.

— Я удостоверился, что все идет как надо. Сделал все, чтобы ты стала со-капитаном хоккейной команды и королевой выпускного на балу в младшей школе, стала девушкой, которой все хотят быть, ведь так?

Я кивнула, согласие казалось логичным.

— Еще семь месяцев, и мы уедем отсюда. Мы сможем начать все сначала и забыть о том, что случилось. До этого момента я смогу держать все под контролем, но ты не должна пытаться загладить вину перед Молли. Вспомни, кто ты, как ты сюда попала и что готова была сделать для того, чтобы никто, включая Молли, не встал у тебя на пути.

Что бы это ни было, какую бы ложь ни скрывали Алекс и моя сестра, я не готова была на нее согласиться. Я думала, что надену ее одежду, буду сидеть на ее уроках, говорить с ее

друзьями и радовать всех тем, что я выжила, и тогда никто не обратит внимания на оплошности, которые я допускала тут и там. Но все оказалось по-другому. Сложно. Слишком сложно.

Я уставилась на Алекса, не в состоянии что-либо сказать, не в состоянии стереть с лица выражение полного замешательства. Я была бы просто счастлива передать корону популярности Дженне и отступить на задний план. Но не имело значения, чего я хотела. Важнее было беречь жизнь Мэдди, каждую ее частичку, включая эту.

Алекс заметил разочарование на моем лице, его тон стал мягче, когда он вытаскил телефон, чтобы набрать номер моего отца.

— Может, твои родители были правы. Может, еще слишком рано тебе возвращаться в школу. Может быть, тебе с родителями стоит встретиться с врачом, чтобы дать тебе еще немного времени до того, как...

— Мне не нужно с кем-либо разговаривать. — Я потянулась к телефону и сбросила вызов, прежде чем оператор соединил нас с офисом папы. — Я в порядке, Алекс, честно. Люди вокруг ведут себя странно, и из-за этого я... не знаю... напряжена, — сказала я, отчаянно пытаясь блефовать, чтобы выпутаться из сетей, в которые завел меня этот разговор.

Пока я не поняла, во что ввязалась, нельзя раскрывать всех карт. Нужно больше наблюдать и меньше говорить.

— Может, потому что ты ведешь себя странно с ними, — сказал он. Беспокойство и смятение, преследовавшие его в последний месяц, вдруг развеялись, вернулся уверенный в себе Алекс, которого я привыкла видеть с Мэдди. — К тому же, напряженность — это хорошо. Они привыкли к этому. А вот срыв урока и прятки в туалете доведут тебя до беды.

— Знаю, — сказала я, пытаюсь звучать убедительно.

— Молли оказалась в таком положении, потому что у нее нет твоей силы. И у нее нет меня. Много людей мечтает занять твое место. Одно неверное движение, и ты окажешься там же, где и она, — на дне, и тебе останется только вспоминать о том, где ты была раньше. Я смогу помочь тебе, прикрыть тебя, беречь тебя, я сделаю все, чтобы этого не случилось, но ты должна позволить мне это делать. Ты должна перестать закрываться от меня. Тебе нужно разговаривать со мной, пока все не стало совсем плохо.

Я кивнула. Он не сказал мне ничего нового.

— Послушай, Мэдди. Ты можешь расклеиваться дома, со мной, если тебе это нужно, но, когда мы здесь, ты должна держаться. Если не можешь, позволь мне отвезти тебя домой, потому что, поверь мне, терять то, над чем мы так долго работали — не стоит.

— Я в порядке, — снова сказала я, подтягивая рюкзак выше на плечо.

По спине пробежал холодок. Альтернатива была проста: играть свою популярную сестру или отправиться домой. И в ближайшие дни я должна держать рот на замке, не говорить ни с кем, кроме Алекса, и, если у меня есть мозги, уделять больше внимания разговорам вокруг. Очевидно, я что-то пропустила... много чего. Если я собиралась пережить этот кошмар, мне было нужно поскорее разузнать о прошлом Мэдди.

Пока я не прозрела, я думала о мелочах. Я бы сдала тест по литературе не выше, чем на тройку. Изобразила бы интерес в выборе цветовой гаммы платья для Снежного дала, сделала вид, что мне не все равно, когда Дженна заговорила бы о своем платье. Я придумала бы что-нибудь злобное о ее сестре, которая набрала десять фунтов. Я бы относилась ко всем так, как Мэдди относилась ко мне, — наплевательски.

— Тебе нужно в читальный зал, — напомнил он.

— Хм-м. Угу...

Я знала расписание Мэдди, убедилась, что знаю его наизусть, прежде чем появиться в школе.

— Попробуй сказать Дженне что-нибудь хорошее. Она до сих пор вне себя оттого, что ты ее избегаешь. Но не упоминай, что ее родители потеряли дом, и что ее брат бросил колледж и начал работать в гараже у дяди. Она не хочет, чтобы об этом знали. Особенно ты. Если она узнает, что я рассказал тебе, она меня никогда не простит... или тебя.

Они могли бы найти другой дом, но брат Дженны — гордость и радость всей семьи. Он выпустился, когда мы с Мэдди перешли в старшие классы. Получил стипендию в Нотр-Даме⁷, там же, где учились его отец и дед. Я видела его как-то, он приезжал забрать Дженну от нас. Он казался довольно милым... настолько милым, что мне стало не по себе.

— Спроси, что происходило между ней и Китом, пока тебя не было в школе, — добавил Алекс, и я перестала думать о брате Дженны, ковыряющем автозапчасти, чтобы помочь со счетами, и сосредоточилась на его словах. — Тогда она будет болтать некоторое время, и тебе не придется говорить.

Алекс развернул меня и подтолкнул в противоположном от себя направлении. В его словах было скрыто тихое послание — «не облажайся».

— Знаю, это отстой, Мэдди, но помни: чем скорее все вернется на круги своя, тем лучше для нас.

19

Я пошла туда, куда отправил меня Алекс. Я не горела желанием слушать рассказы Дженны о себе любимой, но и стоять с широко раскрытыми глазами перед Алексом — не выход. Нормальность. Вот, к чему я стремилась. Проблема в том, что я не знала, что было нормальным по версии Мэдди.

Если говорить обо мне, нормальность — это сидеть в своей комнате, рисовать или спорить с Джошем о том, можно ли начинить пиццу бананами, перцем и курицей.

Моя нормальность была постоянной. Люди вокруг меня были предсказуемыми. Я точно знала, что Джош каждое утро ел на завтрак маковый рогалик с вегетарианским сливочным сыром. Я точно знала, что он никогда не наполнял свою бутылку с водой больше чем на четверть. Он всегда ходил в «7-Элевен»⁸ на Резервуар-авеню, потому что только там продавали арбузный «Слурпи»⁹. На каждый тест Джош приносил с собой два абсолютно новых механических карандаша одной твердости и одной марки: один для себя, другой для меня.

Но друзья Мэдди... Алекс... они не были ни предсказуемыми, ни последовательными.

Я не имела ни малейшего понятия, что мне делать. Я в жизни не была в читальном зале. Я всегда заполняла перерывы между занятиями открытыми исследованиями¹⁰ или продвинутым классом. Плюс, мне было нечего учить. Вообще-то, если я хотела играть Мэдди, то мне стоит успокоиться и выбросить из головы мысли о завтрашней домашней работе.

В основном, коридоры пустовали. Какие-то девочки направлялись в сторону туалета, еще несколько рылись в своих шкафчиках в поисках забытых книг или домашних заданий. Остальные ученики были на уроках. Никуда особо не спеша, я замедлила шаг. Было здорово побыть одной, позволить себе секунду покоя и отвлечься.

У меня было сорок пять минут до начала следующего урока, и я подумала провести их, разбирая содержимое шкафчика Мэдди. Я уже привела в порядок ее рабочий стол, тумбочку

и шкаф. Нигде не нашлось ничего из ряда вон выходящего, за исключением пачки презервативов, на которую я наткнулась этим утром в носке одного из ее сапог.

Не знаю, откуда у меня взялось желание их пересчитать, но я это сделала. Коробка из двенадцати, осталось семь. Это только подтвердило мои подозрения о том, что Алекс не шутил, когда сказал, что скоро я буду готова. Да уж, как разобраться с этим, я тоже не знала.

Я замедлила шаги и почти остановилась, услышав голос Дженны. Она не могла увидеть меня, ряд шкафчиков блокировал ей обзор, но не думаю, что, даже заметив меня, она бы прекратила болтовню. Я осторожно шла вперед, пока не увидела ее. У меня было твердое намерение сделать так, как сказал Алекс: притворяться заинтересованной, что бы она ни говорила. Интересно, насколько сложным это могло оказаться? Наверняка, все, что я должна была бы делать, это улыбаться и кивать время от времени.

Я пересчитала шкафчики трижды, чтобы убедиться, что не ошиблась, а затем посмотрела еще и на номера: так и есть, Дженна действительно стояла у шкафчика Мэдди.

Я услышала, как она произнесла мое имя — «Элла» — и наострила уши. Спрятавшись за шкафчиками и прислонившись к холодному металлу, я решила послушать, что она скажет: — Алекс злится, что мы не сделали это с утра, к ее приходу, — проговорила Дженна.

В одной руке у нее был рулон гофрированной бумаги, а в другой — гигантский плакат. Она оторвала бумажную ленточку и помахала девушке, стоящей рядом, чтобы та поторопилась и подала ей скотч.

— Если ему хотелось, чтобы ее шкафчик был украшен плакатом «С возвращением», ему стоило сделать это самому. Как будто одного в раздевалке недостаточно.

Девушка засмеялась и достала из рюкзака какой-то самодельный знак. Отсюда я не могла прочесть имена, которые были на нем написаны, но написано было много. Девушка прикрепила его к дверце моего шкафчика и предложила Дженне ручку. Дженна покачала головой и отвела руку с ручкой в сторону.

— Не понимаю, чего он бесится. Будто кто-то знал, что она вернется сегодня, — сказала девушка.

Дженна кивнула, как если бы это и в самом деле было так. Что ж, пусть играет дурочку. Она знала, что я возвращаюсь сегодня. Мы с Алексом сидели у меня на кровати вчера вечером, когда он позвонил ей и попросил сообщить нашим «друзьям», чтобы те не спрашивали у меня про аварию и Эллу. Видимо, она так «вовремя» забыла передать послание.

— Ты видела ее утром у шкафчика Эллы?

Я все еще не могла понять, кто эта девушка, может, кто-то из младших классов или из команды по хоккею на траве, одна из тех, кому Дженна обещала место в основном составе.

— Она сорвалась на того странного парня, с которым постоянно зависала ее сестра. С одной стороны, мне жаль ее. Наверное, тяжело ей его видеть.

Джош не был странным; он был самым нормальным человеком из всех, что я знала. И я не считала, что, пытаясь прибраться в собственном шкафчике, я срываюсь. Скорее, я назвала бы это внимательностью к чувствам Джоша.

Дженна кивнула и отступила на шаг, чтобы полюбоваться своей работой. Шкафчик Мэдди был покрыт ленточками и написанными на стикерах пожеланиями.

— Ну а чего ты ожидала? Ты убила сестру в аварии, ты обязана быть слегка подавленной. — Вот он, укус жестокой честности, которую я всегда ассоциировала с Дженной.

Я вспомнила, как расспрашивала сестру о ней, когда мы были новичками. Дело было уже к концу года.

Дженна стала постоянным элементом в жизни Мэдди и отравой моего собственного существования. Я не понимала, что такого сестра в ней увидела, и почему она решила окружить себя такими гадкими людьми.

— Она не такая плохая, как ты думаешь. Ты ведь даже не знаешь ее, — сказала Мэдди, переключая каналы телевизора.

Мама наказала нас за спор о том, кто будет разбирать посуду из посудомоечной машины. Тогда мы спорили обо всем, начиная с того, кто не закрыл бутылку с молоком, и заканчивая тем, кто умнее. Нашим наказанием стали выходные дома, и никого рядом, чтобы поболтать, кроме нас самих.

Я закатила глаза. Мне не нужно было знать Дженну. Я видела как-то, как она послала куда подальше случайных девушек за то, что они просто посмотрели на парня, которого она отметила, как своего. Я слышала, как за день до этого она устроила в столовой разнос новенькому ученику по обмену просто за то, что он сел на ее место.

— Она гадкая, Мэдди. Независимо от того, как ты попытаешься это подать, она гадкая.

— Ты бы тоже такой стала, если бы у тебя была ее жизнь.

Я сильно сомневалась в этом, но все равно спросила:

— Почему? Чем ты попытаешься её оправдать?

— Она ходила вместе с Алексом в начальную и среднюю школу, — начала Мэдди. — Она была его соседкой с первого класса, и их родители дружат.

Я нашла это интересным, ну, или это хотя бы объясняло то, почему Мэдди стала общаться с ней — начнем с того, что общим звеном у них был Алекс.

— Ее мама безумно заиклена на внешности, а отца никогда нет рядом. Он работает за границей или вроде того, и почти им не звонит.

Я пожала плечами. Папа Джоша — пилот и не бывает дома по несколько дней, но Джош же не стал из-за этого придурком.

— И?

— В их мире все должно быть идеально. Ее комната, ее прическа, ее оценки — все. Я бываю там почти каждый день и все, что я слышу, это слова ее родителей: «Почему ты не можешь быть такой же умной, как твой брат?» или «Почему ты не такая красивая, как твоя сестра?». Я никогда не слышала, чтобы они сказали: «Хорошая работа» или «Все в порядке, мы любим тебя такой, какая ты есть». Ни разу. Но знаешь, что говорит Алекс?

Я покачала головой. Алекс редко мне что-либо говорил, разве что «привет», когда приезжал за Мэдди. Так что нет, я не имела понятия, что он думает о Дженне. И если честно, мне это даже не было интересно.

— Алекс говорит, что это показуха. Они заняли у его родителей денег на прошлой неделе, чтобы покрыть ипотеку.

— Она сказала тебе об этом? — спросила я, удивленная тем, что Дженна рассказывает моей сестре о своих проблемах.

— Нет, Алекс сказал, но он заставил меня поклясться, что я никому не скажу, так что и ты не говори.

Кому я могла сказать? Джошу? Сомнительно, что личная жизнь Дженны его волновала больше чем меня, а меня она мало волновала.

— Значит, говоришь, можно быть гадким, если у тебя дерьмовые родители?

Мэдди вздохнула и швырнула в сторону пульт от телевизора. Она была так раздражена, как будто делала какую-то тяжелую работу, объясняя мне, что не так с ее лучшей подругой.

— Нет, Элла, я говорю, что ее жизнь — отстой. Папу не заботит, попаду ли я в этом году в основной состав, и станешь ли ты лучшей ученицей. И мама не глотает горстями таблетки, чтобы каждое утро вставать с постели и наносить макияж. Дженна такая, потому что быть хуже кого-то для нее не вариант. Только оставаясь лучшей, она может привлечь внимание родителей, только тогда ее отец признает ее существование.

Я не купилась на эту сказочку три года назад, когда Мэдди впервые ее мне рассказала, и не купилась бы и сейчас. Конечно, Дженна могла стать эгоцентричной, завистливой и гадкой, чтобы удостоиться внимания отца, но в какой-то момент она перестала делать это для одобрения родителей. Она стала такой сама по себе.

— Она — твоя лучшая подруга, — сказала девушка, разглаживая складки в центре плаката. — Не думаешь, что стоит поговорить с ней? Может быть, ты сможешь помочь?

Я улыбнулась ее словам. Я могла не знать ее, но то, как спокойно она пыталась защитить меня, помогло мне почувствовать себя лучше и свободнее хотя бы с кем-то из друзей Мэдди.

— Алекс позаботится о ней, — ответила Дженна, поправляя одну из ленточек, чтобы та не закрывала плакат. — И, по его словам, она в шаге от полного срыва. Я должна дать ей побыть одной и не беспокоить слишком часто.

Так и было. Вернувшись из больницы, я отказалась выходить из дома, отказалась видеть кого-либо кроме родителей и Алекса. Он взял на себя роль моей подушки безопасности. Дженна звонила мне в первые дни по сотне раз, но я переадресовывала ее звонки на голосовую почту или передавала трубку Алексу. Чем дольше я отказывалась отвечать, тем меньше было звонков. По крайней мере, мне так казалось сначала. Потом я поняла, что она все еще звонит, но теперь не на телефон Мэдди, а Алексу.

— Подожди. Что? Ты разговаривала с Алексом? Мы спрашивали его, как у Мэдди дела, но он ничего нам не рассказал. Говорит только, что она в порядке. Как ты заставила его тебе рассказать?

— Я — ее лучшая подруга, помнишь?

Сарказм в голосе Дженны вызвал у меня желание пробиться сквозь время и пространство, схватить сестру за плечи и встряхнуть. У Мэдди все могло бы быть иначе, она заслуживала лучшего друга, чем Дженна.

— К тому же, я знаю Алекса с первого класса. Возможно, я знаю его лучше, чем Мэдди. Конечно, он говорит со мной. Обо всем, — добавила Дженна.

Я знала Алекса не так уж хорошо, но могла поклясться жизнью, что он не рассказывает ей много, а особенно, когда это касается Мэдди. Он хранил секреты моей сестры и защищал ее с такой яростью, что я почти завидовала.

Я увидела, что Дженна развернула огромный плакат, распечатанный, судя по всему, на профессиональном принтере. У нее был подходящий скотч, такого же цвета, как и розовая надпись — ее имя — на плакате.

— Ты уверена, что это подходящее место?

— Коридоры — это честно, — ответила Дженна и повесила свой плакат королевы Снежного бала прямо над шкафчиком Мэдди. — Единственное, где нам запрещено собирать голоса, так это в раздевалке и на поле, хотя...

— Я думаю, ты теряешь время. Мэдди соберет так много голосов из жалости, что ты

будешь не в состоянии конкурировать с ней. Она, может, и выглядит паршиво, но кто не проголосует за нее после того, что случилось?

— Ты для начала, — произнесла Дженна.

Я слышала спокойную угрозу в ее голосе. Каким-то образом она выяснила, кто проголосует за нее, а кто нет. Для этой девушки отдать голос за Мэдди равнялось бы социальному самоубийству.

— К тому же, — продолжила Дженна, — Мэдди не сможет стать королевой Снежного бала, если не собирается танцевать. А Алекс будет нянчиться с ней до тех пор, пока ему не надоест бегать вокруг нее на цыпочках.

Фотография моей сестры, та самая, для которой она так тщательно подбирала образ, была сорвана, а я все стояла там и пряталась. Я знала, что сделала бы Мэдди. Я знала наверняка, что она прошла бы по коридору и окликнула бы Дженну. Они бы поругались, угрожая друг другу бесполезными сплетнями, а затем, часа через четыре, все бы закончилось. Какие бы ужасные слова ни прозвучали в их ссоре, все бы забылось, а в центре внимания оказалось бы чье-то чужое несчастье.

Но я так сделать не могла. Я предпочла бы тихо уйти, чтобы никто не смог потом сказать Дженне, что я слышала каждое ее гадкое слово. Я предпочла бы размышлять и строить планы мести, снова и снова вспоминать и прокручивать в голове так и сяк то, что сказала обо мне Дженна Фредрикс, а потом бы просто постаралась забыть. Я предпочла бы взять свой альбом и сосредоточиться на рисунке засохшего дерева, пытаюсь представить себе, что Дженны вообще не существует.

20

Я развернулась на сто восемьдесят градусов и пошла прочь с опущенной головой и мыслями, полностью сосредоточенными на текстуре и тени засохшего дерева, которое уже рисовала у себя в голове. Никаких цветных карандашей для этой картины. Ничего кроме угольной черноты, смешанной с серыми пятнами.

Я почувствовала, как кто-то попытался меня остановить, — моей руки коснулась и легко сжала чья-то рука — и попыталась стряхнуть с себя эту руку. Не сработало. Я обернулась и увидела рядом Молли. Мои книги от резкого движения разлетелись в стороны.

— Извини, — пробормотала я, быстро оглядываясь.

Молли пожала плечами и посмотрела мимо меня в направлении шкафчика Мэдди. Я тоже повернула голову и проследила за ее взглядом, молясь Богу, чтобы Дженны там уже не было. Последнее, что мне было нужно, — публика; та самая публика, с которой, по настоянию Алекса, я должна была вести себя тише воды, ниже травы.

— Ты в порядке? — спросила Молли, все еще глядя на шкафчик Мэдди.

— Да, думаю да. — Не знаю, имела ли она в виду комментарии Дженны, эпизод в туалете или аварию в целом. Возможно, все вместе. Я присела и, быстро собрав свои книги, запихала их в сумку. — Ты... эм... слушала их?

Она кивнула и протянула руку, чтобы помочь мне встать на ноги. Я приняла ее, радуясь, что хотя бы одна из подруг моей сестры — не эгоистка.

Молли стояла и смотрела на меня. Ее рот был приоткрыт, словно она хотела мне что-то сказать, и раздумывала, а стоит ли.

— Что? — спросила я, надеясь, что она все-таки скажет.

Я устала от попыток собрать все по кусочкам, устала наугад искать свой путь по жизни в качестве Мэдди. Хоть раз мне нужно, чтобы кто-то мне все объяснил.

— Ничего.

Я испустила разочарованный вздох и пошла прочь, злясь на себя за дурацкую надежду на то, что кто-то из друзей Мэдди захочет быть честным.

— Я столкнулась с Дженной в прошлые выходные на игре. — Слова полились из Молли, будто она хотела выговориться, пока не передумала. — Они стояли перед раздевалкой на поле. Она меня не заметила.

Я обернулась, чтобы посмотреть на нее, борясь с желанием спросить, кто эти «они». Сомневалась, что там был Алекс. Он приехал ко мне спустя двадцать минут после игры, все еще в своих грязных футбольных бутсах и шортах, вымазанных травой. Пах он тоже потом и грязью.

— Она говорила с Эвой.

Должно быть, отсутствие эмоций на моем лице все ей сказало.

— Знаешь же ее? Она новичок. Паршивый полузащитник в команде по хоккею на траве. Идиотка, считающая, что тусовка с Дженной каким-то образом поможет ей попасть в основной состав. — Она склонила голову набок и посмотрела на меня, когда я не ответила. — Та, с кем разговаривала Дженна у твоего шкафчика.

Я кивнула, радуясь возможности, наконец, узнать имя. Затем я соврала:

— Я знаю, кто она. Что насчет нее?

— Они с Дженной говорили об Алексе, и как считает Дженна, он теряет с тобой время.

Я пожала плечами.

— И?

— Знаешь, Алекс — не совсем то, чего она хочет. Дженна хочет корону Снежного бала. Ты целый месяц не играла, и все это время она пыталась убедить тренера найти вместо тебя нового со-капитана в команду по хоккею. Дженна почти наверняка обещала его Эве. Я подумала, что должна сказать тебе, ведь...

— Моя жизнь уже и так отстой? — закончила я за нее.

— Ну, да. Мне не хотелось бы, чтобы стало еще хуже. В смысле, я уже прошла через это. Я знаю, каково это.

Прошла? Если верить Алексу, ее жизнь все еще отстой.

Я заметила, как потускнели глаза Молли. Я могла с уверенностью сказать, что она вспоминает что-то, чего не смогут стереть ни время, ни расстояние. Знала, потому что со мной это происходило каждый день. Каждый час. Каждую минуту.

— Той ночью на вечеринке ты плакала, — сказала я. — Почему?

На лице Молли при этих словах появилось замешательство, ее взгляд тут же смягчился. Я поняла, из-за чего это. Ошибка. Мэдди бы знала, почему она плакала. Она бы сделала все, чтобы узнать.

— Ты не помнишь? — спросила Молли.

Я переступила с ноги на ногу, беспомощно пытаюсь что-то придумать: объяснение или какую-то ложь, чтобы выкрутиться. Но ничего не вышло. Мне оставалось только стоять и тупо смотреть на нее.

— Я поняла, — сказала Молли. — Мне было тяжело что-либо вспомнить, пока я принимала наркотики. Правда, все говорили, что это потому что я не хотела вспоминать, мне так было проще. По крайней мере, ты можешь винить аварию в том, что чего-то не помнишь.

Моя рука сама потянулась к голове, к шраму, где были швы. Я потерла его, думая

насколько проще было бы, если бы ее слова оказались правдой, если бы я ничего не помнила, как тогда, когда только очнулась.

Я помнила, какие сплетни ходили о Молли по школе в прошлом году. Говорили, что она целые месяцы сидела на таблетках и именно поэтому она была так хороша на поле, так энергична. Когда Молли стала это отрицать, упирая на то, что в результатах анализов была ошибка или подтасовка, начали поговаривать, якобы она сумасшедшая, у нее паранойя и она бредит. Наверное, так и было. Она, бывало, сидела в столовой в полной прострации, ни с кем не разговаривая. Как-то я видела, что Алекс заговорил с ней, а она соскочила со своего места и набросилась на него, таращась на него, как будто он псих. Он всего лишь тихонько сжал ее руку, привлекая внимание, а она словно спятила, крича, что он со всеми заодно.

Тоже самое случилось и в следующие выходные на чемпионате штата. Она пошла посмотреть. Тренер позволил ей сидеть на скамейке, но ей не разрешили надеть форму или даже тренировочную футболку. Она смотрела в пространство, пока вокруг нее разворачивалась игра, глядя на товарищей по команде так, словно их не узнавала. Они проиграли, ведь лучший игрок Крэнстон-Хай сидел на скамейке. У них не было шансов.

Следующую неделю Молли не появлялась в школе. Никто не знал где она, но у нас были предположения. Она показалась спустя шесть недель, тихая и сразу же ставшая изгоем. Все ее избегали. Моя сестра, Дженна и Алекс позволили ей сесть за свой стол в столовой, но не разговаривали с ней и не спрашивали, о чем она думала. Мэдди заявила, что так хотелось самой Молли, что, когда кто-то пытался заговорить с ней, она просила отстать и оставить ее одну. Я отказывалась в это верить. Мне кажется, они не знали, что сказать, как все наладить. Для Мэдди и остальных было легче просто отстраниться от нее.

— Я никому не скажу, что у тебя проблемы с воспоминаниями, если ты об этом беспокоишься, — сказала Молли. — Я понимаю, как это — не знать, что точно случилось, пытаться собрать пазл, когда не понимаешь, какими должны быть его кусочки.

Но меня это не волновало. За исключением Алекса все уже поняли, что я в шаге от провала.

— Спасибо, — сказала я и замолчала, надеясь, что она расскажет мне о вечеринке.

Расскажет о том, почему плакала. Почему Мэдди сидела одна на заднем дворе. Почему Дженна была в отвратном настроении. Но она ничего не сказала, неловкое молчание между нами вскоре стало почти удушающим.

Я пыталась найти слова, но ничего не нашла. Вариантов не было. Я повернулась, чтобы уйти.

— Ты позвала меня на ту вечеринку. Ты сказала, что то, что со мной случилось — нечестно, и что ты и мои друзья собирались все исправить.

Я остановилась как вкопанная и повернулась.

— Алекс тебе что-то прошептал, когда я вошла. Не знаю, что именно, но он казался разозленным. Позже вечером вы поругались, но я не знаю, из-за чего. Может, из-за того, что я пришла туда, — сказала она, шагнув в моем направлении.

Я не знала о причине ссоры, но вместо того, чтобы признать это, я снова спросила:

— Почему ты плакала? Что случилось?

— Дженна. Она вела себя в своем репертуаре.

Молли не нужно было объяснять мне репертуар Дженны. Я получала от нее отвратные комментарии годами. Я прекрасно знала, что, скорее всего, она видела слезы Молли и использовала их, чтобы показать свое превосходство, напомнить ей, что она другая.

Униженная. Бесплезная.

— Дженна — эгоистичный позер. Не понимаю, почему ты... — Я сделала паузу, чтобы поправить себя. — Не понимаю, почему мы тусуемся с ней.

— Я уже нет. Ты тусуешься.

Я пожала плечами, не зная, что сказать. Думала, к концу дня смогу принять Дженну, как лучшую подругу своей сестры. Я бы с радостью играла роль Мэдди следующие семь месяцев, семь лет и всю свою жизнь, но я не могу мириться с Дженной.

— Ага... ну, чувствую, скоро это изменится.

Молли ухмыльнулась, без сомнений понимая, что именно я имела в виду.

— Я поняла это еще на вечеринке.

Я склонила голову, притворяясь, что ищу в сознании забытую информацию.

— Я... эмм...

Боль, с которой я была хорошо знакома, заменила радость в глазах Молли.

— Ты слышала, как она задевает меня, и сказала, что ты устала от того, что она мучает меня. И ты не хочешь больше делать вид, что это не твоя вина.

Я не осмелилась спросить, к чему относилось «это». К тому же, взглянув в лицо Молли, я поняла, что она не знала ответа, она так же растеряна. И ей тоже хотелось бы знать, из-за чего расстроилась тогда Мэдди. К сожалению, у меня ответа не было.

— Мне жаль. Так много всего, что было в ту ночь, я все еще не помню.

— Алекс услышал, что ты кричишь на Дженну, и вошел в комнату, — сказала Молли. — Он схватил тебя за руку и попросил замолчать, пока ты все не испортила. Ты кричала, чтобы он отпустил тебя, оставил одну. Я хотела помочь, но он сказал мне держаться подальше, что ты пьяна, и он позаботится об этом.

— Я не была пьяна.

Это единственное, в чем я была уверена. Я видела Мэдди пьяной много раз, она шаталась, ее мутило, а и давала ей ибупрофен и гаторейд в два часа ночи, а затем врала родителям, что у нее судороги, когда на следующий день она едва могла двигаться. В ту ночь Мэдди не пила. Она была расстроена, может, немного напугана, но не пьяна.

К тому же у меня был анализ крови, чтобы доказать это.

— Я знаю, что ты не пила, но Алекс...

— Легче сказать, что Мэдди пьяна и несет пургу, нежели правду, — закончила я ее мысль.

Она согласно развела руками, и я напредила себе, что она знала этих людей, этих так называемых «друзей» лучше, чем я. Может, даже лучше, чем Мэдди.

— Думаешь, если я буду игнорировать их, если просто пуцу все на самотек, все вернется к норме? — спросила я.

— Эмм... нет.

Хорошо. Поговорив с Молли, я поняла, на что была способна моя сестра и ее друзья. И я больше не была уверена, что нормальность по версии Мэдди, — это то, чего я хотела.

21

Я открыла дверь, ведущую к задней школьной лестнице.

Ей почти никто не пользовался. С третьего этажа пробраться на лестничную площадку можно было через дверь между кабинетом искусства и чуланом уборщика.

Ученики предпочитали пользоваться парадной лестницей, широкие ступени которой вели прямо к столовой, главному офису и к выходу на ученическую парковку. Узкая задняя

лестница вела только в темные школьные закоулки.

Стояла тишина, компанию мне составляло эхо моих собственных мыслей. Это и было то, чего я хотела — изолированное место, где можно подумать и взять себя в руки.

Между пролетами находилось большое окно с широким подоконником, и я на него уселась. До конца занятия в читальном зале оставалось еще пятнадцать минут, и, если гулять в такое время, можно было привлечь к себе внимание. Внимание, которого я не хотела, и которое мне не было нужно. В любом случае — не сейчас.

Здесь мне нравилось: спина прижата к холодным шлакоблокам стены, ноги снизу согревает батарея. На этом самом месте я проводила с альбомом по несколько часов в неделю, наблюдая за миром снаружи, стараясь запечатлеть на бумаге каждый момент времени, каждый упавший лист, каждую припаркованную машину.

Я наклонилась и достала из сумки Мэдди блокнот. Он был разлинован, так что единственным пригодным для рисования местом оказалась задняя сторона обложки. Я раскрыла его на последней странице и снова покопалась в сумке уже в поисках карандаша. Нашлась самая обычная двойка 11, но и так сойдет.

Углубившись в рисование, я подпрыгнула, когда прозвенел звонок. Пара человек, которым вдруг понадобилась именно эта лестница, прошла мимо меня. Я проигнорировала их, сосредоточив свое внимание на блокноте на коленях и уборщике снаружи, опустошающем урну в мусорный контейнер. Если бы он хоть на секундочку замер, я бы точно успела поймать выражение его лица. Но он ходил туда-сюда, подбирая клочки бумаги, упавшие мимо контейнера.

В коридорах стихло. Начался мой следующий урок. Наверное, физика. Это была физика базового уровня, не продвинутая. Я могла бы пропустить два месяца уроков и все равно заработала бы четверку. Не умру, если пропущу один день. У меня впереди ланч, четыре урока, два часа наблюдений за тренировкой по хоккею на траве — играть в него я не умею — и куча домашней работы, которую нужно сделать, а я все никак не могла заставить себя сдвинуться с места.

Я постаралась отвлечься, целенаправленно думала о всяких глупых вещах: о трещине в оконном стекле прямо у меня перед носом, о блеклых линиях разметки на парковке внизу. Не помогало. Мое тело все еще дрожало от возбуждения.

Я закрыла глаза и представила себе лицо Мэдди, улыбающееся мне в темноте. Я постаралась припомнить, когда видела ее счастливой в последний раз.

Кажется, это было утром перед аварией. Я ходила по своей комнате туда-сюда, разговаривала сама с собой, размышляя вслух о том, примут ли меня в школу дизайна Род-Айленда.

«Если примут, — решила я, — то они совсем спятили».

Скомкав очередной рисунок — пятую попытку нарисовать эскиз, я швырнула его в направлении двери, даже не подозревая, что там стоит Мэдди, наблюдает за мной и слушает. Она поймала бумажный шарик, развернула его и внимательно рассмотрела, прежде чем запихнуть в свой задний карман.

— Совершенство — не главное, — сказала она, разворачиваясь и уходя прочь. — Думаю, именно недостатки делают рисунок таким, как надо.

Не открывая глаз, я начала ее рисовать. Глубоко посаженные глаза, ямочка на левой щеке — такая же, как у меня, — непослушные волосы, которые никак не желали по утрам укладываться в прическу. Образ Мэдди вытекал из-под пальцев на бумагу, будто, рисуя ее, я

обретала с ней связь, как будто частичка ее сна была со мной.

Дверь наверху открылась, и я услышала шаги.

— Привет, — послышался знакомый голос.

Я подняла голову и наткнулась взглядом на Джоша. Он выглядел растерянным, но совсем не злым. Джош похудел и казался более бледным, чем обычно, но это было неважно, потому что всего лишь взгляд на него принес мне то самое чувство спокойствия, которое я пыталась обрести, сидя здесь, на лестнице.

Боже, я по нему скучала.

Я оглядела его плечи и спустилась к рукам, а затем к пальцам, переплетенным с чьими-то еще. Мне не нужно было поднимать взгляд, чтобы понять кто это. Ким.

Во мне вспыхнула ревность, вязкая и горькая, как желчь, и я моргнула. Мне пришлось проглотить ее и напомнить себе, кем я была на самом деле, насколько больше значила для Джоша, чем она. Джош мне всегда нравился. В какой-то момент он стал мне больше, чем просто другом. Но у меня не хватало смелости рассказать Джошу о своих чувствах, а он не проявлял инициативы, так что я ждала, успокаивая себя тем, что, технически встречаясь с Ким, он проводил все свое время со мной.

Я наблюдала за Ким последние два месяца перед аварией, смеясь от души над ее попытками закадрить Джоша. Ей в каком-то роде повезло, она подобралась к Джошу настолько близко, насколько могла. Она подходила к нам, когда мы выходили из пиццерии, и тащилась с нами ко мне домой, посмотреть фильмы и потусоваться. Она даже ходила с нами на еженедельные встречи клуба аниме. Единственное, что отличало ее от меня, так это то, что с ней в кино он делился попкорном и содовой, тогда как у меня все было свое собственное.

Но я никогда раньше не чувствовала угрозы с ее стороны. Я наблюдала, как она льнет к нему за обеденным столом, запускает пальцы в его волосы, сидя у меня на диване, смеется над его откровенно глупыми шутками, и меня это никогда не напрягало.

До этого момента.

Теперь, когда я не претендовала на Джоша — ни как на друга, ни как на парня — теперь я чувствовала угрозу.

— Привет, — ответила я, все еще глядя на их руки.

Еще чуть-чуть — и я бы наверняка сорвалась, разрушила бы ту стену контроля и самообладания, за которой так отчаянно пряталась от всего мира.

Джош высвободил свою руку из хватки Ким и засунул ее в передний карман, затем качнулся назад на каблуках, оказавшись чуть дальше от нее. Ким наклонилась к нему, сверля его взглядом, потом посмотрела на меня и снова на него, видимо, пытаясь понять, что происходит.

— Привет, Мэдди. — В ее голосе была вынужденная бодрость.

Таким же тоном она флиртовала с Джошем, с той же улыбкой она пыталась убедить его пойти в кино без меня, только с ней вдвоем.

— Мне жаль твою сестру, — сказала она. — Я общалась с ней. Она была хорошей.

Ким вытянула руку, чтобы коснуться меня, — легкий мимолетный жест, выражающий соболезнование, — но я отпрянула. Она не общалась со мной, она общалась с Джошем. Она не знала меня, и я сомневалась, что и Джоша она знала. Может, и знала, но не так, как я. И мне не нужна была ее симпатия. Я хотела, чтоб она ушла. Ушла от него. От нас.

— Ты не общалась с Эллой. Ты ничего о ней не знала.

От моих слов она побледнела.

— Что?

Я покачала головой, удивляясь сама себе. И почему я вообще ищу какие-то объяснения? Теперь я была Мэдди, и я точно знала, что она не беспокоилась бы о Джоше и Ким, не представляла бы себе, куда они ходили на свидание в минувшую пятницу, не думала бы о том, как далеко они зашли в поцелуях и объятьях. Для Мэдди они были ничтожествами, не стоящими и секунды ее времени.

— Ты и Джош... — Мой голос сорвался на его имени, и в нем проскользнули мои собственные — Эллины — интонации.

Я захлопнула рот, не веря в то, что только что произошло. Я никогда не переходила на свой голос, играя Мэдди. Никогда. Ни в детстве, когда мы забавы ради притворялись друг другом, ни тогда, когда я сдавала за нее тесты, — а это было раз сто, не меньше. Ни разу с аварии. Почему сейчас? Почему здесь, когда из-за своей ошибки я могла потерять так много?

Ким посмотрела на Джоша, помахала рукой у него перед носом в попытке заставить его хоть что-то сказать, хоть как-то отреагировать на грубость в ее адрес. Но нет. Джош стоял, сжав в карманах кулаки, и внимательно смотрел на меня. Он слышал Эллу в моем голосе. Я знала, что слышал.

— Ким, — сказал он, все еще глядя на меня, — можешь дать мне... э-э... можешь дать нам минуту наедине?

Она вроде поколебалась, но затем открыла рот, чтобы совершенно точно сказать «нет». Джош поднял руку, не дав ей вымолвить и слова:

— Пожалуйста, через пару минут мы увидимся в столовой.

Она что-то прошептала ему на ухо, а потом наклонилась поцеловать. Он отвернул голову, и поцелуй угодил в щеку. Я засмеялась. Не смогла удержаться. Хоть раз за весь этот день кто-то другой вытянул короткую спичку, и я была этому рада.

Джош раздраженно посмотрел на меня. Этот взгляд я видела уже тысячу раз. Он говорил мне «завязывай». Я замолчала и уселась на подоконник, провожая Ким взглядом.

22

Джош дождался, пока Ким уйдет, и помолчал еще немного, прежде чем заговорить:

— Ты в порядке?

— Да... прости за это, — сказала я, махнув рукой в сторону двери, за которой скрылась обиженная Ким. — Мне не следовало грубить ей. Это было неправильно.

— Я не об этом. — Он шагнул ближе и медленно повторил свой вопрос: — Ты. В порядке?

— Да... нет... То есть... — я замаялась, не зная, как ответить.

Мое плечо больше не болело, и почти все синяки пожелтели. Левое запястье было все еще загипсовано, а над правым глазом — там, где был шов, — остался красный след. Но в остальном все было хорошо.

Во всяком случае, физически.

— Я в порядке.

Джош кивнул, но не шевельнулся, лишь переместил вес рюкзака на другое плечо, все так же глядя на меня.

— Чего тебе? — спросила я.

— Твоя сестра... Элла обычно сидела здесь, — сказал он, бросив рюкзак на пол, и чуть пододвинул меня, чтобы взобраться на подоконник рядом.

Он взял в руки блокнот, в котором я рисовала, и машинально пролистал к задней обложке. Посмотрел на рисунок, сравнивая его с живой, дышащей версией, сидящей рядом.

— Неплохо, — сказал он, затолкав его в свою сумку. — Небольшие проблемы с тенями, но, думаю, у тебя давно не было практики.

Козел! С тенями все было почти идеально. Я хотела поспорить с ним, но быстро остановила себя и подыграла.

— Ага, около четырех лет. Я не брала в руки карандаш со средней школы. У нас Элла рисовала. Не я.

Он качнул головой, словно поощряя меня продолжать.

— Я знаю. Поверь мне, я знаю.

— Думаешь, ты все знаешь об Элле?

— Думаю, что да. Кстати, сюда она приходила, когда была расстроена или пыталась спрятаться.

Я выругалась про себя. Я знала это. Возможно, именно поэтому я и сидела здесь. Здесь было безопасно. Привычно.

— И что? — сказала я, пытаюсь звучать равнодушно. — У нас с сестрой было много общего. Мы были близняшками. Идентичными близняшками.

Джош хмыкнул. Раньше меня всегда смешил этот его хмык в стиле «кого-ты-пытаешься-обдурить». Теперь же он меня просто взбесил.

— Насколько я вас знаю, это не так. Разные друзья. Разные уроки. Все разное. Наверняка, ДНК у вас одинаковая, но на этом все.

Он отодвинул меня от стены, к которой я прислонилась, глядя на бежевый бетонный блок позади меня. Я проследила за его взглядом, уже зная, что увижу.

— Знаешь, это она нарисовала, — сказал он, приблизившись ко мне, чтобы получше рассмотреть рисунок, который я набросала на стене в наш первый учебный год. — В первый день нашего знакомства, в тот день, когда ты нас познакомила. Я нашел ее здесь, она рисовала на стене после уроков. Я решил, что она плакала, но она упиралась и говорила, что это не так. Говорила, будто красные глаза у нее из-за аллергии.

Я слышала смех в его голосе, когда он вспоминал придуманную мною отмазку. Я плакала. Мне было больно и одиноко. Я была растеряна.

— Я спросил ее, в чем дело, а она ничего не ответила. В конце концов, я заставил ее рассказать мне.

— Что она сказала? — спросила я, уже зная ответ.

— Ты. Она не могла понять, почему ты так поступила, почему больше не хотела общаться с ней, — сказал Джош.

Я пожала плечами. Он был прав — тогда я не понимала. Все еще не понимаю, наверное. Я просто научилась не переживать из-за этого так сильно.

— Я сказал ей, чтобы она не заморачивалась на этом, Алекс вел себя так же, но она никогда не переставала заботиться о тебе и беспокоиться, что ты о ней подумаешь. Она всегда старалась сделать твою жизнь проще. Даже в ночь аварии... Элла приехала за тобой, все бросила и приехала забрать тебя, когда ты позвонила.

— Как бы там ни было, — сказала я, спрыгнув с подоконника.

Сидя и слушая, как он медленно вскрывает мои раны, я вспоминала о том, кем я была, но это не могло мне помочь.

Я спустилась на пару ступенек, когда он остановил меня, ухватив за плечо. Я позволила

его руке задержаться там, позволила себе понежиться в его такой знакомой теплоте, прежде чем стряхнуть его руку. Меня затрясло, мелкая дрожь страха наполнила тело. Я не обернулась, чтобы посмотреть в его глаза. Не потому что боялась или чувствовала себя виноватой, а потому что знала, что он видит меня насквозь.

— У меня урок.

Мне потребовалось столько сил, чтобы сказать эти три слова, и все равно мой голос звучал слабо... надломлено.

— Она была моим лучшим другом, — сказал он мягко. — Возможно, я знал ее лучше нее самой.

— Что ты пытаешься сказать?

Он колебался, я слышала, как он вздыхает, будто осторожно взвешивая свои слова.

— Ничего, но если ты когда-нибудь захочешь поговорить о ней... вспомнить, кем она была, и что я в ней любил, не ходи к Алексу. Поговори со мной.

Я знала, что будет трудно — притворяться кем-то другим. Мне пришлось бы быть настороже, следить за тем, что говорю и как одеваюсь, и отвечать неправильно на вопросы, чтобы поддерживать среднюю успеваемость Мэдди в школе. Но, в конце концов, — и я убедилась в этом — дело того стоило. Я могла избавить маму с папой и даже Алекса от боли из-за потери Мэдди. Но я не подумала о Джоше.

Я знала Джоша три года, проводила с ним почти каждую свободную минуту. Он знал, как я двигалась, как дергался мой правый глаз, когда я злилась, и знал даже о старом потрепанном браслете, который я отказывалась снять, хоть давно было пора его выбросить.

Он потянулся к моей руке, поднял рукав блузки и пробежал пальцами по запястью. Я не сопротивлялась, тихо стояла и ждала, ведь я знала, что он ищет — доказательство, которого там не было. Врачи «скорой» разрезали жалкий старый браслет вместе с остальной моей одеждой в ту ночь.

Находясь дома, я попыталась сплести его заново. Но как бы я ни старалась, мне не удавалось подобрать нужные цвета. Даже совершенно новые яркие цветные нити казались скучными, блеклыми. Но я все-таки сделала для себя какую-никакую копию. Она была там, в заднем кармане джинсов, как легкое напоминание о том, чего я по своей воле лишилась.

Джош стиснул мое запястье, и пальцы похолодели в его хватке. Он мог бы смотреть на мою руку час или два, пытаясь силой мысли заставить этот крошечный кусочек меня прежней вернуться на свое место, но этого никогда бы не случилось. Теперь я была Мэдди Лоутон. Популярной, желанной и обожаемой Мэдди Лоутон.

Я никогда не врала Джошу, у меня никогда не было на это причин. И я не собиралась начинать врать ему теперь.

— Я знаю все, что мне нужно знать об Элле, — сказала я, высвобождая свое запястье и уходя прочь. — Все.

23

Изо всех сил сдерживаемые мною эмоции вырвались наружу в тот момент, когда за мной закрылась дверь. Я задрожала, разрываясь между желанием закричать от гнева и заплакать от безысходности. Я не знала, что мне делать, кем я была, к чему шла. Я должна была справиться со всем этим прямо на глазах школьных любителей сплетен.

— Мэдди?

Ее имя пронзило мой разум, сокрушающе знакомое и одновременно такое далекое.

— Мэдди? — снова позвала мама.

Она взяла меня за подбородок и приподняла лицо, чтобы я на нее посмотрела. Я почувствовала, что слезы вот-вот вырвутся на свободу. Больше всего на свете мне захотелось убежать и спрятаться.

— Что случилось? Почему ты вернулась из школы?

Мои слова были ложью:

— Меня затошнило, и заболела голова.

Я не знаю, что было в маминых глазах — облегчение или страх, — но она сразу же начала действовать. Убрала со стола счета из больницы, с которыми возилась, и жестом попросила меня присесть.

— Выпей, — велела она, вытряхнув мне на ладонь таблетку обезболивающего из флакончика. — Я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

Я не была голодна, и даже целая куча таблеток не справилась бы с хаосом в голове. Чего я хотела, так это ответов — подсказок — карту с маршрутом движения по жизни Мэдди.

— Пойду, прилягу, — сказала я, направляясь к лестнице.

— После того как поешь, — настояла мама. Она жестом подозвала меня обратно и открыла банку супа. — Ты сама приехала домой? В школе знают, что ты ушла рано? Алекс знает, что ты ушла?

Я сказала «да», надеясь, что мой ответ на первый вопрос подойдет и к двум другим. Я никому не сказала, что уезжаю. Я просто слезла с того подоконника и шла до тех пор, пока не осознала, что сижу за рулем нового автомобиля Мэдди и еду по той же дороге, что и в ту ночь. Мой разум потерялся в куче вопросов без ответа, и вот я здесь, по-прежнему притворяясь, только теперь уже дома.

Инстинктивно я выдвинула стул, на котором всегда сидела, и села. Если мама и заметила, то ничего не сказала, а вот Бейли — «сказал». Он подошел ко мне, положил голову мне на колени и завилял хвостом. Коротко взвыл и начал обнюхивать мою руку, практически взобравшись мне на колени, когда я погладила его по голове. Я отпихнула его, но он возвращался снова и снова, отказываясь уходить.

Мама налила суп в чашку, добавила в нее на глаз воды и поставила суп в микроволновку. Я считала секунды. Потом услышала, как она открыла и закрыла дверцу микроволновки, бросила кубик льда в чашку и поставила ее передо мной.

Это я и должна была сделать. Для того чтобы выжить, нужно было сосредоточиться на обычных для жизни Мэдди вещах. На цвете ее лака для ногтей. На расположении фотографий на зеркале. На совпадении цвета обуви и цвета ремня. Если бы я сосредоточилась на этих маленьких милых вещах, в конце концов, все бы наладилось, и быть Мэдди стало бы проще.

Я проглотила две ложки супа, но потом, несмотря на уговоры мамы съесть еще, встала и пошла к лестнице. Выдуманная головная боль быстро появилась, пробралась в мою голову, забирая с собой остатки контроля. Я взяла в рот крошечную белую таблетку, которую дала мама, и позволила ей раствориться во рту, отвлекаясь на горький вкус, прежде чем проглотила. Через десять минут я приняла еще и найквил и с трудом начала свой путь через живой кошмар.

Дверь в мою комнату была открыта, светильник отбрасывал на пол странный отблеск. Мой айпод был включен, играл случайный микс песен, в каждой из которых — старые секреты. Я распахнула дверь и вошла. Я не была тут этим утром, но мой айпод... айпод Эллы играл музыку.

Моя подушка исчезла, а содержимое коробки с личными вещами, которую полиция отдала моим родителям, было разбросано по кровати. Тут же лежала куча набросков, некоторые еще из начальной школы, когда мое творчество заключалось в рисовании палок с шаром вместо головы. Я взяла наброски в руки, уронив несколько листов на пол. Бродя по комнате, я высматривала, куда их можно спрятать, чтобы не наткнуться взглядом. Последнее, чего мне хотелось, — смотреть на них, задумываться над рисунками, в которые я вложила душу, переигрывать прошлое, которое больше не было моим.

Дверь в конце коридора хлопнула, и я бросила рисунки на кровать. Только бы мама не увидела. Я постучала в ее дверь и подождала полсекунды, дав ей возможность ответить, прежде чем тихо повернуть ручку.

Мама не слышала, как я вошла. Она была занята тем, что собирала вещи с пола. Моя подушка была там и мои любимые джинсы — те, что я носила так часто, что затерла их до дыры на коленке. Мой последний альбом тоже был здесь — тот самый, с набросками для школы дизайна. Один она вырвала и как раз сейчас приклеивала к картону. Стеклопанная рамка стояла рядом.

С минуту я наблюдала за ней. Мамины руки тряслись, пока она из всех сил пыталась оторвать полоску скотча. Пол вокруг был покрыт салфетками, а рядом стояли пять недопитых чашек кофе. Мама смертельно устала — я могла сказать это по единственному взгляду, но она боролась со сном.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Мама посмотрела на меня. Взгляд ее был отрешенным, будто она видела то, чего не было. Озарившая лицо улыбка была грустной и полной призрачных надежд. Я знала этот взгляд, понимала его больше, чем ей казалось. Каждое утро, просыпаясь, на несколько секунд — пока мой разум еще дремал — я забывала, что Мэдди мертва. Спустя пару минут в голове прояснялось, я приходила в себя, вспоминая горькую правду. Тем не менее, я жила ради этих пары секунд, жаждала их повторения каждый раз, когда закрывала глаза.

— Прости, — выдавила я. Я не знала, что сказать, понятия не имела, как облегчить муку в ее взгляде. — Я бы все исправила, если бы могла. Ты ведь знаешь это, правда?

Это не было враньем. Я не хотела быть Мэдди. Я хотела ее вернуть. Я бы изменила всю ту ночь. Я бы ответила сразу, как только Мэдди позвонила. Я бы отказалась ехать и забирать ее. Я бы написала Джошу и заставила бы его привезти мою сестру домой. Я бы сделала все эти «если бы», если бы у меня был шанс.

— Мэдди, это не твоя вина. — Мама быстро вытерла глаза, стоическая маска, которую она носила неделями, снова вернулась на место.

Я не могла не удивиться тому, как долго она делала это. Сколько раз за прошедшие недели она наливала мне чашку супа и обещала, что все будет хорошо, а потом шла в свою комнату, чтобы безмолвно дать чувствам волю.

Она протянула руку, чтобы коснуться меня, вытереть с моих щек слезы. Я и не знала, что плачу. Я отступила. Нет, я не заслуживаю и капли ее утешений.

— Я скучаю по ней и не знаю, как вернуть ее. Я стараюсь, правда, но ничего не работает. Я постоянно все порчу.

— Неправда. — Я повернулась на голос папы.

Он посмотрел сначала на маму, а потом на пачку детских фотографий, лежащих на одном из моих журналов. Следующие слова он произнес со вздохом, и я не знала, мне или маме они предназначались:

— Ты хорошо справляешься. Лучше, чем можно было ожидать.

— Почему ты здесь? — спросила я.

В руках у него все еще был портфель, на шее — галстук, пусть и уже развязанный. Он отправился на работу в понедельник, сразу после похорон. Уходил рано, но работал до позднего вечера каждый день.

— Позвонили со школы и сказали, что ты пропустила почти все уроки. Я позвонил Алексу, но он тоже не мог найти тебя. Я пытался звонить тебе, ты не отвечала.

Я достала из кармана телефон и уставилась в него. Девять пропущенных вызовов. Четыре от папы. Четыре от Алекса. И один от Джоша. Я не слышала звонков. Игнорирую остальные, я кликнула по звонку Джоша. Сообщения нет. Ничего нет.

Папа взял меня за руку и мягко сжал, привлекая мое внимание.

— Нам нужно об этом поговорить, Мэдди. Нам втроем нужно пройти через это.

Я высвободила руку и пошла прочь.

— Мэдди, стой, — позвал меня папа. — Это не может больше продолжаться. Нельзя больше притворяться, что все хорошо.

— Вы когда-нибудь хотели, чтобы выжила Элла? — Нечестно было это спрашивать. Если бы они ответили «да», если бы сказали, что хотели, чтобы выжила Элла, я все равно бы не призналась, не рассказала им, кто я на самом деле. А если бы сказали «нет», если бы сказали, что счастливы, что выжила Мэдди — этот ответ разрушил бы меня, заставил бы чувствовать себя еще более виноватой, еще более подавленной, чем раньше. Но я все равно спросила. — Вы думали, что было бы, если б умерла я, а не она?

Мама побледнела, папа сделал шаг назад. Они молчали. Просто уставились на меня, как будто ища правильный ответ. Это молчание, эта пауза, это выражение страха на их лицах заставили меня задаться вопросом: а думали ли они об этом, а мучил ли их этот вопрос.

— Никогда, — ответил папа. — Я бы не променял ни одну из вас на другую.

— Мэдди, пожалуйста. — В голосе мамы была мольба, и я знала, что, если подниму глаза, то увижу и слезы. — Я потеряла твою сестру. Я не могу потерять еще и тебя.

Я не знаю, что заставило меня сказать это. Возможно, я искала способ сказать им правду, не признавая ее, не позволяя понять, что имею в виду. Не раздумывая, я подняла глаза и встретила взгляд с мамой.

— Меня уже нет, — сказала я. — Умерла в ту ночь, на той дороге вместе со своей сестрой.

24

Я прошла пешком все две мили до кладбища. К могиле моей сестры. Было холодно, и уже начинался дождь. Я оставила свой плащ дома, на кресле, но это уже неважно. Я не чувствовала ничего: ни капель дождя, который скоро превратился в морось, ни дрожи в безвольно повисших вдоль тела руках. Я просто шла вперед, забыв обо всем.

Я знала, где надгробие. В пятом ряду среди двух сотен других надгробных плит. Они установили его вчера. Родители спрашивали, хочу ли я пойти с ними и посмотреть, но я отказалась. Наверное, я еще не готова была принять собственное имя, написанное на холодном граните.

Но я пришла сюда сегодня не для того, чтобы увидеть то, что натворила, поставить финальную точку в своей лжи.

Я пришла сюда поговорить с сестрой, чью жизнь я так отчаянно пыталась примерить на себя.

— Привет. — Я пробежала ладонью по мокрой от дождя поверхности.

Посмотрела на свою руку, проводила взглядом капли, стекающие с пальцев на землю. Была ли она такой же холодной и мокрой, оставалась ли она такой же холодной и мокрой, когда парамедики вытащили ее тело из теплой машины в промозглую темную ночь?

Я посмотрела вниз, взгляд упал на траву. Они уложили дерн обратно, как одеяло, которое вернули на место, но трава умирала, была коричневой и пожухлой. Граница между уложенной обратно и настоящей, живой травой была четко видна, как будто бы живая трава отступила от умирающей, сделав и потерпев крах в попытке ее спасти.

Так похоже на меня.

— Снова дождь, — сказала я, опускаясь на землю.

Трава намочила мои джинсы. Я как зачарованная наблюдала за тем, как светло-голубой цвет ткани превращается в темный, пока наконец не почувствовала, что холод проникает в кости. Только потом, когда жестокая дрожь сотрясла мое тело и заставила подняться на ноги, я заговорила снова.

— Всякий раз, когда я сюда прихожу, идет дождь. И всегда холодно.

Я не была здесь со дня похорон. Я отказывалась ходить сюда, хотя мама не раз мне предлагала. Она думала, что это поможет мне, что это даст мне возможность принять.

Но не смирение было мне нужно. Совет.

— Я ходила сегодня в школу. Алекс классный. Он помогает мне освоиться, — сказала я, умолчав о том, что вчера вечером он попытался меня поцеловать. Неважно, мертвая моя сестра или нет, на эту тему говорить с ней я пока не решалась.

— Я пока не знаю, как вести себя с Дженной. Она эгоистка и стерва, и не думаю, что ты вообще когда-то ей нравилась. Мне кажется, она всегда что-то замышляла за твоей спиной, хотела тебя подставить, — сказала я, будто Мэдди сидела сейчас рядом со мной, и мы болтали о каких-нибудь мелочах вроде ванильного торта на наш восемнадцатый день рождения. — Алекс сказал мне, что ее родители могут лишиться дома, и что ее брат бросил школу, чтобы пойти работать. Да уж, отстой.

Я подавила в себе сочувствие к Дженне. Я не хотела понимать ее поведения. Не собиралась прощать ей годы едких замечаний и намеренной жестокости. Не считая семейных проблем, она сама по себе была стервой и эгоисткой.

— Думаю, ты получила «пятерку» за тест по литературе, — сказала я со смехом. — Не переживай, больше такого не случится. Я постараюсь в следующий раз сделать столько ошибок, чтобы их хватило на твердую «тройку».

«В следующий раз», — пробормотала я себе под нос. Это три слова показались чужими и далекими. Я была так сосредоточена на одном дне, одном часе, одной минуте существования в качестве Мэдди, что позабыла о самом простом — о том, что мне и завтра придется встать с постели и снова оказаться в школе, у всех на виду.

Я замерла, качая головой от отвращения к тому, что сама же сделала. Я почти слышала, как Мэдди меня упрекает, говорит о том, что, если я захочу, то смогу стать такой же милой и популярной как она. Но я пытаюсь возразить ей, напоминая ей, что это она у нас всегда была красоткой.

Я подумала о том дне, когда мы впервые из-за этого поругались. Это случилось в первый год в старшей школе. Ссора продолжалась три дня, пока мама, наконец, не вмешалась, и не сказала, что либо мы прекращаем, либо она забирает на неделю наши телефоны.

Папа отозвал меня в сторону в субботу после обеда. Усадил меня в своей студии и достал портмоне. Он показал мне фотографии, которые собирал в течение нескольких лет. Это были те постановочные школьные фото, с фальшивой осенней листвой или синим фоном позади. У папы было по одной фотографии на каждый наш школьный год.

Я проглядела эти фотографии, застонав над одной — у меня там была четко видна дырка от двух выпавших зубов, а потом бросила кошелек обратно отцу, не понимая, что могут изменить десять запечатленных на фото школьных лет.

Папа положил кошелек на стол рядом с ключами и попросил меня подумать над тем, что сказала Мэдди, и как она это сказала. Я раздумывала всего долю секунды, а потом ушла из комнаты, поклявшись вечно ненавидеть сестру.

— Я — идиотка. Мы же идентичные близнецы, — я прошептала эти слова, только сейчас понимая, что Мэдди и папа пытались сказать. — Я скучаю по тебе. Знаю, мы уже давно не близки, но мы могли бы постараться. Я не могу представить себе, чтобы у нас не получилось.

Я подняла кусок мертвого дерна и принялась выдергивать из него еще живые травинки. Когда с одним куском было покончено, я взялась за другой.

— Мама ушла в себя, а папа считает, что мне надо повидаться с психиатром. И Алекс тоже.

Я словно снова услышала ее милый голос, спрашивающий меня о том, а чего я ожидала. Пару раз, когда я приходила к Мэдди посоветоваться, она делала это — закатывала глаза и говорила мне разуть глаза и посмотреть, просто перестать раздумывать и посмотреть, как действуют другие люди, и потом попытаться вести себя так же.

— Мама забрала мои рисунки. Она даже попыталась поместить в рамку один из них — тот ужасный, который я забрала для школы искусств.

Я вспомнила мамины слезы, вспомнила такое явное страдание, затуманившее ее взгляд. Я сделаю это. Я буду пытаться изо всех сил, и я сделаю это для нее.

— Папа много работает, — продолжила я. — Они оба думают, что нам всем надо собраться и поговорить, — замолчав, я обвела рукой вокруг того места на сырой земле, где сидела. Взгляд остановился на высеченном имени — моем имени на граните, — обо всем этом.

Ее слова эхом отдались в моей голове, и в них были горечь и правда.

— И дай-ка подумать, Элла. Ты не хочешь об этом говорить. Ты хочешь уткнуться в свой скетч и забыть, что случилось.

— Ты права.

Разговор не заставит все случившееся кануть в прошлое, не вернет Мэдди. Он только обострит боль.

Я потянулась вперед, коснувшись рукой холодного твердого могильного камня.

— Я не хочу вспоминать, — сказала я, и слезы наполнили глаза. — Я хочу все изменить. Я хочу вернуть тебя назад.

— Ты говорила с кем-нибудь об этом? С тех пор, как ты очнулась в госпитале, ты с кем-то об этом разговаривала?

Мой мир замер при звуке его голоса. Все застыло, пока я отчаянно пыталась выдавить из себя ложь, в которой погрязла.

— Джош, это не...

— Нет, — сказал он, жестом останавливая меня. — Не говори мне, что я ошибаюсь, и

что я не знаю, кого вижу перед собой.

Я покачала головой, не зная, что сказать.

— Я не могу. Не с тобой.

— Не сможешь ни с кем, если все останется так же, как сейчас.

Джош отступил на шаг и достал из кармана смятый лист бумаги. Его взгляд не отрывался от меня, будто давал мне последний шанс сказать, что он ошибается. Он пробормотал что-то себе под нос, но я молчала, и тогда Джош просто бросил бумажку на землю и пошел прочь.

25

Бумага была смята — словно когда-то была скатана в шарик, а потом расправлена и заботливо разглажена. Это был лист из блокнота, тонкий, разлинованный голубыми полосками, с неровным краем в том месте, где был вырван.

Я аккуратно развернула и расправила листок, положив его на гранит. Сырость начала просачиваться сквозь бумагу, заворачивая края и покрывая пятнами середину. Но рисунок не должен был быть идеальным, чтобы я его узнала. Это был небрежный набросок, один из тех, что я рисовала, наверное, тысячу раз. Я не помнила, когда нарисовала именно этот, но видела контуры, мягкие изгибы, затемненные кончики штрихов. Это был один из моих рисунков, точно.

Откуда Джош его взял и почему он носил его с собой? Дома у меня было штук пятьдесят подобных набросков, и все — лучше этого. Но почему он хранил именно его?

— Мэдди? — Я развернулась на звук папиного голоса. — Все в порядке?

Было бы честно сказать «нет», но я пожала плечами.

— Все нормально. Что ты здесь делаешь?

— Ищу тебя. Я сначала заехал к Алексу, подумал, что ты могла быть у него.

— Нет, — сказала я. К Алексу я пошла бы в последнюю очередь. Отчасти он и был причиной моего побега из школы — я не знала, как вести себя с ним, и была в ужасе оттого, что могу все испортить.

— Я видел Джоша по пути сюда, — продолжил папа. — Знаешь, он ведь тоже ходит сюда каждый день. Как и я.

Я кивнула, не зная, не находя слов. Знала, папа заезжает сюда каждый день по дороге с работы. Но Джош... хотя я не была совсем уж удивлена.

До катастрофы я и мысли не допускала о том, чтобы соврать папе. А теперь все, что он от меня слышал, было ложью. Да и не только он — все остальные тоже.

— Джош хотел поговорить с Эллой, — сказала я полуправду.

— Ты поэтому здесь? Хотела поговорить с сестрой?

— Да.

— Я надеялся, что ты со мной поговоришь, — сказал он, — но ты убежала, не дав мне и рта раскрыть.

— Потому что не о чем говорить, пап.

Типично для него: папа просто кивнул и сменил тему, зайдя с другого угла.

— В школе все хорошо?

— Да. Мне просто стало нехорошо, и я пошла домой. — Он знал, что это ложь. Я ведь сама говорила прошлым вечером, что чувствую себя достаточно хорошо, чтобы вернуться в школу, а родители возражали. Они хотели подождать еще несколько дней, посоветоваться со специалистом, прежде чем дать добро.

— Мама беспокоилась о тебе. Я о тебе беспокоился.

— Я в порядке, пап, честное слово. Но я пока не хочу об этом говорить.

— Ты хотя бы с Алексом разговариваешь на эту тему?

Алекс перестал спрашивать меня об аварии уже в первый мой день дома. Еще в больнице, стоило ему об этом заговорить, я или замыкалась в себе, или начинала плакать. Так что, когда я вернулась домой, он решил не спрашивать — так безопаснее.

— Ну, вроде бы, да.

Мы стояли там, не зная, как разбить повисшую между нами тяжелую тишину. Дождь затихал, редкие капли пятнами расплывались по бумаге. Я опустила взгляд на рисунок.

— Что там у тебя? — Папа протянул руку.

Я подала ему листок и смотрела, как он изучает его взглядом. Аккуратно сложив его, он вернул мне рисунок. Взгляд его устремился к могильному камню позади нас.

— Она любила рисовать, — сказал папа. — Кажется, она научилась рисовать раньше, чем держать вилку.

Он хмыкнул. Я не слышала этого звука уже несколько недель. Губы растянулись в улыбке при воспоминании о том, как я однажды в детстве разрисовала стену в его офисе разноцветными карандашами из «Крайолы»¹².

— Я скучаю по ней.

Это были первые честные слова, которые я сказала ему с тех пор, как очнулась. Я скучала по спорам из-за очереди в душ по утрам, по запаху жидкости для снятия лака в ванной. Я хотела услышать, как она зовет меня завтракать и поддразнивает меня, когда я пытаюсь в очередной раз объяснить маме, почему не хочу идти на выпускной бал.

И я скучала по себе — по Элле. Я хотела снова усесться на ланче рядом с Джошем, смеясь про себя над попытками Ким привлечь его внимание. Я скучала по нашим субботним киномарафонам и его смскам с жалобами на Ким.

— Я тоже по ней скучаю. Больше чем ты думаешь.

Последние слова папа прошептал. Кажется, он и не думал произносить их вслух, но вот они прозвучали и заставили меня буквально застыть. Прежде чем я справилась с собой, слова сорвались с губ:

— А чего больше всего тебе не хватает?

Он отступил на шаг, лицо побледнело.

— Я не осуждаю тебя, Мэдди. Никто не осуждает. Пожалуйста, не думай...

— Я и не думаю, — перебила я. — Я просто пытаюсь понять ее. Элла, ну... Ты знаешь, что люди о ней говорили. Какая она была на самом деле.

— Тихая, — тут же сказал папа. — Красивая и тихая, и невероятно талантливая, но ты ведь это знаешь, правда?

Я хотела спросить, что именно он имеет в виду, но, к счастью, не успела. Он продолжил, прежде чем я раскрыла рот:

— Она была твоей близняшкой, Мэдди. Я помню вас совсем малышками. Вы были неразлучны. Даже требовали, чтобы вам разрешили спать вместе в одной комнате, на одной кровати. Ты наверняка знала ее лучше, чем кто-либо другой.

— Не совсем так...

Папа качнул головой. Конечно, он знал, что в последние годы мы стали не так близки. Все наши знакомые были в курсе.

— Она оставалась все той же Эллой, что и раньше.

— Может быть, — сказала я, надеясь, что это было правдой, что там, под тонной лжи, все еще оставалась настоящая я.

Я теребила край листочка, неосознанно отрывая от него клочки и бросая на землю.

— Пап, у тебя бывало, что ты ошибался и делал что-то, чего не собирался делать... но этого было уже не вернуть?

— Конечно. У всех бывает такое, но ты не можешь изменить прошлое, Мэдди. Ты не можешь изменить того, что уже произошло.

Папа притянул меня к себе, и я поняла, что он думает о катастрофе — и о том, что я наконец-то с ним на эту тему заговорила.

— Ты не можешь вернуться в прошлое. Ты должна попытаться принять это и жить дальше. Мы все должны.

Его объятие стало крепче, как будто бы он пытался таким образом заставить меня поверить. Простить себя. Идти дальше.

Я отстранилась. Я не хотела себя прощать.

— Если ты хочешь узнать больше о своей сестре, начни с Джоша. Он был ее лучшим другом. Он проводил с ней больше времени, чем любой из нас.

— Да, наверное.

— Иди же. — Папа подтолкнул меня в сторону дороги. — Иди, поговори с ним. Ему больно так же, как и тебе.

26

На подъездной дорожке ногой я очертила круг. Асфальт на мгновение выглянул из-под воды, но дождь тут же залил его, и вот я снова и снова пытаюсь нарисовать этот круг. Уже двадцать минут я стояла на подъездной дорожке возле дома Джоша, пытаюсь собраться с силами и, наконец, постучать, но пока не смогла.

— Хватит быть курицей, Элла, это же просто Джош.

Вдохнув наполненный туманом воздух, я приказала ногам сдвинуться с места, заставляя их сделать эти последние несколько шагов до передней двери.

Яркий фонарь на крыльце, реагирующий на движение, тут же вспыхнул, оповещая о моем прибытии тех, кто находился сейчас в гостиной. Я не смогу даже извиниться перед Джошем без свидетелей.

Миссис Уильямс открыла дверь в тот момент, когда я собралась нажать на кнопку звонка.

— Эл...

Она умолкла на полуслове и отступила на шаг, хватаясь за дверную ручку в поисках опоры. Краска сползла с ее лица. Но я не могла бы осудить ее за эту ошибку.

Дождь смыл макияж, волосы сбились в мокрые пряди вокруг лица. Я выглядела в тот момент похожей... на себя.

Я должна была сказать что-нибудь, поправить миссис Уильямс или просто пройти мимо, но я не смогла. Просто стояла там: ноги словно прилипли к крыльцу, а в голове — пустота.

— Мэдди?

Не знаю, что именно она имела в виду: чего я хочу, или Мэдди ли я на самом деле, но я выбрала первое.

— Здравствуйте, миссис Уильямс. Джош дома?

Отступив на шаг, она махнула рукой — заходи.

— Он наверху. Я позову его.

— Нет. — Последнее, что мне было бы нужно — зрители. — Я поднимусь.

Я двинулась к лестнице, забыв, что Мэдди никогда здесь не была. Она подвозила меня сюда пару раз. Стояла у обочины и сигналила, пока я не возвращалась, но ни разу не подходила к дому. Она не могла знать, где находится комната Джоша, и уж тем более, не побежала бы к лестнице как у себя дома.

— Э... какая комната?

— Последняя справа. Ты уверена, что не хочешь, чтобы я его позвала?

Я потрясла головой и снова шагнула вперед.

— Мэдди? — голос миссис Уильямс заставил меня замереть на месте. Я повернулась, взгляд метнулся к двери, потом остановился на ней.

Еще было время уйти, время покинуть дом через эту дверь и продолжить свою игру.

— Мне жаль творю сестру, — наконец, сказала она.

— Мне тоже, — и это было совсем слабое и грустное «мне тоже».

Коридор наверху был пуст и темен — за исключением узкой полоски света, просачивающейся из-под двери Джоша. Я знала, где находятся выключатели, — слева от меня, три штуки, а средний — диммер. Я не стала нажимать, мне не был нужен свет. Я словно была дома. Я могла бы пройти по коридору с закрытыми глазами.

Я прошла по темному холлу, точно зная, сколько шагов сделать, в какую дверь постучать.

— Открыто! — крикнул он.

Я медленно повернула медную ручку. Часть меня уже знала, что я пожалею об этом — о том, что признаю ложь, в которой собираюсь жить до конца дней. Другая часть меня, та часть, которая направляла меня на пути сюда, знала, что Джош заслуживал объяснения.

Я приоткрыла дверь — самую чуточку, чтобы только можно было проскользнуть внутрь, — все еще колеблясь между желанием войти и убежать. Он сидел на полу, скрестив ноги, тетрадь по истории лежала перед ним.

Я покачала головой, чувствуя отвращение к самой себе. Сколько вечеров я провела, сидя на этом полу, корпя над тетрадью по физике или латинским переводом. Это был тот самый Джош, которого я всегда знала, тот Джош, к которому я всегда могла прийти с любой, самой глупой проблемой.

Он оторвал взгляд от тетрадок, выражение лица стало настороженным.

— Привет, Элла.

Я слышала, как он произносит мое имя, наверное, тысячу раз. Как выкрикивает его во время нашей последней ссоры по поводу того, какой инди-фильм мы будем смотреть на октябрьской встрече клуба аниме. Как шепчет его, пытаюсь привлечь внимание на уроке на следующий день — чтобы извиниться. Но никогда раньше он не звучал такой... констатацией.

— Что я наделала? — Как только эти слова сорвались с моих губ, слезы, с которыми я сражалась, полились из глаз, и тело затряслось от рыданий.

Он поднялся, закрыл дверь и обнял меня. Я не сопротивлялась, когда он притянул мою голову к своей груди. Не осталось ни сил, ни желания лгать человеку, который меня по-настоящему знает.

Уверенное ритмичное биение его сердца звучало под моей щекой. Руки Джоша гладили меня по спине. Его щека согревала мою макушку, убаюкивающий звук голоса был

умиротворяющим, идеальным.

Впервые с момента аварии я почувствовала себя в безопасности и в тепле, и мне захотелось остаться здесь, в его руках, навечно.

Казалось, прошли часы, пока мои рыдания превратились во всхлипы. Я чувствовала, как дрожит его рука на спине, но не поднимала головы, чтобы посмотреть, плачет он или нет. Я не хотела знать.

— Ты вымокла до нитки, — сказал он, проводя руками по своей тоже теперь мокрой толстовке.

— Что? — удивление и растерянность смешались во мне. Я только что призналась ему, что притворилась мертвой и живу жизнью своей сестры, а единственное, что он смог сейчас сказать — что я промокла?

Я устала на свои туфли. Они размякли от воды, в верхней части скопилась грязь.

— Я пришла пешком. Моросило, когда я уходила с кладбища, но уже перестало.

— Вот, — сказал Джош.

Он снял с себя толстовку и протянул мне.

— Джинсы тебе не подойдут, но у меня есть спортивные штаны, я их тебе одолжу.

Я взяла толстовку, а он полез в шкаф за чистыми штанами. Подал их мне и смотрел в пол все время, пока я переодевалась.

На стопку моей мокрой одежды я положила сережки и медальон, найденный в шкатулке Мэдди, плюс, всю ту уйму браслетов, которую надела утром.

— Теперь ты похожа на себя, — сказал он, и я улыбнулась.

Впервые за последние недели я ощутила себя собой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Как ты догадался?

— Догадался о чем?

— Как ты угадал, что это я... что я — Элла, а не Мэдди? Ведь даже Алекс не понял. Даже родители.

— Ну, послушай, это же Алекс. А что касается родителей... — Джош замолчал и пожал плечами, словно не мог найти объяснения. — Они в прострации и слишком расстроены, чтобы взглянуть поближе.

— Ну, да, наверное, — сказала я, хотя была уверена в том, что это не так.

У них просто есть дочь, которую они хотели видеть живой, по крайней мере, это я себе говорила.

— Но как понял ты?

— Ты мне сказала.

— Что? Я не говорила.

На самом деле я старалась вести себя с ним предельно осторожно. Если не считать сорвавшегося голоса на лестнице, я вела себя очень аккуратно.

— Ты взяла рисунок, который я тебе дал на кладбище?

— Да. — Я достала листок из кармана и подала ему.

Джош развернул его так же, как и я, разгладил на ноге.

— Вот, что мне сказало, — промолвил он, махнув рисунком в мою сторону.

— Не понимаю. Я кучу таких нарисовала, почему именно этот?

— Потому что, — сказал он. — У меня... у нас был урок продвинутого английского сразу после американской литературы в том же классе, что и у Мэдди. Я нашел это под

партой, за которой ты сидела. Я никогда бы не подумал, но ты ведь рисовала это дерево снова и снова с тех пор, как я тебя встретил. Ты всегда рисовала его, когда над чем-то задумывалась.

Так и было. Это ветвистая старая ива росла у нас на переднем дворе. Ее трепали зимние метели и ураганы. Вот почему я ее рисовала — каждую неделю в стволе появлялась новая трещина или ломалась какая-то ветка. Оно всегда менялось, каждый день.

— Ты нашел его на полу?

Я вспомнила, что закончила тест раньше, перечитала ответы, и у меня все еще оставалось десять минут до звонка. Наверное, я рисовала дерево, пока ждала конца урока, бездумно водя карандашом по бумаге.

— Ага. Я хотел бы, чтобы ты мне вернула этот рисунок.

— Почему?

— Потому что сейчас или, по крайней мере, до тех пор, пока ты не перестанешь играть в эту игру, это единственное, что осталось у меня о тебе на память.

27

Я сидела на кровати, ожидая, пока Джош скажет что-то еще, и думала о том, что пора уходить. Тот гнев, который пылал в нем еще минут тридцать назад, был вовсе не тем, с чем мне хотелось бы иметь дело. Но я ждала, ведь он сделал бы для меня то же самое.

— Что ты помнишь о той ночи? — наконец, спросил он.

— Ты не понимаешь, Джош.

— Да, ты права, я не понимаю.

— Во всем этом нет смысла, — сказала я, все-таки попытавшись найти объяснение. — Когда я очнулась, то не имела понятия, кто я... где я. Я даже не знала, что у меня есть сестра. Алекс сказал мне, как меня зовут, и что случилось.

Джош отстранился от стола, у которого стоял и, поколебавшись, все же уселся рядом со мной на кровать. Я почувствовала на щеке его дыхание, ощутила тепло его руки, когда он подтолкнул меня плечом, заставляя на себя посмотреть.

— И когда ты поняла, что случилось, когда у тебя наконец-то появились воспоминания, почему ты не увиделась со мной? Если бы ты попросила, если бы упомянула мое имя, меня бы позвали. Алекс привез бы меня я, и я бы с тобой поговорил. Почему ты не позвала меня?

Я молчала, сосредоточив взгляд на маленькой дырочке в пододеяльнике. Считала петли, пытаюсь угадать, сколько нужно будет стежков, чтобы его починить. Наверное, пятнадцать. Или двадцать, не больше.

— Элла? — позвал Джош, когда я не ответила. — Посмотри на меня. Посмотри на меня и скажи, о чем ты думаешь.

Я крепко и надолго зажмурилась, а потом сделала то, о чем он попросил, мысленно приготовившись встретиться с гневом в его глазах. Но там его не оказалось. Не было гнева, не было ненависти, даже капли злости не было. Во взгляде Джоша я увидела прощение и робкую надежду.

— Я звала тебя.

— Что? Погоди-ка, что ты сказала?

— Я не могла думать. Я проснулась, все болело. Все. Он был там, держал мою руку, шепотом просил меня очнуться. И когда я открыла глаза, он был так счастлив меня видеть живой, как будто это...

— И ты даже не подумала о том, что я тоже был бы счастлив тебя видеть живой? —

прервал меня Джош. — Если бы я знал, что это ты лежишь там, в больнице, думаешь, я бы не пришел? Я бы не держал тебя за руку и не смотрел на тебя?

— Я не знала, кто это был, я даже не знала, кто я. А потом и он, и мама с папой сказали мне, что я — Мэдди, и я им поверила.

— Они сказали мне, что ты умерла. Ты знала? Когда полиция нагрязнула к нам домой, мы с Алексом сразу же поехали в отделение скорой помощи. Мы проехали мимо машины Мэдди по дороге туда. Она была все еще там, у дерева. Медсестра в приемной не позволила мне тебя увидеть. Она сказала, что только родителям можно пройти в смотровую, а их пока не было. И я все думал о тебе, о том, как тебе больно и одиноко.

— Пожалуйста, — взмолилась я. — Пожалуйста, не надо.

Никакое объяснение не могло бы что-то изменить, никакой гнев или чувство вины не могли бы помочь справиться с тем, что я натворила.

— А знаешь ли ты, что делал Алекс? — Взгляд Джоша не отрывался от меня, вынуждая меня признать, понять каждое произносимое им слово. — Он спокойно сел. Уселся в комнате ожидания и стал ждать. Он не спорил с медсестрой, не пытался пробиться через охрану к Мэдди. Он остался там и сидел на месте, будто застыл, замер. Ты знаешь, что делал я?

Я качнула головой. Я не смогла бы вымолвить и слова, даже если бы захотела.

— Наплевал на них: на охрану, на медсестер, на всех. Я пытался пробиться к тебе, пока кто-то не остановил меня. Но я сумел увидеть вас обеих, обмотанных кучей всяких датчиков. Твои датчики работали. А ее... молчали.

Я не помнила ничего из этого: ни приемного покоя, ни докторов, ни Джоша.

— Вы лежали там обе, в одной комнате. Ваша одежда валялась кучей на полу. Я помнил пальто, в котором ты была, и твою толстовку с логотипом школы дизайнера, в которой ты приехала забрать Мэдди. Я спросил медсестру, кто был одет в эти вещи, и она указала на Мэдди. И тогда я подошел ближе. К ней. К человеку, которого я считал тобой.

Я кивнула. Я дала ей одежду в машине. Она промокла и замерзала, и тряслась, а я просто не знала, что еще делать.

— Один из докторов попросил меня назвать имена, если я вас знаю. Он сказал, ты умерла быстро, сразу же, как вы врезались в дерево. И что ты наверняка не страдала. Как будто от этого могло стать легче.

Я понимала, о чем он. Все постоянно повторяли мне, что смерть сестры была быстрой. Но это не помогало. Ни чуточки.

— Сначала я не поверил им. Я умолял попробовать снова что-то сделать. Но потом парамедик, который помогал доставать тебя — то есть Мэдди, — из машины, подошел ко мне и сказал, что они сделали бы все, что возможно, но ты уже была мертвой, когда они прибыли на место аварии.

Он замолчал и вытер руками глаза. Не плакал, но веки набрякли, а надлом в голосе сказал, что ему, как и мне, эти события совсем не хочется вспоминать.

— Знаешь, что я сделал, Элла? — Я покачала головой, и Джош продолжил: — Я остался там. Я не захотел уходить. Сидел на полу рядом с тобой — рядом с телом Мэдди — до тех пор, пока не приехали твои родители. Чтобы не оставлять тебя одну. Но даже после этого я бы не ушел.

— Мама и папа были так счастливы, что я очнулась, — вырвалось из меня. — Все были. И Алекс. Я никогда не видела их такими, Джош, никогда не видела, чтобы они так боялись и

тревожились, и так радовались, увидев, что жива Мэдди.

— Ты разыгрываешь меня? Решила стать сестрой, потому что родители обрадовались тому, что ты жива? Из-за того, что Алекс обрадовался? Я сидел там четыре часа, держа руку Мэдди, пока он ждал в приемном покое. В приемном покое, Элла! Окруженный друзьями Мэдди. Я был там с тобой... с ней. — Он зло махнул рукой. — Я был с тобой все это время, а не он.

— Но ты не видел моих родителей, — сказала я, вспоминая, как плакала мама, как постоянно шептала, что не может потерять и Мэдди тоже. — Ты не видел Дженну и всех этих ребят в коридоре. Ее друзей. Они были так рады, что она осталась жива. Я не смогла сказать им, что это ошибка, что все их молитвы оказались напрасны. И к тому же... она этого заслуживала. Я убила ее, Джош. Убила свою собственную сестру. Я убила ее, и должна отдать ей свою жизнь. Я так много ей должна.

Проклиная текущие из глаз слезы, я смахнула их рукой.

— Они любили только ее. Они молили только о ее спасении.

— Так вот что ты думаешь? — заговорил Джош, и я вздрогнула от ярости в его голосе.

Его тело дрожало, слезы, которые были готовы пролиться еще недавно, сменились чистым ярким гневом.

— Ответь мне, Элла! Ты и правда думаешь, будто твои родители не любили... не любят тебя? Будто наши друзья не сидели бы в коридоре день за днем, ожидая, когда ты придешь в себя? Что если бы была возможность выбрать кому жить, а кому умереть в той аварии, то все бы выбрали Мэдди, а не тебя?

Я кивнула. А что еще я должна была думать?

Джош поднялся и ударил кулаком в стену. Потом засмеялся, и этот отрывистый смех развернул мои чувства на сто восемьдесят градусов. Теперь я не чувствовала вину и растерянность. Теперь я была зла, как и он.

— Ну, и что тут смешного?

— Ты смешная. — Веселье утихло, и возмущение снова вернулось на лицо. — Твою маму пришлось накачать успокоительным, когда ей сказали, что ты умерла. Вот почему рядом с тобой сидел Алекс. Не потому что он любил Мэдди или хотел быть с ней, нет. Твой папа попросил его, сказал, чтобы Алекс посидел с тобой рядом, пока он не придет. Твоему папе нужно было помочь твоей маме справиться с истерикой.

— Это неправда, — сказала я. Не могло это быть правдой.

Мама обожала Мэдди. Она ходила на все хоккейные матчи, где играла Мэдди. Фотографиями Мэдди был заставлен комод. Мама даже смирилась с диетой Мэдди и покупала всю ту якобы здоровую пищу, которую та хотела есть.

— И откуда же ты знаешь? Ты не знала, что происходила, Элла. Ты была в коме два дня. Взгляни на свою мать. Разве она счастлива оттого, что живой осталась Мэдди? Тебе кажется, что если бы она могла выбирать, то выбрала бы ее? Если ты и правда в это веришь, то ты идиотка.

— Она делала для Мэдди все, все! — закричала я.

— Потому что ты не позволяла ничего сделать для тебя, Элла.

Я вздрогнула от его слов. Я не могла в это поверить. Мои родители, ребята в школе, Алекс — да все любили Мэдди больше, чем меня.

— Этим летом твои родители хотели сделать семейный снимок на пляже. Что тогда произошло, помнишь?

Я помнила. Мама взяла тогда с нами и Джоша, чтобы он нас сфотографировал. Но я была так зла из-за папы — он не отпустил меня с Джошем на машине в Саванну посмотреть дизайнерские школы, — и я сказала, что не хочу быть на этом семейном фото. Мама тут же перестала со мной спорить и подала мне камеру. Я сделала снимок, и вот, теперь у нас на каминной доске стояло фото родителей и Мэдди без меня.

— А как насчет той выставки искусств в школе прошлой весной? Той, где выставлялся твой скетч для национальной программы? Почему твоей мамы не было на выставке? Почему никто из родителей не пришел?

Я покачала головой вместо ответа. Они не пришли, потому что даже не знали об этом.

— Ты хотя бы сказала им, что победила?

— Да.

Они узнали о победе две недели спустя, когда приз и стипендия пришли по почте.

Мама заплакала и сказала, что не понимает, почему я не рассказала им о выставке, и что я не должна скрывать от них свои увлечения, мне нужно гордиться ими. Папа просто ходил кругами и молчал.

— А Род-Айлендская школа дизайна? Они хоть знают, что ты отправила туда заявку на досрочный отбор?

— Нет, — прошептала я.

Они не знали о том, что я отправила заявку. Я воспользовалась маминым адресом, чтобы ее подписать, решив, что скажу родителям только если поступлю.

— Они ничего для тебя не делали, поскольку ты четко дала им понять, что не хочешь их помощи, — сказал Джош, направляясь к двери.

Взялся за ручку и заговорил, не оборачиваясь и не глядя на меня.

— И к слову о том, что тебя никто не любит — ты ошибаешься и тут тоже. Я любил тебя. Я выбрал бы тебя, Элла.

Он не дал мне возможности ответить. Джош просто вышел вон, а я осталась сидеть и смотреть ему вслед, застыв на месте и потеряв способность двигаться.

28

Я не учла чувства Джоша, когда приняла решение стать Мэдди. Не учла целую кучу вещей. Но я ведь и не планировала становиться сестрой. Я просто не поправляла тех, кто называл меня ею. Пока все вокруг радовались тому, что она жива, играть было проще.

Я услышала отдаленный стук двери, а потом — что Джоша зовет его мама. Наверняка он пошел в кинотеатр. Проскользнет через входную дверь и спрячется на заднем ряду. Будет смотреть кино, пока не успокоится.

Я поднялась, отчаянно желая пойти с ним. Не имело значения, что показывают. Я не собиралась смотреть кино, просто хотела спрятаться. С ним. Но для меня этот вариант не имел права на существование. Мне стоило пойти домой, постараться испортить домашнее задание, а потом заняться чтением модных журналов, чтобы выглядеть завтра в стиле Мэдди.

Я собрала свою мокрую одежду и заколебалась, размышляя о том, стоит ли снова ее надеть.

Но одежда Джоша была такой мягкой и теплой, и, в конце концов, мне нужно было хоть что-то приятное.

В доме царила тишина, только из кухни доносился какой-то шум. Голос мамы Джоша перекрывал звук таймера микроволновки и скрип открывающейся и закрывающейся дверцы духового шкафа. Она разговаривала с отцом Джоша, по крайней мере, пыталась. Атаковала

его голосовой почтовый ящик, прося позвонить сыну, как только сядет самолет, и спросить его, а что, собственно, происходит.

Я осторожно прокралась через гостиную, надеясь избежать встречи с миссис Уильямс. Почти добралась до выхода, но на последнем шаге меня настиг ее голос.

— Мэдди. — Я обернулась. На одной руке у нее была прихватка, другой она держала телефон. — Все нормально?

— Нет, — ответила я. Все было так далеко от нормальности, что можно было и не пытаться что-то исправить.

Она подошла ближе, почти блокируя мне путь.

— Простите, — все, что удалось мне вымолвить.

— За что?

Я пожала плечами.

— Я не знала, что он так расстроен из-за... из-за нее.

Мама Джоша отступила от двери и махнула мне рукой — проходи.

— Он уже так много потерял, Мэдди. Думаю, увидев тебя..., — она помолчала, ее глаза обежали меня сверху вниз, отмечая одежду Джоша, которую я напялила на себя, — одетой таким образом, он не придет в себя.

Я не стала дожидаться объяснений. Просто открыла дверь и вышла. Я знала, что она имела в виду, знала, что на самом деле она пыталась до меня донести.

Оставь моего сына в покое.

Я накинула капюшон толстовки на голову и прижала свою все еще мокрую одежду к груди. Становилось темно, холодало. И мне пора было домой.

— Что ты здесь делаешь? — в голосе Ким звучало удивление. Будто я — последняя, кого она ожидала бы здесь увидеть.

Что, безусловно, имело смысл. Элла практически жила здесь. Но не Мэдди. И Элла умерла.

— Ничего, просто ухожу, — бросила я.

Ким обошла сетку, которая отделяла ее двор от двора Джоша.

— Ты не должна. Я просто заглянула узнать, не хочет ли Джош прогуляться. Оставайся. Знаю, у тебя наверняка есть другие дела, да и Джош дружил с Эллой, а не с тобой, но...

Я подняла голову и увидела Джоша, стоящего неподалеку. Кажется, я ошибалась. Он не смотрел кино, как я предполагала. Он собрался провести время с Ким. Я расхохоталась. Пока я была Эллой, у Ким не было ни единого шанса. Она была ревнивая, инфантильная и носилась за Джошем, как щенок за игрушечной косточкой. Я не понимала, что в Джоше ее привлекало. В ней ведь вообще не было творческой жилки. Seriously, в клубе аниме она предложила нарисовать «Короля Льва».

К тому же, он любил меня, а не ее. Он сказал мне это там, наверху.

Да, Элла бы не обратила на нее внимания. Но я не была Эллой. Я теперь была Мэдди.

Джош увидел это намерение в моем взгляде и тут же понял, о чем я думаю.

— Не надо, — сказал он.

Я встретилась с ним глазами, и тысяча несказанных слов повисла между нами.

Там были «Я сказал именно то, что хотел сказать там, наверху», «Я помогу тебе с этим справиться» и, наконец, «Пожалуйста, только не здесь и не сейчас».

Ким смотрела на нас. Она явно расстроилась, заметив эту возникшую между нами связь — ту, которой никогда не было у нее и Джоша. На секунду мне стало ее жаль. Она видела

это, знала, что неважно, как сильно она будет стараться, Джош будет привязан ко мне больше, чем к ней. Даже теперь, когда я была мертва, он принадлежал мне.

Я кивнула и удержалась от замечания. Развернулась и пошла прочь. Это самое безопасное, что я могла сделать... единственное, что могла.

— Погоди, — сказал Джош. — Я возьму ключи и отвезу тебя домой.

— Нет.

Мне нужно было пройтись, побыть одной. Обдумать все сказанное, прежде чем снова придется отвечать на его вопросы.

Я не отрывала глаз от земли, игнорируя спор Ким и Джоша. Он хотел меня подвезти или просто проводить до дома. Она же считала, что нужно позвонить Алексу, и пусть он отвезет меня. Мне не хотелось говорить ей, что Алекс — последний человек, которого Джош хотел бы сейчас видеть. Ким даже предложила попросить свою маму, чтобы она подвезла меня до дома.

— Я в порядке, — произнесла я, взмахом руки обрывая их. — Увидимся завтра в школе.

Я прекрасно понимала, что Джош последует за мной. До меня донеслось гудение мотора его машины через несколько минут после того, как я покинула двор. Он проводил меня до самого дома. Это вызвало у меня улыбку. Мне нравилось, что даже теперь он присматривает за мной.

В доме было тихо. Горела лампочка над плитой, на столе меня ждали остывший суп и половина пиццы. Кофейник стоял полный, в раковине была куча посуды. Я молилась, чтобы мама спала. Не хотелось отвечать на ее расспросы, снова извиняться. Я не могла измениться. И совершенно точно не хотела говорить о том, что произошло в комнате Джоша.

Я срезала путь к лестнице и наткнулась в гостиной на папу. В свете ночника я заметила на его коленях сложенную газету, а в руке — бокал белого вина.

— Где мама? — спросила я.

— Наверху. Спит.

— С ней все нормально?

Не знаю, почему я спросила. Я ведь чересчур хорошо знала теперь ответ на этот вопрос. Может, мне хотелось подтверждения тому, что она скучает по мне — по Элле — и тому, что я на самом деле была им нужна.

Он покачал головой и, прикончив остатки вина, поднялся. Поставил пустой бокал на кофейный столик.

— Мэдди, нам надо поговорить. Ты закрываешься от нас. И мама это видит. И Алекс это видит. И я это вижу; это пугает нас, Мэдди. Мы можем тебе помочь, но ты должна открыться для нас.

Было столько всего, что мне хотелось сейчас сказать. Начиная с «простите меня» и «я не Мэдди». Но не сейчас. Не сейчас.

— Знаю, пап. Но не сегодня, — вот, что я ему ответила.

29

Как бы эгоистично это ни прозвучало, но на следующий день, зная, что не только я одна храню свою тайну, я почувствовала себя лучше. Папа уже ушел, когда я проснулась, но мама еще спала. Может, и к лучшему. Я не очень хорошо представляла себе, что ей скажу.

В кухне царил бардак, посуда стояла в раковине, кофейник — на столе, и когда я его подняла, увидела, что на столешнице отпечатался темный круг.

Как видно, Бейли позаботился об остатках пиццы. И о курином бульоне тоже...

кажется, он ухитрился надеть миску себе на голову. Конечно, вылизался, как смог, но все равно шерсть была слипшейся, а кое-где на морде я заметила остатки морковки.

Обычно мама не оставляла кухню в таком беспорядке. Обычно она ничего в беспорядке не оставляла.

Я взяла пустую коробочку из-под сливок, выбросила в урну и уже было направилась к посудомоечной машине, когда увидела выползшее из принтера письмо. Отодвинув кофейник в сторону, я взялась за письмо. Хотела стереть с листа кофейное пятно, но бесполезно — оно уже высохло.

Я узнала адрес. Письмо пришло из управления школы дизайна и предназначалось оно маме и мне.

Я получила подтверждение в ночь, когда умерла Мэдди, в ночь, когда я стала ею.

Я старалась не думать об этом с тех пор. На самом деле, я почти забыла о заявке. До этого момента. До тех пор, пока испачканное кофе свидетельство не легло мне в ладонь.

Я не стала читать, а заставила себя отвести глаза от строчек, чтобы не узнать, что же там говорится. Просто сунула письмо в сумку и направилась к двери, не желая думать о письме. Ведь это было еще одно напоминание о том, что я могла — и не сделала правильно.

В школе было тихо, но я этого и ожидала. Я и хотела прийти пораньше, чтобы избежать встречи с Алексом. Он бы стал задавать вопросы о том, почему я ушла и почему не отвечала на его звонки, а у меня не было ответов. И не было в запасе подходящей случаю выдумки.

Я свернула за угол коридора и увидела Джоша. Он стоял и пялился в свой открытый шкафчик.

— Привет, — произнесла я.

Его глаза метнулись в мою сторону, и я направилась к нему. Он был единственной реальной частью моей прошлой жизни, и я хотела быть к нему поближе.

Джош подождал, пока я окажусь рядом с ним, прежде чем взглянул на меня, то есть, по-настоящему взглянул, а потом покачал головой.

— Снова вошла в роль, как вижу, — сказал он и снова отвернулся к шкафчику.

Я знала, что он имел в виду. На мне были кожаные сапоги и узкие джинсы и три слоя стратегически подобранных рубашек и свитеров. Чесалось все просто безумно.

Черт, я даже стала лучше наносить макияж. Два часа практики прошлой ночью — и сегодня я только раз промахнулась с тушью, но, к счастью, она не была водостойкой.

— Да, на данный момент, — сказал я.

— Навсегда?

Я пожалала плечами. Таков был план.

Джош захлопнул шкафчик, не взяв оттуда ни одной книги.

— Ясно. Ну, у меня урок, и еще надо найти Ким, так что...

— Подожди. — Я протянула руку и схватила его за запястье. Я еще не закончила с ним. Даже не начинала.

Его взгляд замер на моих пальцах, обхвативших его руку. Он не вздрогнул и не стал пытаться от меня избавиться. Просто стоял и не отводил от моей руки глаза.

Не зная, что сказать, я отпустила его руку и поставила на пол свой рюкзак. Расстегнула его и достала письмо.

— Вот, — сказала я, протягивая письмо Джошу. — Не знаю, что там. Я испугалась и не стала смотреть.

Джош взял из моих рук листок и уставился на него так же, как я уставилась на него

дома, в кухне. Я заметила, как дрожат его руки, и поняла, что его, как и меня, страшит содержимое письма.

— Это не твое письмо, — пробормотал Джош, протягивая мне листок.

Я подтолкнула его руку обратно.

— Знаю. Оно мамино. Она получила его вчера и распечатала.

Я опустила уточнение о том, что моя мама не может спать, о кругах под ее глазами, о беспорядке дома, и не стала сообщать, что она наверняка не мылась и не меняла одежду со вчерашнего дня.

Джош любил мою маму. Он считал ее милой, а она всегда готовила для него еду или просила показать последний рисунок. Я не хочу, чтобы это менялось. Ни для одного из них.

— Так спроси ее, что там написано. Если тебе так любопытно.

Я отступила, не ожидая от него такой резкости. Таков был план. Он всегда был именно таков. Мы оба мечтали об этом с первого года обучения. Мы направили наши заявки в одну и ту же школу. Мы собирались открыть конверты вместе, собирались обменяться письмами, чтобы их прочитать. Таков был уговор.

— Я не прошу маму. Я прошу тебя.

Он проворчал что-то несвязное в ответ и принялся читать. Мои глаза метались от письма к лицу Джоша, я пыталась понять, что там написано. Но мне не удалось.

— Ну? Что там?

Я осторожно подалась вперед, желая, наконец, сама все увидеть. Но Джош убрал письмо.

— Ты все еще планируешь оставаться Мэдди?

— Что? Почему это имеет значение?

— Ответь на вопрос. Ты все еще играешь Мэдди?

Я смотрела на Джоша, пытаюсь принять ненависть, звучащую в его голосе. Джош и я раньше ругались, но тут было другое. Тут была злость.

— Да, а что?

Джош покачал головой и, пройдя мимо меня, остановился перед моим старым шкафчиком. Он сложил письмо пополам и засунул его между тонкими прорезями в верхней части дверцы.

Я могла бы достать его, но мне придется открыть шкафчик. В первый день эта попытка не совсем удалась, и повторения прошлого спектакля мне не хотелось.

— Зачем ты это сделал?

— Потому что Мэдди туда не взяли.

— Подожди, что ты хочешь сказать? Там отказ? Они правда мне отказали? — Я знала, что есть возможность, большая вероятность того, что мне не попасть в школу дизайна, но я запрещала себе думать об этом до тех пор, пока не получу однозначный ответ. — А тебя взяли?

Самодовольная ухмылка расцвела на его лице. В животе у меня все свернулось в узел.

— Да, я прошел, — сказал он. — Элла тоже, но ее мы в школе дизайна Род-Айленда этой осенью точно не увидим, так? А ведь были такие планы.

Элла... я... я прошла. И он тоже. Широкая улыбка расплылась на моем лице. Потребовались все силы, чтобы удержаться и не обнять Джоша, не запрыгать от радости.

— Что ты улыбаешься? Ты убила эту мечту своей ложью.

Нет, нет. Я никогда не отказывалась от этой мечты. Я просто ее отсрочила. Ненамного.

Черт, он прав.

— Нет. Я исправлю это. Я сделаю это.

— Хм-м-м. — Джош сделал шаг вперед, и я увидела вызов в его глазах. «Давай же, — говорили они, — откройся» — И как именно ты планируешь это сделать, Мэдди?

Джош дернул головой в момент, когда мою талию обвили чужие руки.

— Все хорошо? — спросил Алекс.

Джош пожал плечами.

— Я не знаю. У девушки своей спроси.

Руки Алекса сомкнулись у меня на животе, и он прижал меня к своей груди. Я узнала этот жест — жест защиты. Алекс опустил голову на сгиб моей шеи и прошептал:

— Все нормально, детка?

В его голосе звучала угроза, и в какое-то мгновение я осознала, что именно видела в нем Мэдди. Он всегда прикрывал ее. Всегда. Я видела, как он сбил с ног ребенка, который смеялся над ней, я слышала, как однажды в кафетерии он расправился с девушками, посмеявшимися раскритиковать туфли Мэдди.

— Я в порядке, — кивнула я, позволяя себе черпать силы в тепле его рук. — Плохое утро, вот и все.

— Да... плохое утро, — ответил Джош. — Всего лишь плохое утро.

Алекс отпустил меня и вышел вперед. Я видела, как он пытается сохранять спокойствие, обращаясь к Джошу:

— Я что-то пропустил?

— Пропустил? Да, можно сказать и так, — сказал Джош, и Алекс воздел руки, молча прося объяснений. — Почему ты не сказал мне, что она звала меня, когда проснулась?

— Она была в прострации, Джош. Она была расстроена и напугана. Ей нелегко пришлось, так что все это не имеет значения. Последнее, что ей тогда было нужно, — твои расспросы. Я не хотел задеть тебя, Джош. Я хотел, чтобы Мэдди была в безопасности.

Джош сделал шаг ближе, пытаясь хоть как-то уменьшить шестидюймовую разницу в росте между собой и своим кузенком.

— Ты забрал единственное хорошее, что было у той девушки, что стоит позади тебя. Она приняла это, не думая о том, что станет со мной, с родителями, с кем-то еще. И я хочу ее вернуть. И я смог бы ее вернуть в ту ночь, если бы ты сделал, как она просила, и позвал меня.

Я никогда не видела, как они ругаются. Они, бывало, подначивали друг друга в кругу семьи, но я еще никогда не слышала, как они ссорятся по-настоящему. Я начала уговаривать Джоша замолчать и уйти, но Алекс отмахнулся от меня.

— Она не может сделать ничего, чтобы изменить ситуацию. Ничего, — проговорил он. — Я видел, как она плачет, пока не заснет, пытаюсь придумать способы все исправить, Джош, но она не сможет. Никто из нас не сможет.

— Продолжай думать так, Алекс, и, в конце концов, она и сама в это поверит.

Алекс повернулся посмотреть на меня, не понимая, о чем говорит его брат. Джош дал мне замечательную, прекрасную возможность рассказать правду и уйти. Я не воспользовалась ею. Я сделала вид, будто понятия не имею, о чем речь.

Весь облик Алекса словно смягчился. Не знаю, заметил ли он мелкую дрожь, пронзившую мое тело, или все-таки осознал, насколько сломлен его брат, но он мягко положил руку на плечо Джоша и вздохнул.

— Я понимаю, что ты потерял. Правда. Но она уже извинилась, Джош. Что еще ты от

нее хочешь?

Джош покачал головой, гнев в его глазах сменился поражением.

— Я от нее ничего не хочу. — Он сделал шаг в сторону, так, чтобы смотреть только на меня, говорить только со мной. — Но только потому что ты извинилась, я не обязан тебя прощать.

30

Алекс подождал, пока Джош ушел и наши любопытные одноклассники вернулись к своим утренним ритуалам. Потом он схватил меня за руку и потащил по коридору. Там, где раньше стоял питьевой фонтанчик, была ниша. Он толкнул меня в нее и оглядел холл, дабы убедиться, что никто не слышит.

— Что происходит между вами двумя?

Он вовсе не требовал. Это был просто вопрос, просто растерянность. Я заметила, что все его тело застыло, напряглось, как будто он не хотел слышать моего ответа, не хотел знать. На публике, когда нас слышали друзья или Джош, он был таким надежным и добрым, настоящий оплот безопасности. Но здесь, в относительном уединении, в темном углу, он выглядел испуганным.

— Ничего не происходит. Он расстроен из-за Эллы. Мы оба. Я пыталась помочь.

— Я знаю, что это из-за него ты вчера сбежала с уроков. Вы разговаривали с ним на лестничной площадке между классами, и к тому же вечером ты ходила к нему домой.

— Ты следишь за мной?

Алекс выглядел по-настоящему обиженным таким предположением.

— Нет, Мэдди. Я не следил за тобой. Я был здесь, отвечал на вопросы о твоём странном поведении, рассказывал сказки о том, почему ты выбежала из класса и почему ты вдруг решила сделать Молли своей новой подружкой. Чего я не знаю, так это почему ты пошла к Джошу, а не ко мне.

— Я не хочу, чтобы ты придумывал для меня отговорки, — сказала я, досадуя на себя за то, что слишком слаба, чтобы превратиться в Мэдди с первого дня. — И Джош, ну, я бы не стала беспокоиться о нем, он списал меня со счетов.

— Как скажешь. — Алекс был зол сейчас, я слышала это в его голосе, но он изо всех сил старался не повышать голоса и не устраивать сцену. Он наклонился вперед, и я почувствовала на своей шее его дыхание. — Потому что когда моя девушка уходит из школы, не попрощавшись, не отвечает на телефон, и покидает дом другого парня, одетая в его одежду... ну, думаю, что имею право беспокоиться, не так ли?

Откуда он узнал, что на мне была одежда Джоша?

— Кто тебе это сказал? Кто тебе сказал, где я была?

Он сделал шаг назад и уперся рукой о стену, пытаясь успокоиться и одновременно не позволяя мне пройти.

— Не важно, кто сказал мне, — ответил он спокойно. — Я просто хочу знать, почему. Почему ты пошла к нему, а не ко мне? Почему в последнее время ты доверяешь ему, а не мне?

Было очень важно, кто сказал ему. Мне удалось выглянуть из-под его руки и просканировать взглядом холл. Не потребовалось много времени, чтобы заметить ее, — она была там, стояла, притворяясь, что читает сообщения на доске объявлений школьного совета. Она не читала такую фигню. Кроме того, кто еще мог так маниакально преследовать Джоша?

Ким сказала Алексу. Сумасшедшая подружка Джоша рассказала ему все.

Не знаю, кто меня больше расстроил: Ким, которая совала свой нос, куда не следует, или Алекс, который на самом деле подумал, будто Мэдди хотела его обмануть.

— Ты веришь Ким? После всего ты веришь ей больше, чем мне?

— Я не поверил бы два месяца назад. Я не поверил бы и два дня назад. Но с тех пор, как ты вернулась в школу... — Он сделал паузу и покачал головой. — Я не знаю тебя, Мэдди, и это чертовски меня пугает.

— Что это значит? — Я пыталась не злиться, хотя при мысли о Ким гнев так и вскипал во мне. — Что ты пытаешься сказать?

— Сначала Молли, потом Дженна, сейчас Джош. Ты хочешь потерять все?

— Выходит, я должна забыть то, что произошло, притворяться, будто я счастлива и все идеально?

— Я не это имел в виду, Мэдди, и тебе это прекрасно известно. Я ведь лучше всех знаю, что твоя сестра значила для тебя. Помню каждый разговор о ней, о том, как ты хотела бы быть такой же уверенной в себе, как Элла, и не волноваться по поводу того, что подумают другие люди. Как ты хотела иметь хотя бы половину ее таланта. Как ты хотела, чтобы у тебя были друзья, такие же верные и честные, как Джош.

Я покачала головой, слезы застили глаза. Мэдди никогда не хотела быть мной; она сказала это четко и ясно в ту ночь в машине. Сказала, как она устала прикрывать меня, как ей надоело извиняться за мою нелюдимость.

— Ты не представляешь, как много она для меня значила. Ты не можешь представить, — пробормотала я.

Гнев и смятение в глазах Алекса растаяли, и он протянул мне руку. Я приняла ее и позволила ему прижать себя к груди.

— Джош может сказать тебе, какая у Эллы была любимая группа, или как она любила солить пиццу, но он не может напомнить тебе о вещах, которые вы делали, когда были детьми. Он не знает о том, сколько раз ты усаживалась на капот моей машины и просматривала школьную газету, любуясь ее рисунками.

Я не знала, что Мэдди это делала, мне казалось, ей все равно.

— А ты можешь? Ты можешь напоминать мне об этом?

— Каждый день, если это то, что тебе нужно. Ты так много рассказывала мне о ней, что я наверняка знаю ее не хуже Джоша, а может, и лучше.

— Она подала заявку в школу дизайна Род-Айленда, ты знал об этом?

Алекс кивнул.

— Конечно, я знаю. Ты показывала мне наброски дерева, которые она делала, работая над заявкой.

Выражение моего лица, должно быть, сказало ему, что я этого не помню, потому что он засмеялся и только потом пояснил:

— За неделю до аварии мы были у тебя дома. Мы остановились там по пути к пляжу Наррагансетт, потому ты захотела переодеться. Кажется, твоя обувь не подходила для костра и песка. Элла уехала с Джошем. Как раз была художественная выставка в Бостоне, и Элла хотела ее посмотреть.

Я вспомнила тот день, будто это было вчера. Выставка была фантастической, но двухчасовая поездка в Бостон показалась мне адом. Ко всему прочему, Ким звонила каждые десять минут и спрашивала, когда Джош будет дома.

— Я жаловался, что у нас не остается времени, чтобы заглянуть домой и забрать пиво, но ты настояла, чтобы я зашел, сказала, что это займет всего минуту.

Мэдди никогда не управлялась за минуту.

— Прости.

— Не надо. Я не против. — Алекс ухмыльнулся, и я вдруг подумала, что наверняка они зашли не просто сменить обувь. — Ты пошла в свою комнату за расческой и увидела на ее столе рисунок, рядом с остальными скетчами.

Я обычно прятала свой рисунок под кучей домашних заданий, чтобы не увидели мама и папа. Мэдди наверняка пришлось изрядно покопаться на моем столе, чтобы отыскать его, но уже все равно.

— И какой тебе понравился больше всего?

Алекс бросил на пол свой рюкзак и вытащил из кармана бумажник. Он достал и протянул мне сложенный вдвое клочок бумаги. Это была фотокопия рисунка, который я нарисовала Мэдди на первом курсе. Мы уже около месяца ходили в школу, и обида оттого, что она меня больше не замечает, была еще очень сильна. Я обычно сидела за столом и рисовала, пока Джош болтал со своими друзьями. Я рисовала все: от мусорной урны до часов на стене, — но на этом рисунке была Мэдди. Вышло не очень хорошо — отстойно, на самом деле — но это точно была она. Такой рисунок я вряд ли положила бы в папку со школьным портфолио.

— Я знаю, где она хранит оригинал, — сказала я. — Если он тебе нужен, то могу принести.

— Нет. Пусть будет у тебя, — возразил Алекс, забирая у меня рисунок.

— Она прошла в школу дизайна. Вот о чем мы с Джошем разговаривали. Они собирались поступать вместе. Вот почему он был так расстроен.

— Думаешь, она могла не пройти? — спросил Алекс. — Она была удивительной, Мэдди. Лучше, чем Джош.

— Не знаю, что и думать. Я не знаю, как все исправить.

Он покачал головой, глубоко вздохнул и сказал:

— Нельзя ничего исправить, Мэдди. Дорога была мокрой, ты не превышала скорость. Я был там, когда ты очнулась, когда полиция допрашивала тебя. Ты не была пьяна. Они сделали две пробы крови на алкоголь, и обе они ничего не показали. Это был несчастный случай. То, что случилось с твоей сестрой, было несчастным случаем.

— Знаю, — пробормотала я, и в моем голосе отчетливо слышалось отчаяние. — Но теперь все по-другому. Я теперь другая. Та Мэдди до аварии... словно незнакомка для меня. Я не знаю, что говорить и что делать.

Я почувствовала облегчение, наконец-то, признав это, признав, что я в растерянности, как и он.

— Раньше все было проще, — прошептала я. — Я хочу вернуться в ту ночь и начать все сначала, поменяться с ней местами.

— То есть, ты хочешь умереть вместо нее? — спросил Алекс. Я не ожидала вспышки боли в его голосе, не ожидала, что ему будет не все равно.

— Да. Нет. Может быть. Я уже не знаю. Я устала притворяться. Устала пытаться быть тем, кем я не являюсь. — Я впервые говорила с ним абсолютно честно, и ощущения были просто фантастические.

— Ты хочешь быть, как она? Как Элла? — спросил Алекс, притягивая меня к себе и

прижимая мою голову к своей груди.

— Может быть. Может быть, я хочу быть, как Элла, — прошептала я.

— Но это не ты, Мэдди.

«Это именно я», — сказала я про себя.

— Помнишь, когда ты узнала, что случилось с Молли? Помнишь, как это было тяжело?

Я вспомнила, как в прошлом году пыталась узнать у Мэдди, имеет ли она хоть какое-то отношение к социальному краху Молли. Не вышло. Как обычно, Мэдди была в режиме «у-меня-нет-на-тебя-времени». Вне дома и школы она тусовалась с Алексом. Но в этом не было ничего необычного: с первого курса, с того дня, как она впервые присела за его столик, они были неразлучны.

— И? — Я не знала, что еще сказать или как разговаривать его.

— Все пришло в норму. Через несколько месяцев люди перестали сплетничать о ней. Ты перестала так сильно беспокоиться, что кто-то выяснит, что ты тогда сделала, и просто вернулась к нормальной жизни. Со временем все станет, как прежде.

— Со временем, — повторила я.

Казалось бы, такое простое решение. Такое безумно логичное и абсолютно идиотское решение.

Алекс наклонился и поднял рюкзак, перекинул его через плечо.

— Просто будь собой — той Мэдди, которой ты была в последние три года, и я обещаю тебе, все будет хорошо.

31

Быть старой доброй Мэдди оказалось не так сложно, как я думала. Алекс решил, что я в шаге от истерики, и развил бурную деятельность, ограждая меня от всяких вопросов и лишних разговоров. Он даже отказался от обеда в столовой и позволил мне сбежать в библиотеку, где никто меня не стал бы беспокоить.

Но, наверняка беспокоился он больше о том, как удержать меня подальше от Джоша и Молли, чем о моем душевном равновесии. Причина не имела значения, это все равно сработало.

Я держалась от Джоша на расстоянии до конца дня. Помогло то, что он и Мэдди не особенно пересекались на уроках. Я поймала его взгляд в холле на следующий день, но Алекс быстро вмешался, блокируя мне обзор и отвлекая. Я не расслышала, что он говорил, что-то о Снежном бале и цветах.

Я быстро посмотрела на плакаты на стенах. Объявления о продаже билетов и постеры с призывом выбрать Дженну королевой Снежного бала. На постерах все было розовое или фиолетовое, так что показалось безопасным предположить:

— Розовый, я думаю, может, фиолетовый, — сказала я и вернулась к сортировке книг в шкафчике.

— Ты хочешь, чтобы я надел фиолетовый галстук?

— Что?

Он забрал у меня из рук несколько книг и сунул их в свою сумку.

— Я спросил, ты ждешь, что я надену фиолетовый галстук?

Я покачала головой, тщетно пытаясь понять, почему цвет галстука имеет значение. Он мог надеть хоть в черный в оранжевую полоску, мне все равно.

— Э-э-э... нет, — пробурчала я, надеясь, что это правильный ответ. — Надень черный или синий. Любой устроит, мне все равно.

— Ну, а какого цвета твое платье?

— Какое платье? — За последние десять лет максимально похожей на платье одеждой у меня была длинная юбка, под которую, кстати, я тогда вообще напялила легинсы.

— То, которое вы купили с Дженной еще в сентябре.

Я мысленно представила гардероб Мэдди. У нее было не менее десятка вечерних платьев. Я перерыла весь ее гардероб за последние три дня, экспериментируя с нарядами, в попытке заставить себя выглядеть точно, как она. Но я не видела никакого платья с ярлычком или в пластике.

— Я не знаю. Коричневое?

— Правда, коричневое? — Алекс даже хмыкнул от отвращения.

Я сразу поняла свою ошибку. Кроме пары перчаток и шарфа ни один предмет в шкафу Мэдди не был коричневым. Она даже не загорала. Дерьмо.

— Неважно, я не собираюсь идти.

— Нет, ты пойдешь.

— Нет, я не пойду. — Последнее танцевальное мероприятие, который я посетила — вечер танцев отцов и дочерей в начальной школе. Папе пришлось разделить свое время между Мэдди и мной. Полчаса — и я сдалась, позволив Мэдди монополизировать его, пока я играла в бейсбол с ребятами в спортзале.

— Почему мне надо идти? Иди сам.

— Я иду. С тобой.

Я покачала головой. На этот раз я пас. Одно дело — быть Мэдди в школе, где я могла сбежать в туалет или спрятаться в библиотеке, чтобы восстановить душевное равновесие. Но совершенно другое — оказаться у всех на виду, ходить на каблуках и вести светскую беседу о том, кто как одет и — шепотом — кто кого изображает. И тогда мне останется только гадать, сколько пройдет времени, прежде чем Дженна, Алекс и вся школа поймут то, что Джош уже понял — я не Мэдди Лоутон.

— Ты же сказал мне, что мне лучше избегать Джоша и Молли. Если не пойду, то с ними не встречусь, — сказала я Алексу.

Он рассмеялся и пошел прочь, потом обернулся и протянул руку. Видимо, предполагалось, что я иду следом.

— Насколько мне известно, Джош не собирается идти, — пояснил он. — И я сомневаюсь, что Молли пойдет без пары, так что тебе там будет хорошо.

Меня вдруг охватила радость. Я знала, что Ким хотела пойти на бал: она болтала об этом с тех пор, как они с Джошем они начали встречаться. О том, как здорово будет пойти на Снежный бал со старшеклассником.

Она даже попыталась свести с кем-то меня, чтобы я могла пойти вместе с ними. У меня не хватало сил, чтобы положить этому конец; Джош сделал это за меня, сказав ей, что идея позвать меня танцевать так же ужасна, как и идея позвать танцевать его самого. Несомненно, Ким теперь проест ему мозг.

— Джош не пойдет?

Алекс одарил меня заинтересованным взглядом, его явно удивило, что я спрашиваю.

— Насколько я знаю, нет. После аварии я видел его в школе и на похоронах твоей сестры, но это все. За пределами школы он закрыт для общения.

Я остановилась и высвободила руку.

— Подожди. Он и Ким.

Алекс покачал головой.

— Откуда мне знать? И кроме того, почему тебя это волнует?

— Меня не волнует, — фыркнула я, надеясь, что он поверит. — Было бы отстойно, если бы он не пошел на бал из-за...

— Не беспокойся о нем. Ему нужно немного времени, Мэдди. Всем нужно.

***

Алекс переплел свои пальцы с моими и потащил меня к женской раздевалке. Он постучал, прежде чем открыть двери, и крикнул «Эй!», чтобы убедиться, что здесь никого нет. Уроки закончились уже полчаса назад. Если кто-то еще там, то уж точно его отругают за опоздание на практически занятия.

Когда никто не ответил, он толкнул дверь и заглянул внутрь. Никого не увидев, Алекс подтолкнул меня вперед.

— Я понял, что ты этого не видела.

У меня было освобождение от физкультуры — сломанное запястье даровало мне это счастье — и в женскую раздевалку я не заглядывала. Я не занималась спортом и не видела смысла принимать душ в школе. Но точно знала, где был шкафчик Мэдди. В раздевалке целый блок был отдан команде по хоккею на траве.

Мэдди заняла шкафчик прямо в центре, ее имя было искусно выгравировано на металле.

В углу раздевалки лежал рулон бумаги, вроде той, что я и Джош использовали для скетчей. Алекс вручил мне край и жестом попросил развернуть рулон на полу. Я так и сделала, используя одну из клюшек для хоккея на траве, чтобы закрепить край на месте.

Это было огромное, во всю длину блока из семи шкафчиков, пожелание. ДОБРС ПОЖАЛОВАТЬ, МЭДДИ. И куча незнакомых мне имен, написанных рядом. Алекс, Дженна, Кит, Молли, Ханна и несколько других ребят, с которыми я «познакомилась» за завтраком. И другие...

Я перестала пытаться совместить лица с именами и начала считать. Семьдесят три.

— Они планируют вывесить это на хоккейном матче в пятницу, — произнес Алекс, держа другой конец плаката. — Чтобы отпраздновать твою первую неделю в школе.

Я прочла несколько надписей, пробежав остальные глазами. Сообщение Алекса было с тегом «#я люблю тебя», а Дженна отделалась односложным «Выздоровливай». Молли была многословной. Она пожелала мне здоровья, как и остальные, но еще и предложила помощь. Красивым почерком она написала, что, если мне будет нужно поговорить, она с радостью выслушает. Забавно, тот человек, от которого, по словам Алекса, мне следовало держаться подальше, оказался единственным человеком, который предложил помочь.

— Вот почему ты идешь, — сказал Алекс, прерывая мои мысли. — Дженна, может быть, из кожи вон лезет, чтобы стать королевой Снежного бала, но она не выиграет. Я позабочусь об этом. И поскольку никто не годится мне в конкуренты на звание короля...

Я повернулась и уставилась на него. Я судила о нем совершенно неправильно. Ожидала, что он эгоцентричен и одержим популярностью. Но оказалось, что в первую очередь, несмотря на заботу о собственном имидже, он все-таки беспокоился о Мэдди.

— Я вернулась в школу три дня назад, Алекс. Три коротких дня. Я еще не готова.

И из-за всех этих добрых пожеланий на баннере стало только хуже. Потому что теперь я просто боялась не оправдать ожиданий.

— Знаю, — произнес он. — Но сейчас только ноябрь. У нас есть пара недель, чтобы разобраться. Кроме того, не похоже, что у тебя есть выбор, но ты не будешь одна. Я буду там,

чтобы помочь тебе. И наши друзья будут.

32

Было уже шесть, когда я вернулась домой. Я ожидала, что мама будет волноваться, может быть, разозлится. Я не разговаривала с ней с понедельника, когда убежала и оставила ее плачущей на полу в спальне.

В доме было темно, и подъездная дорожка была пуста, за исключением внедорожника мамы. Я открыла входную дверь, мне навстречу выбежал Бейли. Не было запаха готовящегося ужина, не работал телевизор. Только тьма и тишина.

Я включила свет и бросила свой рюкзак на пол. Кухня выглядела точно так же, как сегодня утром — в кофеварке по-прежнему остатки кофе, посуда стоит в раковине, собака до сих испачкана вчерашним супом. Я выключила кофеварку, выбросила остатки в мусор и быстро искупала и высушила Бейли в ванной. Я подумала о посуде, но посудомоечная машина была полна чистых тарелок. Это означало, что придется сначала ее разгрузить, а мне не хотелось.

— Мам, — позвала я, но никто не ответил.

Может, она с папой. Может быть, она уехала с ним, чтобы купить что-то на ужин или что-нибудь в этом роде.

Включая по дороге свет, я поднялась вверх. Бейли сделал это раньше меня и уже лежал на моей старой кровати. Я остановилась и посмотрела на него, ожидая, что он спрыгнет и подбежит ко мне. Тот не шелохнулся, просто поднял голову, отмечая мое присутствие. Мой собственный пес теперь не узнавал меня.

Пообещав себе, что буду кормить его сухим кормом, пока не исправится, я развернулась и направилась в комнату Мэдди. Мне надо было найти где-то в шкафу коричневое платье или купить его в самое ближайшее время. Алекс не разрешит мне пропустить бал, так что — пока я не нашла уважительной причины — мне придется ему подыграть.

Из-под двери родительской спальни мерцал свет. Я прислушалась и толкнула дверь. Мама была там, спала в большом кресле в углу. Телевизор негромко что-то бормотал.

Она помылась: волосы ее были влажными, лицо — без макияжа, и она была уже в пижаме. Я смотрела на нее в течение целой минуты. Я не видела ее такой тихой уже несколько недель. Она устала или, может, приняла снотворное?

Мама завернулась в мое старое детское одеяло, и я почти неосознанно подошла и прикоснулась к нему, провела рукой по мягкой поверхности, дарующей ощущение покоя, как и в детстве. Я увидела сотовый телефон в ее руке и быстро достала свой из кармана. Алекс, папа, Алекс снова. Ничего от мамы. Ничего от Джоша.

Я осторожно взяла телефон из ее руки и перезвонила по последнему набранному номеру. Это был мой номер... номер Эллы. Звонок ушел на голосовой почтовый ящик, и мой лишенный энтузиазма голос попросил звонившего оставить сообщение. Мама набрала мой номер пятнадцать раз за последний день — наверняка чтобы просто услышать отдаленное эхо моего голоса.

— Прости, — прошептала я, кладя телефон на пол рядом с ней.

Я ушла. Будить ее сейчас было бессмысленно. Я не была готова справиться с ее слезами.

Я уже освоилась с гардеробом Мэдди и знала, что рубашки она вешала на левой стороне, сначала — сезон, потом цвет. Джинсы висели на средней вешалке, за юбками и платьями. Туфли и сапоги были аккуратно сложены в их оригинальных коробках. И справа в дальнем конце, за куртками, были ее вечерние платья.

Я начала оттуда. Три коротких черных платья, длинное и блестящее красное с верхом, который я бы и верхом-то не назвала, и вот — я нашла то, что подходило случаю. Платье было темного кремового цвета, не коричневое и не цвета загара, но я подумала, что цветовая гамма у кремового и коричневого одна, так что, кажется, из затруднения я все-таки вышла.

С обувью была другая история. Платье было не новое, так что я решила, что обувь под цвет наверняка будет стоять где-то в задней части шкафа. Мэдди редко носила старую обувь. Я села, скрестив ноги, напротив нее шкафа и начала перебирать коробки. Красные туфли, черные блестящие балетки, какая-то похожая на сандалии и сапоги одновременно вещь. Все не подходило. Мне нужна обувь кремового цвета или что-то похожее. Честно, я бы даже на шлепанцы согласилась.

Я вытащила еще одну коробку, практически на сто процентов уверенная в том, что это очередные не подходящие по цвету туфли, завернутые в папиросную бумагу. Открыла крышку, протянула руку — и наткнулась на стопку бумаги. Я узнала первый лист — это был рисунок, который я нарисовала несколько лет назад, когда мы еще были в средней школе.

Обычная роза, ее тернистый стебель был обвит вокруг человеческой руки. Под рисунком лежала открытка на день рождения, которую я подарила Мэдди в прошлом году. Мою она мне подарила через три дня. Сказала, что забыла ее в школе или что-то такое. Она сохранила каждый тест, который я за нее выполняла, копии рисунков, с которыми я выигрывала конкурсы. Тут были все двенадцать ежегодных школьных фотографий — все они лежали тут, в коробке из-под обуви.

Столько заметок, записок и фотографий — и ничего о ней. Здесь не было ни слова о Мэдди Лоутон. Эта коробка была обо мне.

Мне стало интересно, как долго она все это собирала. Я стала рыться в бумагах, решив, что самое старое будет внизу. Последняя бумажка оказалась тонкая, слишком легкая, чтобы быть фотографией или еще одним из моих рисунков. Осторожно, чтобы не порвать, я вытащила ее и аккуратно развернула. Это была статья из местной газеты о нашей школьной команде по хоккею на траве. Она вышла в свет на следующий день после того, как Крэнстон-Хай вылетели из дивизиона. Согласно статье, причина того, что девочки проиграли, была проста — Молли Крейер, один из лучших вратарей в штате, не вышла на поле.

Отставив коробку в сторону, я стала читать. В статье не было сказано, почему она не играла. Не было ни слова о положительном результате теста на наркотики за день до игры или о том, что ее вышибли из команды на оставшуюся часть сезона. Если бы играла Молли, писал автор статьи, школьная команда Крэнстон-Хай выиграла бы этот матч. Несколько строк вниз — и все стало слишком настоящим, слишком близким к реальности. Мэдди выделила маркером свое имя, подчеркнула каждый из своих потерянных мячей, но не тронула те места, где говорилось о девяти мячах, которые она не пропустила.

Я переместилась на кровать и выгребла из коробки все, что там было, отодвинув в сторону заметки обо мне, пока там не осталось только то, то касалось Молли. Там была еще одна вырезка — выдержка из полицейского протокола. Как оказалось, за два дня до матча в доме Алекса была вечеринка, и соседи из-за сильного шума вызвали полицию. Еще было письмо от директора спортивной секции с разъяснением дисциплинарных мер в отношении члена команды по хоккею на траве, провалившего случайный тест на наркотики. Внизу лежала фотография моей сестры и Молли, вроде бы вырезанная из ежегодной классной фотографии. Это был их второй год, и это был первый хоккейный матч, который они играли вместе на юниорском уровне.

Я замерла, наткнувшись на упаковку таблеток. Зачем они были нужны Мэдди? Она прошла тест за день до соревнований. И этот, и другой, который в один из дней провели в школе.

Я высыпала таблетки на кровать, их было три. Выглядели они не как таблетки от головы. Все три были разные, мучнисто-белые, без знака производителя на них. И они были спрятаны в шкафу Мэдди в самом низу обувной коробки.

Я положила их обратно и сунула под матрас. Мне надо бы смыть их в унитаз. Я хотела, честно, но что-то заставило меня отложить их в сторону.

Там же, в коробке, лежало еще несколько фотографий Молли и реестр команды на этот год. Молли была там, ее имя стояло в конце списка. Ее записали, но я сомневалась, что Молли будет играть.

В нижней части стопки фотографий лежала бумажка с адресом клиники «Лайтхаус» и номером комнаты.

Название показалось мне смутно знакомым, и я быстро погуглила его в телефоне. То, что выдал поисковик, заставило меня вытаращить глаза. В голове словно закрутились шестеренки. «Лайтхаус» — больница, наркологический центр для подростков, если быть точной.

И тут же я поняла, зачем Мэдди нужен был этот адрес, и кто был пациентом — Молли.

Я вспомнила день, когда она ездила туда. Я подслушала, как мои родители рассказывали Мэдди, почему Молли в те дни не было в школе. Молли по-прежнему утверждала, что она не принимала наркотики, но у руководства школы было два положительных результата теста, свидетельствующие об обратном. Мама хотела знать, употребляет ли кто-то еще из девочек наркотики. Папа хотел знать, употребляла ли их хоть раз сама Мэдди. Я отчетливо помню, что Мэдди все отрицала. Все.

Я высыпала содержимое коробки на кровать, пытаюсь понять, почему моя сестра хранила эти вырезки, статьи и заметки о человеке, которого она считала изгоем. На вырезках не было пометок. Помимо записанного от руки адреса клиники, все было официальное — письма из школы, газетные статьи, фотографии. Ничего не дало мне подсказку о том, почему Мэдди была словно одержима Молли.

Я достала и открыла каждую коробку из-под обуви, разворотила все ящики в ее столе, заглянула в каждую из десяти валяющихся без дела сумочек, но ничего не нашла. Ни перевязанных ленточкой писем от Алекса. Ни альбома достижений Мэдди. Не было ничего, кроме коробки, в которую Мэдди сложила то, что касалось моей жизни и падения Молли.

Я сложила мои фотографии, рисунки и заметки обратно в коробку, аккуратно собрала в стопку бумаги, относящиеся к Молли, и сунула их под матрац, к таблеткам. Я больше не переживала по поводу последней игры сезона или Снежного бала, не думала, как мне дальше барахтаться в сетях собственной лжи. Меня волновало одно: выяснить, что Мэдди сделала для Молли и почему.

33

Насколько я могла судить, папа не появлялся дома прошлой ночью. Его машины не было на подъездной дорожке, и пустая кофейная чашка так и стояла в кабинете. Я убедилась, что он уехал в командировку, это было все же лучше, чем то, что казалось очевидным.

Перед отъездом я включила кофеварку для мамы и выложила ее чашку. Я не хотела, чтобы она думала, будто никто не приходил домой, никто не беспокоился о ней. Я беспокоилась, просто не знала, как сказать.

Я прошла мимо в двери в свой класс и остановилась за дверью в кабинет физики, где шел урок у Джоша. Он был все еще зол на меня, и я не заслуживала его помощи, но я не знала, к кому еще обратиться. Если кто-то и может помочь мне выяснить, что происходит, то это он. И если он не сможет, то, по крайней мере, он меня выслушает.

Я слышала, как мистер Уолден спрашивает учеников о потенциальной энергии, электрическом потенциале, разности электрических потенциалов. Я не знала ответы. Менее чем за месяц, будучи Мэдди, я растеряла весь свой интеллектуальный потенциал. Ну, зато я научилась правильно завивать ресницы. Кому интересны джоули, если вы умеете завивать ресницы, ведь правда?

Прозвенел звонок, а я стояла, смотрела и ждала, пока из кабинета выйдет Джош.

— Эй, — сказала я, протягивая руку, чтобы его остановить. Джош увидел меня, но не замедлил шага. — Мне нужно поговорить с тобой.

— Алекс тебе разрешил? — спросил он.

— Я не нуждаюсь в разрешении Алекса.

Джош рассмеялся и прошел мимо. Я поспешила за ним следом. Он был моим лучшим другом, и я заслужила его гнев и даже ненависть за то, что натворила, но я не хотела его потерять.

— Постой! — закричала я. Все, кто был в коридоре, в том числе и Джош, повернули в мою сторону головы. Я одарила их взглядом а-ля «занимайтесь-своим-делом» и догнала Джоша. — Мне нужна твоя помощь.

Я увидела восторг в его глазах, он повернулся ко мне и наклонился поближе. Переплетя свои пальцы с моими, Джош потянул меня за собой, за угол, чтобы у нас было хоть какое-то подобие уединения.

— Ладно, я думаю, мы должны начать с твоих родителей. Они могут помочь нам разобраться с Алексом и остальным. Знаю, ты беспокоишься, что они...

Я высвободила руку и сделала шаг назад.

— Подожди, что?

— Несомненно, они будут удивлены и растеряны, но я не думаю, что они станут ненавидеть тебя, если это тебя беспокоит. Они любят тебя.

— Я не скажу им, кто я, Джош.

— Хорошо, я понимаю. Мы можем сказать кому-то другому, например, моей маме. Она может помочь нам решить, что и как сказать твоим родителям, и даже сможет быть там вместе с тобой. Если ты этого хочешь.

— Нет, ты не понял. Я не скажу им. Никогда. Мэдди заслуживает того, чтобы жить. Вот что я делаю, я живу, чтобы жила она.

Он сжался от моих слов, словно я его ударила.

— Но ты сказала, что тебе нужна моя помощь.

— Нужна, но не с этим. Мэдди что-то натворила... я думаю, что она что-то натворила. Я знаю, почему она сейчас зависает с Дженной, почему она мирится с ее дерьмом.

И это никак не связано с тем, что Дженна такая бедненькая, и у нее все так плохо в семье. Наверняка, Дженна точно знала, что случилось с Молли, и что Мэдди как-то к этому причастна, и просто держала Мэдди на коротком поводке, используя ее, когда ей было нужно.

Я стояла там и наблюдала, как меняется выражение его лица и становится пустым взгляд.

— Ты по-прежнему будешь Мэдди? Ты все еще хочешь быть ей?

То, что я хотела, не имело ничего общего с моим ответом, но это ничего не изменило.

— Да.

Он покачал головой и попятился — пара шагов, но между нами будто пролегли километры.

— Тогда я не смогу помочь. И, к слову, я тебя не знаю.

Он отошел от меня. Не было «я понимаю». Не было «если ты передумаешь, я буду здесь». Или «хорошо, мы что-нибудь придумаем». Был лишь взгляд, и в нем рвущаяся на части душа — «В моей жизни тебя больше нет».

— А как же то, что ты сказал прошлой ночью? Прежде чем ушел? — окликнула я.

Джош медленно повернулся, лицо его дышало гневом.

— Слова о том, что я любил Эллу? Ты об этом спрашиваешь?

Я кивнула, осознавая, что каждое мое слово может завтра оказаться в интернете.

— Я имел в виду именно это. С того дня, как я встретил ее. До сих пор.

— Тогда почему ты не сказал ей? Вы проводили вместе столько времени, и ты не решился сказать? Не думал, что ей хотелось бы об этом знать, или, что, возможно, она чувствовала то же самое?

Он сделал шаг ко мне, потом остановился. Его руки напряглись, голос стал низким, гортанным, словно Джош говорил сквозь зубы.

— Она никогда, никогда не думала о себе. А почему я не сказал ей... ну, я не думал, что она готова услышать это. И все еще не думаю.

34

Я не могла пошевелиться, даже не могла набраться решимости оглядеться вокруг. Мне потребовалась вся сила воли, чтобы просто остаться на месте, когда так велико было желание растечься лужей слез прямо посреди зала.

— Проблемы с парнем твоей сестры?

Я повернула голову на звук ее голоса, спрашивая себя, сколько времени Дженна стоит рядом, и что она услышала.

— Совет, — сказала она. — Меньше думай о своей погибшей сестре и больше о себе.

Не секрет, что Дженна не переносила Эллу. Она доказала это на вечеринке той ночью, когда моя сестра умерла. Часть меня надеялась, что это был фасад, и она сделала это на публику, чтобы поддержать свой имидж. Ее слова здесь и сейчас, в приватной беседе, ранили — и неожиданно сильно.

— Что это значит?

— О, я тебя умоляю, Мэдди. Ты слепая? Смотрела на себя в зеркало? Выглядишь ты дерьмово, а твое поведение напоминает мне Молли. Хочешь стать такой, как она? Хрупкая девушка, которую все считают сумасшедшей?

— Ты шутишь, Дженна? Ты хоть представляешь, что она...

Дженна перебила меня взмахом руки, саркастическая ухмылка искривила ее губы.

— Я точно знаю, что она пережила. Но они позволили ей вернуться в команду в этом году, так что, думаю, все прощено.

Я не понимала, почему Дженна нашла это забавным. Ее реакция, честно говоря, была просто отталкивающей.

Я не собиралась переживать о том, похожа я сейчас на Мэдди или нет. Я не собиралась провести остаток года, общаясь с Дженной. Мне пофиг на Алекса и его «его-веди-себя-с-

ней-хорошо». Я с ней покончила.

— Я не понимаю тебя. И если честно, не понимаю, почему мы с тобой дружим.

— Потому что ты точно такая же, как я, — ответила Дженна.

Я покачала головой. Я отказывалась верить в это. Та Мэдди, с которой я делила комнату первые десять лет своей жизни, та Мэдди, которую обожали мама и папа, Мэдди, которая сама рисовала открытки для бабушки на Рождество, никогда не смогла бы стать такой же жестокой и корыстной, как Дженна.

— Не соглашайся, если угодно, — продолжила Дженна. — Мы обе знаем, что это правда.

— Нет. Это не так. — Я не знаю, откуда во мне взялась смелость, но мне уже было все равно. Я ждала три долгих года, чтобы высказать Дженне все, что думала о ней, и я не собиралась отступить. — Я не такая как ты. Я не использую свои семейные проблемы в качестве оправдания своего отношения к другим людям, как к мусору под ногами, и я бы никогда не рыдала на плече парня своей подруги, рассказывая ему про злого папочку или про свои проблемы. Ты решила, что из-за твоих слез Алекс бросит меня и переметнется к тебе?

Дженна схватила меня за руку и потащила через весь холл в туалет для девочек. Она пнула дверь в каждую кабинку, чтобы убедиться, что все они пустые. Возле раковин стояли и смотрели на нас две девушки, и Дженна повернулась к ним.

— Убирайтесь, — завопила она. — Сейчас!

Она захлопнула за ними дверь и приложила ухо к дереву — наверняка, чтобы убедиться, что никто не подслушивал. Кажется, у сплетников есть своя тактика обеспечения безопасности.

— Ты не общалась со мной почти месяц, позволяя Алексу быть нашим посредником. Я не знаю, почему и, честно говоря, меня не волнует, потому что все это работает на меня.

— Работает на тебя? Как это все может работать на тебя?

— Алекс любит тебя. Я не отрицаю. Но он не будет мириться с этим..., — она махнула рукой в мою сторону, — слишком долго.

Я и не пыталась скрыть звучащее в голосе презрение. Я обняла себя руками, и слова превратились в низкий рык.

— Мириться с чем?

— Ой, да ладно. Ты так сильно ударила головой?

Я подумала над тем, чтобы сказать ей чистую правду. Я ударила о дерево так сильно, что даже не поняла, кто я, когда очнулась в больнице. Только взгляд холодных мертвых глаз сестры в больничном морге вернул мои воспоминания. Так что да... сильно.

— В первые пару дней я думала, что ты расстроена, ну, знаешь... переживала из-за сестры и чувствовала себя виноватой, но вот идут дни, и Алекс отвечает на мои сообщения и отвечает на мои звонки. — Она сделала паузу и рассмеялась. — Но ты отстранилась даже от него.

— Это не правда, — возразила я.

Она понятия не имела, о чем говорили Алекс и я, сидя у меня дома, не представляла, сколько раз он сидел спокойно, просто держа меня за руку, когда я отказывалась говорить. Я не отстранилась от Алекса. Единственный человек, которого я держала на расстоянии, — это Дженна, и это было намеренно.

— Это правда, и ты это знаешь. Если вынырнешь из омуты жалости к себе хоть на

секунду, ты это увидишь.

Я убила свою сестру; кажется, я имею право ощущать себя виноватой, разве нет? Но не это заставляло меня спотыкаться и запинаться на пути по жизни в качестве Мэдди. Она не только моя сестра. Она была частью меня, и я знала, что всегда будет. И теперь она ушла. Я скучала по ней, и не важно, какую ложь я придумала и сколько времени прошло с тех пор, я не могла заставить себя справиться с щемящим чувством пустоты внутри.

— Ну и что, что я была отстраненной. Этого следовало ожидать, учитывая мои переживания.

Я знала, что никто не задумается над тем, почему Мэдди такая спокойная, прямо как Элла. Когда мама обеспокоилась этим вопросом, доктора сказали ей, что это нормально, что гнев и нежелание разговаривать — нормальные этапы процесса взросления.

— Есть разница между тем, чтобы отстраниться и выпасть из жизни, Мэдди. Когда в последний раз вы с Алексом спали вместе?

Я был искренне смущена. Я не знала ответ на этот вопрос, не могла даже предположить. Он попытался в ту ночь в моей комнате, но я оттолкнула его.

— Ты даже не помнишь, да? — продолжила она, когда я не ответила. — Когда в последний раз ты была на свидании с ним или позволяла ему тебя поцеловать? Не носиться с тобой, как нянька, а на самом деле поцеловать?

— Это не твое дело.

— Ему не сорок, Мэдди. И вы, вроде бы, не женаты. Ему восемнадцать. И ему совсем незачем оставаться с тобой. — Она наклонилась над раковиной и поправила волосы, глядя в зеркало. — И есть много других желающих занять ваше место.

— И другие — и это ты.

Дженна обернулась и улыбнулась.

— Я этого не говорила. — Но и «нет» не сказала. — Но я подумала о чем-то другом.

— И о чем же?

— Я хочу быть королевой Снежного бала. Ты уже была в прошлом году. Теперь моя очередь.

Мне было плевать на бал и на девяностодевяносто процентные шансы Дженны стать королевой. Дженна могла вообще забрать все короны, висящие на зеркале Мэдди, мне было все равно. Я бы собрала их в коробку и отдала ей уже сегодня вечером, если это то, чего она хотела.

— Насколько я знаю, завтра заканчивается голосование. Может быть, тебе стоит быть активнее, — сказала я.

Я, может быть, и не интересовалась балом, но ей показывать этого не собиралась.

— Неа. Ты откажешься от участия. Меня не волнует, что ты придумаешь, просто сделай это.

— А если я не хочу?

Она наклонилась, как будто боялась, что кто-то в этой совершенно пустой комнате услышит нас.

— Ты думаешь, Алекс любит тебя достаточно, чтобы сесть в тюрьму? Он заработал полную стипендию в Сиракузах, чтобы играть в футбол. Как думаешь, он пойдет на такой риск, чтобы тебя защитить?

— Алекс ничего не делал! — закричала я. Или, по крайней мере, я думала, что не делал.

— Он знал, что ты собираешься делать. И потом прикрыл тебя. Всегда защищает свою

драгоценную Мэдди. И кажется, выходит, что он тоже причастен. Так что, ты сделаешь, как я говорю, или я закопаю сначала тебя, а потом его.

35

Тонкий газетный лист в кармане лежал мертвым грузом, замедляя меня и отвлекая мои мысли. Я ничего не делала, но постоянно думала обо всем этом. Я не знала, как смогу выяснить это без Джоша, и мне было любопытно, сможет ли Дженна в случае чего осуществить свою угрозу.

Я вошла в столовую. Все сидели на своих привычных местах: Алекс в главе стола, Дженна слева от него, пытаясь привлечь внимание. Молли была в конце, три пустых места оставалось между ней и остальными друзьями Мэдди. Перед ней лежал учебник физики, в руках она держала карандаш, которым делала пометки в тетради. Молли казалась совершенно не заинтересованной разговорами вокруг.

Алекс увидел меня и соскочил со стула, махая мне рукой. Я подошла к нему, села на свое место и притворилась, что мне интересно, о чем болтают он и Дженна. Но Молли выглядела такой далекой, такой отрешенной.

— Эй, почему ты сидишь одна?

Я всегда задавалась вопросом, почему она никогда не пыталась завести новых друзей, почему никто, в том числе Джош и я, ни разу не подумали о том, чтобы пригласить ее к нам.

Она подняла от книги взгляд, посмотрела сначала на Алекса и только потом перевела глаза на меня.

— Так легче. Я пыталась заводить друзей, но, в конце концов, они начинали задавать вопросы, на которые я не хочу отвечать. Кроме того, мне нравится сидеть одной.

Я отодвинула стул напротив нее и села. Она напомнила мне меня саму в те первые дни в школе после того, как Мэдди обзавелась друзьями, а я осталась болтаться в пустоте. И сейчас я воспользовалась этой частью себя.

— Знаешь, они оба смотрят на тебя, — прошептала Молли, наклонившись ко мне.

— Кто? — спросила я, хотя уже догадалась.

— Алекс и Джош. Они наблюдали за тобой с тех пор, как ты села здесь со мной.

Я была почти уверена, что Джош смотрит на меня дольше. Я заметила его взгляд сразу же, как вошла. Он задержал мой взгляд на секунду, прежде чем презрительно качнул головой и повернулся к Ким. Алекс, ну... он просто не хотел, чтобы я разговаривала с Молли.

Я наклонилась, надеясь, что Алекс не услышит мои слова.

— Алекс немного заигрывается в няньку, — тихо объяснила я. — А Джош, ну, они с Эллой дружили, и потому он винит меня в куче вещей.

— Хотела бы я тебе сказать, что скоро все будет хорошо, со временем люди перестанут относиться к тебе, как к испорченному товару. Но, как видишь, — молвила она, указывая на себя, — это не так.

Она хихикнула над своими последними словами, и я тоже засмеялась, радуясь тому, что хоть кто-то не боится говорить со мной честно.

— Да все нормально, я не против игнора. Хоть какая-то смена обстановки.

— Игнор, да? Ну, как скажешь.

Она снова углубилась в свою домашнюю работу, часто поглядывая на меня. Наверное, думала, что я вот-вот встану и вернусь на свое обычное место рядом с Алексом. Но мне нравилось сидеть с ней рядом. Даже было комфортно.

Молли перевернула страницу и принялась грызть кончик механического карандаша,

тихо читая вслух условия следующей задачи. Я молча наблюдала, как она трижды стерла и переписала нужное уравнение.

— Ты все делаешь неправильно, — прокомментировала я и потянулась к ее тетрадке.

Я скопировала уравнение на новую строку, а потом решила его, прописывая шаг за шагом так, чтобы она точно увидела, как я это сделала.

— Это легко, — сказала я, отодвигая тетрадь в ее сторону. — Ты просто должна проделывать те же действия каждый раз.

Она посмотрела на мой ответ, потом заглянула в конец учебника, чтобы убедиться, что все правильно.

— Как ты это сделала? Я имею в виду, ты ведь не дружишь с физикой.

— Не дружила, — поправила я. С тех пор, как я озабочилась успеваемостью, Мэдди училась хорошо. — И кроме того, я не так глупа, как все думают.

— Никто не думает, что ты глупая, — сказал Алекс, потянувшись через меня и выдернув тетрадь из рук Молли.

— Ответ правильный, — сказала Молли. — Я уже проверила.

Алекс взглянул на уравнение, потом на меня, как будто пытаюсь выяснить, как я его решила. Бормоча что-то себе под нос, он бросил тетрадь на стол.

В его глазах мелькнуло подозрение — и это наполнило меня одновременно надеждой и страхом — надеждой на то, что он понял, кто я, и выведет меня, наконец, на чистую воду, и страхом перед потоком грязи, которая на меня тогда выльется.

— Элла помогала мне, — протараторила я, молясь, чтобы он купился на мое оправдание. — Если я завалю физику, то вылечу из команды по хоккею на траве. Она занималась со мной дома, учила меня, как решать такие задачи.

— Ты могла бы спросить меня, — сказал Алекс. — Я бы помог.

Я и забыла, что он был прилежным учеником и с без особых усилий получал четверки на курсе подготовки к колледжу. Он мог бы помочь Мэдди, и мне показалось странным, что она никогда не просила его. За спасением она всегда приходила ко мне.

— Я могла бы многое сделать по-другому, — задумчиво протянула я.

36

Когда я вернулась из школы домой, папа сидел за кухонным столом, сосредоточив все свое внимание на чашечке кофе перед ним. Он поднял голову, услышав мои шаги, и попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкая и измученная. Где бы отец ни был прошлой ночью, он явно не спал.

— Эй, — произнесла я. — Когда ты приехал домой?

— Пару часов назад, — ответил он. — Мне надо было кое-что доделать на работе, а потом я поехал к бабушке на ужин.

Могла бы додуматься, что он поехал туда... я надеялась, он поехал туда, но было все равно приятно знать точно.

— Бабушка передает привет, — сказал папа, мешая ложкой свой кофе. — Я хотел взять тебя с собой. Подумал, может, если ты немного отдохнешь от школы и поживешь у нее, будет лучше.

Мы в детстве проводили много времени у нашей бабушки. Она разрешала нам есть десерт перед ужином и никогда не ругала за грязные следы на полу. Даже будучи уже подростком, я любила ходить туда, любила ее хлопоты и блюда, которые она для меня готовила.

Она рисовала, как я, только лучше. Она умела рисовать и красками. Я никогда не смогу постичь такое мастерство — всю эту премудрость владения цветом. Я все-таки предпочитала уголь и карандаши акрилу и маслу. Именно бабушка дала нам с Мэдди наши первые альбомы. На самом деле это были ее старые альбомы, которые почему-то оказались ей не нужны. Но все равно. Для нас это были большие листы чистой бумаги, на которых нам разрешили рисовать.

— Я писал тебе несколько раз, но ты не ответила, — упрекнул папа.

Я достала телефон и просмотрела сообщения. Там было три от папы. Я вспомнила, что на испанском телефон звенел. Учитель одарил меня неодобрительным взглядом, и я выключила звук, даже не проверив, от кого была смска. Я не знала, что от папы. Я бы тогда ответила.

— Извини, — сказала я и сунула телефон обратно в карман. — Я поговорила с Джошем, как ты и предложил.

— Ты нашла ответы, которые искала?

— Нет, — проговорила я. — Только еще больше вопросов.

— На какой-то из вопросов я смогу ответить?

Я уселась напротив папы и схватила апельсин из вазы с фруктами в центре стола. Я не был голодна, но все равно начала его чистить.

— Нет.

— Ну, я здесь, если ты ищешь с кем поговорить.

— Спасибо.

Мы сидели в тишине: отец, сверхсосредоточенный на своем кофе, и я — на отсутствии активности в доме. Было тихо, слишком тихо. Даже Бейли был заперт в своей клетке, прижавшись носом к двери.

— Можно я выпущу его? — спросила я, задаваясь вопросом, а что он-то сделал, чтобы оказаться в заточении.

Папа пожал плечами.

— Конечно, но он будет опять бегать по кругу и выть в комнате Эллы. Через какое-то время это уже раздражает.

Я открыла щеколду и постучала рукой по ноге. Бейли выбежал наружу, бросив взгляд на папу, словно ожидая, что его отругают или запретят обратно. Но папа молчал, и Бейли подошел ко мне и лег на мои ноги.

— Где мама? — спросила я. Я привыкла видеть ее, вернувшись из школы.

— Наверху, читает.

Я не спросила, что она читает. Не было нужды. Папин голос понизился до страдальческого шепота, и в нем был ответ. Она читала наши дневники, те, что я видела в ее комнате, те, что Мэдди и я вели с детства.

— Она выглядит иначе теперь, печальнее, чем раньше. Прошел уже почти месяц, с тех пор... — Я замолчала, не желая произносить эти слова. — Почему она расстраивается все больше?

— Потому что ты вернулась в школу.

Я не понимала, почему это важно.

— Но я всегда ходила в школу. Я снова стала туда ходить — таков и был план.

— Все время, пока ты была в больнице, она была там, разговаривала с врачами и сидела с тобой. Когда ты вернулась домой, она заботилась о тебе. Назначения врача, рецепты. Она

присматривала за тобой, хлопотала. Теперь, когда ты вернулась в школу, у мамы не осталось ничего, кроме собственных мыслей. И сейчас, ну, эти мысли не совсем веселые.

Я провела дома чуть больше недели, но мама постоянно хлопотала надо мной, спрашивая меня, что я хочу на обед, отправляя Алекса прочь, чтобы я могла отдохнуть, говорила с учителями о занятиях, которые я пропустила. Эти воспоминания заставили меня задуматься. А вдруг постоянные хлопоты были лишь способом удержать на краю ее сползающий в бездну разум? Может, она делала это, чтобы сохранить свой рассудок.

— Я могла бы остаться дома сегодня вечером, если хочешь.

Папа покачал головой и встал, выливая кофе из чашки в раковину.

— Нет. Иди, побудь с друзьями. Погуляй с Алексом. Не волнуйся, я буду здесь. Я помогу ей пройти через это.

Я не хотела уходить. Именно я сделала ее жизнь такой, превратила в ад, из которого ей было не выбраться.

Бросила ее в бездну, которую сотворила своими руками.

— Ты думаешь, с нами все будет хорошо?

Папа напрягся, уперся руками о края раковины. Я слышала тик часов на стене, чувствовала каждое биение сердца в своей голове. Я ждала, когда папа повернется ко мне и ответит. Когда он, наконец, сделал это, беспокойство читалось на его лице. Там не было выражения «все-будет-хорошо», там была лишь неопределенность, которая заставила меня замереть в ужасе.

— Я сделаю так, чтобы тебе было хорошо, Мэдди. Обещаю.

— Это не то, о чем я спросила.

Казалось, он взвесил свои следующие слова, прежде чем после вздоха высказать их вслух:

— Я не знаю, Мэдди. Ей больно, и я ничего не могу сделать, чтобы это исправить. Сделать ничего нельзя.

Я встала и пошла прочь из кухни, его последние слова гремели в моей голове. Маме было так больно... ей было больно из-за меня, и я не могла это исправить.

И от вида папы, сидящего тут, переживающего за всех и вся, мне стало еще хуже. Чувство вины на моих плечах стало еще тяжелее.

— Мэдди? — прошептал папа мне вслед. Я остановилась, но не обернулась. — То, что я сказал тогда. Я никогда не представлял, что было бы, если бы выжила твоя сестра, а не ты. Я любил... люблю вас обеих больше жизни. И твоя мама тоже.

37

Алекс был на футбольной тренировке. Я не знала, во сколько она кончается, не знала, на каком поле они играют, так что просто припарковалась рядом с его автомобилем на стоянке и стала ждать. А что еще мне оставалось делать? Я знала, что папа и мама хотят побеседовать наедине, а Джош не хотел иметь со мной ничего общего. Так что, либо сидеть здесь и ждать, пока придет Алекс, либо несколько часов кататься вокруг.

Я включила в салоне машины свет и вытащила из кармана газетную вырезку. С тех пор, как я читала ее, ничего не изменилось. Никаких новых улик, скрытых между строк, никаких объяснений, ждущих, пока их прочтут. Те же чернильные пометки, скрывающие тайну.

Звуки голосов ворвались в мои мысли. Я посмотрела вверх и увидела, что к парковке идет вся футбольная команда. Некоторые до сих пор были одеты в форму, но большинство переделось.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы заметить Алекса. Он был недалеко от центра группы, спорил с идущим рядом парнем. Алекс переместил центр тяжести, как будто нес что-то на спине. Он повернулся, и я увидела, что — нет, кого он нес. Дженна.

Он опустил ее, когда увидел меня. Она покачнулась, чертыхаясь, но не разжала рук, обвивающих шею Алекса. Склонив голову набок, она что-то прошептала ему на ухо. Алекс указал на мою машину, и она попятилась от него, кокетливая улыбка на ее лице сменилась почти оскалом. Она не удосужилась поздороваться со мной, проходя мимо моей машины. «Спасибо тебе большое», — прочла я в ее взгляде.

Алекс открыл дверь машины и скользнул на пассажирское сиденье, бросая свою сумку на заднее.

— Все в порядке? Что ты здесь делаешь?

Я махнула рукой в сторону Дженны.

— Что она здесь делает?

— Тренировка по хоккею на траве, Мэдди. Полуфиналы завтра. И ты это знаешь. Ты должна была быть там.

Я посмотрела через лобовое стекло. Товарищи Мэдди по команде были там, повиснув на одном футболисте или на другом, но, увидев это, я не забыла, что Дженна клеилась к Алексу.

— Тренер на этой неделе разрешил тебе не приходить. Я попросил Дженну поговорить с ним, сказать ему, что ты занималась по предметам каждый день после школы, чтобы попытаться наверстать упущенное. Но на следующей неделе, когда начнется подготовка для соревнований в дивизионе, ты должна быть там, — сказал Алекс.

Я подняла левую руку, как будто это было достаточным объяснением. Плюс, это были последние две игры сезона, две самых важных игры, и я не имела абсолютно никакого понятия, как вообще играть, даже никогда не интересовалась игрой, пока наблюдала за ней с трибун.

— Ты не можешь играть, но это не значит, что ты не часть команды, Мэдди. Ты должна быть там. Ты потеряешь место со-капитана, если не будешь осторожна. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы этого не случилось, а тебе это нужно для поступления в колледж, если ты хочешь играть на том же уровне.

Его «все, что в моих силах» заставило меня волноваться.

— Дженна хочет быть королевой Снежного бала. А еще она хочет тебя, — сказала я, и Алекс пожал плечами, будто это была старая новость. — Ты спишь с ней?

— Нет. — Его ответ был резок и быстр, и, по крайней мере, ему хватило совести выглядеть обиженным. — Уже сто раз спрашивала, может, хватит Мэдди? Почему ты продолжаешь об этом говорить?

Потому что у нас с Дженной был этот разговор в зале. И она ясно сказала, что хочет отбить Алекса.

Потому что я не доверяла ей с самого первого дня, как она пришла ко мне домой, вся такая макияж и фальшивые улыбки.

— Она и не скрывала, что хочет тебя, — продолжила я.

— Да, но она не та, которую я люблю.

Он протянул руку, чтобы погладить мою щеку, и я отстранилась.

— Я больше не верю тебе.

— Не веришь чему, Мэдди? Что я не спал с Дженной, или что я люблю тебя?

Я не сомневалась, что Алекс любил мою сестру. И знала, что и она любила его. Но я не могла отбросить то, что Дженна сказала в уборной — это только сработает против меня.

— Ты довольно мило ведешь себя с ней, особенно, в последнее время. — Я не знала, так ли это на самом деле. Да, Дженна всегда была без ума от Алекса, но именно здесь и именно сейчас мы говорили о другом. — И я знаю, что она рассказывает тебе о том, что происходит дома, и что просит тебя ей помочь.

— Она говорила, что ты что-то сказала ей о ее отце и деньгах. Я же просил тебя не делать этого, Мэдди, но ты все равно это сделала.

Да, я сделала это. Я была зла, и она это заслужила. Я не собиралась извиняться, мне было не жаль.

— Так ты и Дженна...

Алекс пожал плечами, и мое сердце сжалось.

— Мы провели много времени вместе в школе, пока ты была дома, поправлялась после аварии. Ты не стала разговаривать с ней, и мне самому пришлось отвечать на ее звонки и рассказывать, что с тобой происходит. А чего ты ожидала?

Я с трудом подавила желание наорать на него, завопить, что моей вины в этом как раз и нет. Алекс должен был просто дать мне немного времени, а что он сделал вместо этого? Просто убежал к Дженне, туда, где поспокойнее. Вместо этого я покачала головой и воткнула ногти в ладони.

— Я не сплю с ней, — повторил Алекс.

Я не знала, как реагировать. То, что у них не было секса, не значило, что ничего не происходит. И это не значило, что ему и дальше можно проводить с ней время.

— Ты теперь другая, Мэдди, — продолжил он. — Далекая и тихая. Я не могу заставить тебя открыться даже мне, о друзьях и не говорю.

Мне хотелось бросить ему вызов, спросить его, а что он думает по поводу нашего разговора вчера вечером, но не стала. Я стала защищаться.

— Какое это имеет значение?

— Никакого, но приятно провести время с кем-то, кто знает старую добрую Мэдди.

Старую добрую Мэдди? Настоящую Мэдди? Даже Алекс, парень, который поначалу наплевал на все признаки того, что я — не моя сестра, начал сомневаться во мне. И без него я не смогу справиться с этой ложью... с жизнью Мэдди.

Я убила свою сестру, а потом, попытавшись вернуть ей ее жизнь, уничтожила единственное хорошее, что в ней было — Алекса.

— Если я буду стараться, если я начну все тебе рассказывать и ходить на вечеринки и тренировки по хоккею на траве, ты не будешь проводить с Дженной так много времени? Ты не позволишь ей встать между нами?

Он откинул голову назад и закрыл глаза, потом вздохнул и покачал головой.

— Не знаю. Я не думаю, что ты сможешь стать такой, как прежде. Никто бы не смог после того, что произошло.

Я знала, что он имеет в виду. Не Дженна вбила клин между Алексом и мной. Это сделала я сама. Алекс и мои родители были единственной твердой опорой во всей этой заварухе, и они медленно ускользали от меня.

На глаза навернулись слезы, эти проклятые слезы. Но они не могли вернуть Мэдди обратно. А я хотела только этого. Хотела, чтобы она была рядом.

Живая. Хотела, чтобы ее имя на выпускном назвали следом за моим. Хотела знать, что

даже если бы мы поступили в разные колледжи, я всегда могла бы позвонить ей, и мы обязательно провели бы вместе каникулы. Я хотела познакомиться с ее будущим мужем за ужином и смеяться над неудобными вопросами папы. Я хотела помочь ей выбрать свадебное платье и обязательно тогда стала жаловаться на то, что платье подружки невесты, в которое она меня нарядила, слишком коротко. И я хотела, чтобы наши дети играли в прятки в доме мамы и папы, пока Мэдди и я моем посуду и подаем на стол десерт.

Этого я хотела. В этом нуждалась. Но этому уже никогда не случиться.

Алекс потянулся к моей руке, и я позволила ему себя коснуться.

— Это не значит, что я не люблю тебя, Мэдди. Боже, просто я начинаю думать, что не смогу помочь тебе пройти через это.

Никто не может помочь мне пройти через это.

Я выдернула руку и засунула ее себе под бедро. Мне не надо утешения, прикосновений, уговоров. Просто оставьте меня в покое.

Я быстро стерла со щеки одинокую слезу. Еще месяц назад мне даже не нравился Алекс Фьюри, и я честно не понимала, почему Мэдди так им очарована. Но он приходил ко мне в больницу каждый день, заезжал каждый вечер, пока я была дома. Он делал все, что мог, пытаясь помочь мне справиться с тьмой в голове. И когда я вернулась в школу, он защищал меня, защищал меня от вопросов и домыслов. Именно это Мэдди увидела в нем. Именно это был Алекс, которого она знала и любила. И если я уничтожу это, я уничтожу и ее.

— Иди, — сказала я ему. Он начал спорить со мной, но я оттолкнула его. — Я в порядке, Алекс, иди.

Он поцеловал меня в щеку, прежде чем потянуться на заднее сиденье за своей сумкой.

— Я люблю тебя, Мэдди. Это никогда не изменится.

Холодный воздух ударил меня, когда он открыл дверь, ветер взметнул листки бумаги, которые валялись на полу.

Алекс поймал фантик от жевательной резинки, смял его и сунул в карман пиджака. Другой лист бумаги, тот, который мне следовало всегда держать в заднем кармане, записка о Молли, вылетел наружу.

Алекс поднял бумажку и уставился на нее, его лицо стало белым, когда он понял, что это такое.

Опустив свою сумку на землю, он забрался в машину и запер дверь. Швырнув клочок бумаги на приборную панель, он повернулся на сиденье ко мне лицом.

— Говори, Мэдди. Сейчас же.

38

— Почему ты снова ворошишь прошлое? — спросил Алекс. — Ты оставила это позади уже давно, Мэдди. Мы оставили это позади. Там пусть и останется.

Мэдди ничего не оставила позади. Она похоронила прошлое в коробке из-под обуви в шкафу, вместе с упаковкой таблеток. И судя по последним дополнениям в ее альбоме воспоминаний, она часто возвращалась к этой теме.

Я подозревала, что интерес Мэдди к истории с Молли и ее тестом на наркотики был далеко не просто дружеским. Чтобы Мэдди держала в обувной коробке файлы на друзей? Но, видя панику на лице Алекса, я поклялась бы жизнью — если б моя жизнь еще принадлежала мне, — что Мэдди чувствовала себя виноватой, она сделала то, о чем сожалела, что не смогла бы исправить. То, что медленно, мучительно съедало ее живьем.

Теперь мне нужно выяснить, как далеко все зашло.

— Почему ты позволил мне сделать это? Если ты так сильно любишь меня, почему ты не остановил меня?

Я затаила дыхание в ожидании его ответа, надеясь, что я ошиблась, и Мэдди не имела с этой историей ничего общего.

— Если правильно помню, я пытался. Я сказал тебе, что это того не стоило, мне все равно, сидишь ты на скамейке запасных или играешь в команде в качестве капитана, — сказал Алекс.

— Это неправда, — возразила я, подталкивая его к откровенности. Алексу нравилось быть популярным, и Мэдди тоже.

— Значит, ты чувствуешь себя виноватой за что? За то, что напоила ее пивом в прошлом году на одной из моих вечеринок? Хватит об этом, Мэдди. Ради нас обоих, пожалуйста, хватит.

— Я не просто напоила ее, — продолжала я гнуть свое. Ступив на тонкий лед, я сейчас рисковала раскрыть свое истинное «я». Но мне нужна была правда. Мне нужно было знать, что за тайну оставила мне Мэдди, тайну, с которой я теперь вынуждена была жить. — У меня есть таблетки.

— Боже, Мэдди. Почему ты их не выбросила? Почему оставила? — Алекс покачал головой, его тон смягчился. — Ты бросила таблетку в ее пиво в субботу вечером. Вряд ли ты знала, что команду прогонят через тестер перед той воскресной игрой. Вряд ли бы ты сделала это, если б знала.

Я подняла руку, чтобы остановить его. Что было дальше, я знала. Я прочла эту историю пять тысяч раз по заметкам в маленькой коллекции Мэдди. Результат Молли оказался положительным, и ее выгнали из команды. Колледжи, которые хотели заполучить ее себе, пошли на попятную, и она оказалась в реабилитационном центре. И когда она вернулась, никто из ее друзей не захотел иметь с ней ничего общего.

Мэдди не была глупой. Наверняка она осознавала где-то в глубине души, что это была полностью ее вина. И теперь она оказалась в ловушке собственного чувства вины за то, что произошло. Как и я сейчас. Но у нее был Алекс, чтобы помочь ей пройти через это, чтобы сказать ей, что все в порядке. А у меня никого больше не было. Даже Джоша.

— Не понимаю, почему я это сделала, почему мне было не наплевать. Она наш друг, Алекс. Почему я захотела вдруг подложить свинью своей подруге?

Он посмотрел на меня так, будто я сошла с ума.

— Это было начало нашего первого года, Мэдди. Мы наконец-то стали старшекурсниками. Ты была выбрана королевой, а я начал карьеру в футбольной команде. У тебя... у нас было все, что мы хотели, за исключением...

— За исключением чего? Места со-капитана команды по хоккею на траве?

Это было так эгоистично. Во мне смешалась куча эмоций. Я больше не чувствовала сострадания к Мэдди. Я разозлилась, мне стало противно, что моя сестра была такой стервой, такой помешанной на популярности, что смогла поступить так ужасно.

— Да. Это именно то, чего ты хотела, то, чего ты вроде бы еще хочешь. Дженна была вне конкуренции, так что выбор стоял только между тобой и Молли. Ты знаешь, как это бывает, капитан выбирается из членов команды, которые имеют самое большое игровое время, из лучших игроков. Вы и Молли... вы обе были вратарями. Если бы она пропустила воскресную игру или если бы играла дерьмово, потому что была больна, место со-капитана досталось бы тебе. Ты не пыталась разрушить ее жизнь, Мэдди, ты просто хотела лишить ее

шанса стать со-капитаном.

— Конечно же, Дженна вне конкуренции.

Одно упоминание имени Дженны заставляло кипеть мою кровь. Чем больше я узнавала о жизни Мэдди, о своих друзьях, тем меньше мне нравилась Дженна. Она везде совала свой нос, и ее вмешательство никогда не приводило ни к чему хорошему.

— Не обвиняй ее, Мэдди. Она, возможно, и подала идею, но сделала все ты.

— Подожди. Что?

— Ты и я говорили об этом в течение нескольких дней. Я сказал тебе перестать думать об этом. Мне лично все равно, капитан ты или нет. Я не думаю, что это важно и для твоих родителей, или для колледжей, куда ты хотела поступить. Ты играла хорошо, этого было достаточно.

— А Молли играла слишком хорошо, — пробормотала я, вспоминая одну игру Мэдди, на которую я как-то ходила.

Тогда играла и Молли, и она была хороша, если не лучше, чем Мэдди.

— Так и есть. Но знаешь, дело не в Молли. Дело в Дженне. Ты не хотела, чтобы она тебя обошла.

Я уже знала ответ на вопрос, который собиралась задать. Дженна сегодня уже ясно дала понять, но я все равно спросила, желая точно узнать, на чьей стороне Алекс.

— Так она знает. Все это время она знала, что я накачала Молли, и не сказала ни слова? Не пыталась использовать это против меня? Тебе не кажется, что это несколько странно?

Алекс дернулся, как будто то, что я сказала, застало его врасплох.

— Конечно, она знает. Ее старший брат достал для тебя таблетки. И нет, она бы никогда не стала это использовать. Она может быть иногда стервой, это да, но не настолько.

Я подумала о том, чтобы выложить Алексу содержание нашего разговора в уборной, рассказать о маленьком ультиматуме Дженны, но тут же передумала. Я бы тогда выглядела не лучше, чем Дженна.

Но я не собиралась оставлять этот комментарий без ответа.

— Не думаю, что ты знаешь Дженну так уж хорошо, Алекс.

— Может быть, тебя я тоже уже не знаю так хорошо, как раньше.

Он казался отстраненным.

— Возможно.

Больше мы не говорили. Я получила то, за чем пришла. У меня были ответы, которые я искала, но почему-то это знание не помогло. Жить с такой тайной я не была готова. Я не подписывалась на это. Я могла бы играть роль куклы Барби, изображать из себя троечницу, даже интересоваться предметами, которые раньше ненавидела, но это... я не знала, что с этим делать.

И вот я сидела здесь в темноте с Алексом, пока мой мир рушился на части.

— Не знаю даже, что сказать.

Я не смотрела на него, когда говорила, у меня просто не был сил защититься от его эмоций.

— Я не думаю, что надо что-то говорить.

Алекс разорвал газетную вырезку пополам и сунул ее в карман пальто. Он мог бы разорвать каждую бумажку из тех, что хранились в той коробке. Это ничего не изменит.

Он открыл дверь и вышел из машины.

— Иди домой, Мэдди, и забудь об этом. Это не твоя вина, и ты не можешь изменить

случившееся.

Я так не думала. Извиниться перед Молли было бы неплохо для начала.

— Возьми завтра выходной от школы и соберись. Я прикрою тебя, скажу всем, что у прием у врача или что-то в этом роде. Я заеду за тобой в три и заберу тебя на тренировку по хоккею. И в понедельник...

Алекс не закончил свою мысль, но в этом не было нужды. Я знала, что он имел в виду. В понедельник мне придется встать и сделать это снова. Притвориться своей сестрой, попробовать найти способ справиться с пустотой, которая заполняла меня во время всех этих бессмысленных разговоров с подружками... с Дженной.

Я подождала, пока Алекс уйдет со стоянки, и только тогда завела мотор. Ехать домой не вариант. Мама там, и папа, вероятно, пытается выманить ее из их комнаты, увести от коллекции вещей Эллы, которыми она себя окружила. Мне не нужно еще одно напоминание о том, как я все испортила.

Я достала телефон и написала одну ложь, на которую папа непременно должен был купиться.

«Остаюсь у Дженны».

Просто несколько минут, но телефон наконец отозвался простым сообщением: «Повеселитесь».

В ту ночь, час за часом, я нарезала круги по улице, заезжала на нашу подъездную дорожку, потом выезжала обратно. Я бы пошла навестить Мэдди, спрятанную под землей под табличкой с моим именем, но ворота кладбища были заперты, и мне было некуда идти.

Было уже за полночь, когда я остановилась через дорогу от дома Джоша. В доме было темно, уличный фонарь в конце подъездной дорожки был сломан и мерцал как бешеный. Вот тут я и провела ночь — в своей машине, припаркованной через дорогу от дома Джоша, наблюдая, вспоминая и мечтая о том, что все могло бы быть иначе, если бы я знала, когда очнулась в больнице, что он тоже меня любил.

39

Резкий стук в окно разбудил меня. Я подняла голову, откинув ее на спинку кресла. Моя шея болела, но не от резкого движения, а из-за долгого сна на руле.

Стук теперь был мягче, но не менее требовательным. Я протерла глаза и посмотрела в сторону окна. Тонкий слой льда покрывал стекла, и было трудно что-либо увидеть, но в конце концов я смогла разглядеть лицо. Это был Джош. Он был в шляпе и перчатках, с рюкзаком, перекинутым через одно плечо. Я завела мотор и включила печку в машине, прежде чем опустить окна.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

Я посмотрела мимо него в сторону его дома. Ким стояла там, уставившись прямо на меня.

— Я спросил, что ты делаешь здесь, — снова задал вопрос Джош.

— Ничего.

— Иди домой, Мэдди.

— Но... — Я начала спорить, хотела сказать ему, чтобы перестал называть меня так, чтобы он дал мне второй шанс, но Джош отмахнулся.

— Вчера у тебя был шанс. Теперь тебе тут нечего делать.

Я на этот раз не стала ждать, пока он уйдет, я просто не могла видеть, как он садится в машину с Ким. Я включила передачу и уехала, остановившись только тогда, когда пересекла

черту города. Я сидела там в течение нескольких часов, припарковавшись на разделительной полосе с включенным аварийным сигналом, буквально в нескольких шагах от нового города... новой жизни.

Никто не остановился, чтобы помочь мне. Ни один полицейский или добрый самаритянин не остановился, чтобы спросить, не нужна ли мне помощь. Забавно, я просидела там два часа и семнадцать минут, и никто даже не полюбопытствовал. Но стоит две секунды повести себя странно в школьном кафетерии, и вы вдруг оказываетесь объектом всеобщего внимания.

Тысячи мыслей пролетали в моей голове: о Молли, о том, что случайно сделала моя сестра. Я знала, что Мэдди чувствовала вину за то, что она натворила. Я почувствовала это сама, увидев ее в слезах, когда она пыталась спрятаться в ночь вечеринки Алекса. И я лишила ее шанса извиниться перед Молли.

Пустота, которую я изо всех сил пыталась преодолеть, сгущалась вокруг меня, как темное густое облако. Моя сестра, мой лучший друг, тот, кто делил со мной день рождения, исчез. Навсегда. И я сидела там, на обочине дороги, в машине, кричала и плакала, и проклинала сестру за то, что бросила меня. И именно там я приняла решение.

Я развернула машину посреди дороги и, не раздумывая, поехала обратно в школу, к тем людям, перед которыми я хотела извиниться в первую очередь.

На школьной стоянке было тесно. Я могла либо вклиниться между мусорными баками и стоянкой для автобусов перед школой, либо припарковаться на другой стороне игровых полей. Я выбрала стоянку для автобусов; я не планировала оставаться здесь надолго.

Я не стала записываться. Фронт-офис, вероятно, уже отметил, что меня нет. К тому времени, как школьный секретарь позвонит родителям, чтобы узнать, уже все решится. К тому времени они будут знать правду.

Был полдень, и коридоры были переполнены учениками: кто-то стоял у шкафчиков, отыскивая учебник, нужный для следующего урока, кто-то торопился на завтрак. Тот факт, что я была в той же одежде, что и вчера, не остался незамеченным.

Я видела, как на меня показывают пальцем, слышала приглушенные замечания. Мои волосы были собраны в грязный хвост, и то небольшое, что осталось от вчерашнего макияжа, размазалось по лицу. Мне было все равно. Я устала притворяться. Я устала соответствовать. Я... устала.

Двери столовой были закрыты, шума изнутри почти не было слышно. Но я знала, что они там.

Когда я вошла, воцарилось молчание, сто двадцать девять старшеклассников и несколько ребят из младших классов повернули головы в мою сторону. Я не оглядывалась вокруг, я пошла напролом. Молли сидела в конце стола Мэдди, и неизменные три пустых стула стояли между ней и всеми остальными. Алекс сидел там, друзья Мэдди столпились вокруг него, а Дженна ворковала рядом.

Алекс оттолкнул Дженну, когда я вошла, кровь отлила от его лица. На его лице я увидела разочарование — нет, страх — это был настоящий страх.

— Мэдди, — крикнул он, его глаза призывали меня.

Я покачала головой и подошла к Молли. Я доберусь и до Алекса, но не сейчас. Молли была добра ко мне, она предложила мне дружбу и помощь. И она заслуживала быть первой.

Алекс встал со своего места, он понял, что я не собираюсь тихо выйти в холл и ждать его там.

— Это не то, что я называю «залечь на дно», — заметил он.

Я рассмеялась над его словами, то был странный смех, и даже меня он застал врасплох.

— Я не пытаюсь залечь на дно, Алекс.

«Я пытаюсь исправить то, что натворила», — мысленно произнесла я.

— Сожалею, что отняла у тебя Мэдди, но, к сожалению, я не могу быть девушкой, которую ты когда-то любил.

— Позволь мне отвезти тебя домой. Мы можем поговорить об этом там.

— Нет, я не хочу говорить об этом. Хватит.

— Никто не ждет, что ты будешь прежней Мэдди.

— Я ждала, Алекс. Я пыталась, правда. Ради тебя, ради моих родителей, ради всех, я пыталась.

Я достала рисунок, который нарисовала для Мэдди три года назад, и протянула ему. Я полтора часа искала его в тот день, но нашла-таки его под грудой старых кукол Барби в моем шкафу.

— Не лучший рисунок, но это твое.

Его глаза требовали объяснения. Я сглотнула и сосчитала до трех, а потом сказала ему правду:

— Я больше не могу быть ей. Это слишком больно. Я не хочу тратить свои дни, пытаюсь одеваться, вести себя и говорить, как моя сестра. Я хочу провести их, вспоминая, как она ненавидела мою собаку и как любила лавандовый шампунь. Я хочу оплакивать ее, скучать по ней, и хочу, чтобы все знали, как больно мне потерять Мэдди, понимаешь?

Он покачал головой в шоке от услышанного, и, наконец, осознал это и прошептал мое имя:

— Элла?

Я кивнула и бросила на Дженну быстрый взгляд. Она положила руку на плечо Алекса, как будто в ее поддержке он сейчас нуждался.

— Она права. Ты заслуживаешь большего, чем я могу тебе дать.

Глаза Дженны расширились в ответ на мой комментарий, и она придвинулась ближе к Алексу, как будто сообщая мне, кому он теперь принадлежит.

— Знаю, ты думаешь, что хочешь Дженну. Что она нужна тебе, — продолжила я. — Но это не так. Поверь мне, она заберет у тебя все доброе и уничтожит, а Мэдди не хотела бы этого.

— Да как ты смеешь..., — начала Дженна, намереваясь сказать мне, как же я ошибаюсь. Я оборвала ее.

— Мне тебе нечего сказать. Ты холодна и расчетлива, и не стоишь моего времени.

Я отошла, решив, что с ними покончено. Молли сидела и глядела на меня с искренней улыбкой.

— Чувствуешь себя хорошо, не так ли? — сказала она.

Я кивнула. Я чувствовала себя прекрасно, я, наконец, сказала правду, высказала все Дженне, уничижительные комментарии которой выслушивала столько лет.

— Но это тебе я должна самое большое извинение.

— Нет, не должна. Я понимаю, почему ты держала дистанцию. — Молли пинком отодвинула стул напротив и жестом пригласила меня сесть. — Но сейчас это неважно.

Я задвинула стул обратно и увидела, как надежда медленно отхлынула от ее лица. Она подумала, что я собираюсь сесть рядом и быть ее другом, наплевав на то, что с ней не

общается другой конец стола. Но я еще не рассказала ей всей правды.

— Если хочешь, есть место за тем столом, — сказала я и указала на стол, где всегда сидели Джош и я. — Знаю, это не исправит то, что случилось в прошлом году, но я подумала, настоящие друзья и извинение — совсем неплохо для начала.

Она посмотрела на меня в замешательстве.

— Я не понимаю, — пробормотала Молли.

— Я тоже не понимала до прошлой ночи. Ты была претендентом на место со-капитана в команде по хоккею. Ты хороший игрок, наверное, даже лучше, чем Мэдди. А на другой чаше весов была...

— Дженна, — закончила за меня она.

— Если бы ты вышла на поле с похмелья или больной, если бы ты пропустила воскресную игру, то наверняка потеряла шанс стать со-капитаном. И, в конце концов, ты играла дерьмово весь первый период, так что тренеру ничего не оставалось, как вышвырнуть тебя из команды.

Ее глаза метались между мной и Дженной, и я могла поклясться, что увидела вспышку понимания в ее глазах.

— Что ты пытаешься сказать?

— Мэдди что-то подсыпала твое пиво в субботу вечером. Она хотела, чтобы ты заболела и не смогла играть. Я не думаю, что она знала, что команду будут проверять на тестере, я не могу поверить, что моя сестра...

Она смотрела на меня так, будто я была инопланетянкой, словно я сама не понимала, что несу.

— Я сожалею. Понимаю, это уже ничего не исправит, но я не знаю, что еще сказать. Не знаю, что было бы тут правильным.

Молли покачала головой, ее взгляд был полон неверия.

— Я не понимаю. Ты, то есть Мэдди, разговаривала со мной на вечеринке перед тем, как уйти. Она сказала мне, что заберет меня рано утром на следующий день, чтобы мы могли посмотреть на свипера¹³ Линкольн-Хайтс. Она была одной из лучших в штате, и если бы мы отыскивали ее слабые места, то уложили б ее на лопатки.

— Она до сих пор лучшая, — сказала я.

Я хорошо знала девушку, о которой говорила Молли. Мэдди боготворила ее, постоянно говорила о ней во время хоккейного сезона. Мэдди хотела быть хотя бы в половину такой крутой, как она.

— Кроме того, что теперь она играет за Бостонский колледж, а не за Линкольн.

Мои слова, наконец, настигли ее, стул упал на пол позади нее, когда она наклонилась через стол, так что ее лицо оказалось всего в нескольких дюймах от моего.

— Кто знал? — Ее голос задрожал, слова с трудом пробирались наружу. — Кто еще знал, что она меня опоила?

Алекс сделал шаг ко мне, Дженна упала на стул за его спиной. Алексу нечего было бояться. Он не принимал никакого участия во всем этом. На самом деле, он даже пытался отговорить Мэдди. А что касается Дженны, она все-таки не стоила усилий.

— Никто, — сказала я, и, клянусь, я услышала коллективный вздох облегчения. — Никто об этом не знал. Но мне очень жаль. Мэдди и я, мы обе хотели бы, чтобы ты знала.

Молли упала на стол, обхватив руками голову, пытаюсь принять все то, что на нее свалилось.

— Здесь, — сказала я и бросила на стол письмо.

Я написала его прошлой ночью перед домом Джоша. В нем рассказывалось, что моя сестра сделала Молли и почему. Я зашла так далеко, что свалила всю вину на Мэдди, на мою Мэдди, которая будто бы одна состряпала этот сумасшедший план. Не ради Дженны — мне плевать на нее, — а ради Алекса. Дженна, безусловно, свалит всю вину на него. Я не хочу разрушить его шансы играть в колледже в футбол, как Мэдди разрушила шансы Молли играть в колледже в хоккее на траве.

Я подписалась именем сестры и поставила дату — день до аварии. Я понимала всю боль и чувство вины, которые Мэдди носила в себе, ее желание сказать правду, и страх, сопутствующий этому желанию. Это был мой способ дать ей прощение и чувство покоя, позволить ей извиниться перед Молли, как она хотела... как планировала. Плюс, я надеялась, что Молли могла бы использовать это письмо, чтобы попасть в колледж, чтобы обрести второй шанс.

— Я не знаю, поможет это или нет, но там все написано. То, что Мэдди с тобой сделала, непростительно, и я думаю, что она знала это. Я думаю, именно это она и хотела сказать тебе той ночью на вечеринке.

«Той последней ночью в ее жизни», — добавила я тихо.

— Но я сожалею, что врала тебе, врала всем.

Я повернулась и пошла к выходу. Я намеревалась убраться из кафетерия, убраться из школы, прежде чем растеряю храбрость, которая была нужна мне, чтобы признаться во всем родителям.

Я сделала всего несколько шагов к двери, а столовая погрузилась в хаос, все заговорили и схватились за телефоны. Меньше чем через несколько секунд все, что я сказала, будет достоянием всего мира, загруженное и отправленное всем и каждому... в том числе и моим родителям.

40

К дверце холодильника была прицеплена записка. Буковки были маленькие и прыгали туда-сюда, но я поняла, что писала мама. Она уехала в офис с папой. У него было еще несколько рабочих часов, а потом у них должна состояться встреча с психологом. Адрес был написан под именем консультанта — на всякий случай, если я захочу присоединиться. Я не собиралась. Ни один консультант, ни одна куча дипломов в рамочке не поможет мне выбраться из ямы, в которую я сама себя зарыла. После этого они собирались поужинать. Мама сказала, что позвонит и даст мне знать, куда они поедут, если Алекс и я захотим присоединиться к ним после игры. Я не хотела.

Я посмотрела на часы на микроволновке — 1:00. Я никогда не бывала у психолога раньше, но родители точно проведут у него какое-то время. Им многое нужно было обсудить, в основном, все вопросы касались меня. Наверное, это займет около часа, может, больше, если мама будет плакать. Таким образом, у меня была пара часов до встречи с ними.

Я схватила телефон и выключила его, вытащила аккумулятор и засунула телефон в верхний ящик моего стола. Я не хотела ни с кем разговаривать, по крайней мере, пока не решу, что сказать родителям.

Я забралась в свой шкаф и достала свою любимую пару джинсов, те, что Джош и я разрисовывали, когда нам было скучно на уроках истории. Каждый символ, каждый символ и каждая глупая цитата несли в себе воспоминания. Я хотела закутаться в них и унести их с собой. Я надела фланелевую рубашку Мэдди. Она была мягкой и удобной, Мэдди ее обычно

надевала в выходные. На рукаве было пятно от помады. Рубашка еще хранила ее запах — лаванда и ваниль, и даже какой-то легкий аромат одеколona Алекса, казалось, навсегда ставший частью ее собственного запаха. Толстовка, которую мне дал Джош, висела на спинке стула внизу. Я схватила ее и накинула на себя, зарывшись носом в длинные рукава и вдыхая знакомый запах — чернильный запах Джоша.

Было так хорошо окружить себя теплыми ароматами двух людей, которых я любила больше всего на свете, и не переживать по поводу волос и макияжа. Я снова была сама собой. Единственное, чего мне не хватало, — кроссовок и моего этюдника. Мне потребовалась минута, чтобы отыскать их.

— Эй, Бейли, — сказала я и взъерошила его шерсть. — Ты узнал меня с самого начала. Никто не узнал кроме тебя.

Он обнюхал мои руки и перевернулся, взглядом прося меня почесать ему живот. Я взяла коробку с лакомством, которую мама так и не убрала с моей тумбочки. Я спрятала всю коробку под одеяло. Если Бейли доберется до нее — это будет мой ему подарок за то, что целый месяц он провел без меня.

— Увидимся, дружище. Оставайся здесь и поищи свои вкусняшки.

Я оставила его там откапывать лакомство на кровати и вернулась в комнату Мэдди, чтобы захватить сумочку. Я замерла, когда увидела на кровати платье, завернутое в прозрачный пластик. На ярлычке, прикрепленном к застежке, была надписана сегодняшняя дата. Неудивительно, что я не сумела найти платье, которое Мэдди собиралась надеть на Снежный бал. Она заказала его за неделю до смерти.

Оно было коротким и черным, и рядом с ним стояла пара новых туфель на каблуках. Поверх платья лежала записка от мамы. Она просила меня примерить и сообщить ей, нужно ли что-то изменить. Я знала, к чему она клонит. Я после аварии плохо ела и сбросила вес.

Я отложила записку и взяла в руки серебряную коробочку, лежавшую рядом с платьем. Внутри оказалась пара сережек с бриллиантами и соответствующий кулон. Я узнала их. Бабушка отдала их маме перед смертью.

Коллекция воспоминаний Мэдди все еще была в шкафу, заметки о Молли все еще были спрятаны под матрасом. Я собрала все, что касалось Молли, порвала бумажки на мелкие кусочки и выбросила их в мусорное ведро, а таблетки смыла в унитаз. Я не хотела, чтобы мама и папа узнали, что натворила Мэдди. Пусть ее образ останется в их памяти незапятнанным. Но это уже было не в моих силах. Это зависело от Молли, и неважно, что она сделает с информацией, которую я ей дала, я не отвернусь от нее, буду ей другом, которого она заслуживает.

Я направилась в комнату родителей, чтобы оставить им записку. Когда я была там в последний раз, мама разложила мои рисунки на полу. Они были все еще там, но теперь аккуратно сложены на тумбочке отца. Я рылась в них, пока не нашла мой любимый. Это был набросок качелей, висевших во дворе Джоша. Канат был изодран, от шины ничего не осталось, но я любила эти качели.

Я перевернула скетч, мои руки зависли над пустой страницей, я не знала, что писать. Короткое «Простите меня» казалось слишком простым; правда была слишком сложной. И я написала так: «Я — Элла».

Я оставила записку на кровати родителей, где мама точно ее найдет. Конечно, когда я вернусь домой, буду вопросы, и я понятия не имела, как на них ответить. Мне бы хотелось просто все им рассказать, а потом молиться, чтобы они нашли силы простить меня.

Пути назад не было. И я понимала, сказав родителям, что я не Мэдди, я могу разбить их сердца. Маме нужна Мэдди, не Элла... не тихая, независимая Элла, которая всегда держалась от них поодаль. Но я больше не могу так, не могу вставать каждое утро и притворяться такой, какой я никогда не хотела быть.

И Джош, ну, я была уверена, что тут я просто облажалась. Но в конце концов, у него есть Ким. Она была простой и верной, и старалась угодить ему. Она может сделать его счастливым так, как я никогда не смогла бы.

41

Тут всегда было холодно и влажно. Неважно, в какой день я приходила, неважно, какой была погода, когда я собиралась выезжать из дому, казалось, здесь всегда холодно и сыро. Может быть, это было предзнаменование. А может, просто типичная для Род-Айленда ноябрьская погода.

Гранитная плита с моим именем на ней блестела под дождем, его капли, как крошечные драгоценные камни, отражали свет, которого не было. Это напомнило мне о Мэдди, напомнило ее браслеты и всякие блестящие шгуки, которые она носила. Даже в смерти, даже погребенная под шестью футами земли, под надгробием, на котором было написано не ее имя, моя сестра ухитрилась заставить это место сиять, как сияла она.

Я закрыла глаза и сосчитала до пяти, прежде чем произнести слова, которые я сдерживала в себе так долго.

— Я Элла. Я — не ты. Я никогда не могла бы быть тобой. Я никогда не хотела быть тобой. Я старалась... для тебя, пыталась, но я больше не могу.

Облегчение и боль боролись во мне, эти простые слова были мучительным напоминанием о том, что я сделала. Вздохнув, я закрыла глаза и приняла правду. Это было то, чего я хотела. Это было то, что я должна была сказать в ту секунду, как поняла, что я не моя сестра и не могла ею быть.

— Я. Элла. Лоутон.

Я сказала это снова, упиваясь звуком моего собственного имени, ощущением полного умиротворения, которое приносил мне этот звук.

Теплая рука задела мое плечо, и я ахнула. Я думала, что одна, думала, что у меня будет больше времени, чтобы отрепетировать свое признание, прежде чем открыться всему миру.

— Эй, Элла, — сказала она. — Приятно познакомиться с тобой, так сказать, официально.

Молли протянула руку, и я растерянно пожала ее.

— Я говорила правду там, в кафетерии. Я действительно не Мэдди, — произнесла я, не понимая, почему она не злится на меня, не называет меня сумасшедшей из-за того, что я притворялась своей умершей сестрой.

— Знаю. Вся школа знает. Ты была очень красноречива в кафетерии.

— Почему ты здесь? Как ты узнала, что я буду здесь? — Я ожидала, что сначала Джош найдет меня.

Его не было в кафе, когда я извинялась перед Молли и Алексом, но, полагала, новости он узнает скоро. Я даже тайно мечтала, чтобы мои родители пришли сюда после того, как нашли мою записку. Но я никогда не думала, что первой будет Молли — девушка, чью жизнь моя сестра практически уничтожила.

— Я не закончила с тобой в кафе. Тебя не было дома, поэтому я спросила Джоша, где тебя можно будет найти. И он сказал, что ты, скорее всего, будешь здесь, так что... — Молли

развела руками, словно такого объяснения должно было быть достаточно. Но это было не так.

— Джош, ясно, — протянула я. Он был моим лучшим другом, конечно, он знал, где меня найти. Он знал меня много лет, знал меня лучше, чем я сама себя. — Но почему ты пришла?

Молли упала на землю рядом со мной, не заботясь о том, что пачкает свои белые джинсы.

— Ты не можешь обменять одну жизнь на другую. Поверь мне, Элла. Жизнь Мэдди... ты не хочешь этого.

Я знала это. Всеми фибрами своего существа я осознавала, что мне никогда не быть Мэдди.

— Так почему ты сейчас не злишься? — Я уже подготовила себя к потокам гнева, который неизбежно должен был вылиться на меня после того, что я натворила. А с этим... этим спокойным пониманием я справиться не могла. — Я солгала тебе. Обманула всех. Почему ты не злишься?

Молли пожала плечами.

— Не знаю. Может, мне нравилось смотреть, как Алекс носится вокруг тебя, и вообще ты мне всегда нравилась, Элла. И мне приятно, наконец, обрести такого друга, как ты. Снова.

— Думаешь, все будут меня ненавидеть? Родители? Про ненависть Джоша я знаю.

— Джош? Ненавидит тебя? Никогда. Он простит тебя. Он не сможет тебя не простить. Он запал на тебя в тот день, когда Мэдди усадила тебя к нему за столик. Вся школа в курсе.

То есть, знали все, кроме меня.

— А что насчет...

— Твоих родителей? — прервала она, и я кивнула. — Нет. Без сомнения, они будут в шоке. Они будут винить себя. Я знаю, так было с моими родителями. Но, в конце концов, вы разберетесь.

Молли понимала мои переживания. Она знала, как тяжело было восстанавливать жизнь, имея за спиной прошлое, о котором больше всего на свете ты хочешь позабыть.

— Я не знаю, что делать.

— Я знаю. — Ее голос был наполнен уверенностью, которой я никогда у нее не слышала, и я стала молиться о том, чтобы хотя бы крошечная ее частичка перешла ко мне. — Ты встанешь с этой мокрой земли, оставишь позади жизнь сестры и начнешь жить своей жизнью. Я не собираюсь лгать, это будет отстой. Люди будут коситься на тебя, называть тебя душой и эгоисткой. Не исключено, если Дженна скажет, что ты притворилась Мэдди ради популярности и для того, чтобы быть с Алексом. Но я буду там, чтобы помочь тебе.

Она замолчала и оглянулась.

— И он будет там, чтобы помочь.

Я проследила за ее взглядом и увидела Джоша. Я знала, что он слышал все, что я сказала, всю мою исповедь, все мои опасения, ведь то, что я сказала Молли, я говорила и ему.

— Он был там все время? — спросила я.

— Да, — кивнула Молли. — Думаешь, он бы позволил мне прийти в одиночку? Фигушки. Как я уже сказала, он сделает для тебя все.

Молли встала и отряхнула, сколько смогла, грязь с брюк, затем сделала шаг назад.

— Если хочешь знать, я думаю, Алекс всегда знал, что ты не Мэдди. Ему просто было плевать. Вот почему он так упорно боролся за ваши «идеальные» отношения, вот почему тебя прикрывал.

Я поняла, что она пыталась сказать. Он хотел Мэдди, хотел, чтобы я была Мэдди так сильно, что просто предпочел не замечать правды, скрывать ее, как скрывала ее я.

Последний обнадеживающий кивок, и Молли повернулась и пошла прочь. У своей машины она обернулась.

— А что насчет истории о твоей сестре и наркотиках? Так вот, что было, то было, давай покончим с этим. Этот секрет будет похоронен с Мэдди.

— Спасибо, — сказала я.

Я и так уже запятнала имя сестры. Я не хотела причинить ей еще больше страданий.

42

Я обвела взглядом почти пустое кладбище. Когда я очнулась в больнице, когда все, включая меня, думали, что я Мэдди, вокруг меня были десятки людей, и все они ждали, когда я открою глаза. И вот я вернула Эллу обратно, и рядом с ней в этот момент были только Молли и Джош. Но почему-то это казалось само собой разумеющимся. Человек, который значил для меня больше всего на свете, стоял в паре надгробий от меня, ждал, когда я сделаю первый шаг.

Джош протянул руку и мягко поманил меня. Он был последним, кого я хотел обидеть, и все же я не подумала о нем, когда решила жить во лжи. Я не сдвинулась с места, и тогда он сам подошел ко мне.

— Эй, Элла.

— Мне так жаль.

Звучало невероятно глупо, но я это сказала. Мне было жаль Молли, которой моя сестра причинила боль. Я жалела о том, что решила жить жизнью Мэдди. Жалела о том, что врала родителям. И о том, что не призналась Джошу с самого начала.

Я взяла его за руку и позволила ему теплу успокоить меня. Я не знала, кто из нас сильнее нуждался в физическом контакте, но мне было все равно. Нам обоим нужна была уверенность в том, что все это реально, я, наконец-то, призналась и готова исправить свою жизнь.

Я повернулась и посмотрела ему в глаза, молча поблагодарив его за то, что он здесь и не отказался от меня.

Его глаза не были красными, как у меня, но они блестели, и я поняла, что он тоже плакал.

Я провела рукой по его щеке. Она был мягкой и сильной, как и сам Джош. Он уставился на меня, его взгляд казался далеким и печальным, казалось, он не верит или слишком боится поверить в то, что я — это я. Я не могла его винить. Меня не было так долго.

Я бы никогда не прикоснулась к нему вот так — мягко, интимно, как будто он значил для меня больше, чем все остальное в этом мире. Он и значил для меня больше, чем другие, и, если бы он выслушал меня, дал мне второй шанс, я бы сказала ему.

— Я тоже люблю тебя, — прошептала я. — С того дня, как Мэдди нас познакомила. Это был ты.

Глаза Джоша засияли в ответ на мои слова, и он сжал мою руку.

Его молчание беспокоило меня.

— Это я. Элла. Я не собираюсь притворяться Мэдди. Ни с тобой, ни с родителями, ни с

кем, — пообещала я.

Джош посмотрел на надгробие, посмотрел на мое имя на нем. Его рука дрожала в моей, и я просто боялась разрушить эту тишину всепрощения словами. Снова пробормотав извинения, я отвернулась.

— Я был зол на тебя, Элла, я злился, что ты солгала. Мне было обидно, что ты не доверяешь мне, но мои чувства к тебе не менялись. Мне жаль, что я не был в больнице, когда ты очнулась, жаль, что я не остался с Алексом и не убедился в том, что ты — это ты.

— То, что я сделала... почему я это сделала, не было никак связано с тобой. Не надо извиняться. Ты не сделал ничего плохого.

— Я все сделал не так, — возразил Джош. — Я должен был сказать тебе, что люблю тебя, в ту же минуту, как понял, что это так. Я должен был говорить тебе это каждый день. Я должен была заставить тебя пойти к родителям и сказать им, что ты не Мэдди, в ту же минуту, когда сам это осознал. Я должен был сказать им сам. Должен был...

Я прижала палец к его губам, заставив Джоша замолчать.

— А я не должна была лгать.

Слезы, которые он пытался сдержать, в конце концов, потекли из его глаз, но взгляд светился надеждой и обещанием.

Все, в чем я нуждалась, было прямо там — в его взгляде. Если у меня будет Джош, все остальное — авария, смерть Мэдди, моя ложь — решится наилучшим образом.

— У меня есть кое-что для тебя.

Джош отнял свою руку и залез в передний карман брюк. Его пальцы сжались вокруг какого-то предмета. Предмет был такой маленький, что, когда Джош его достал, я не смогла его разглядеть.

— Что это? — спросила я.

Он раскрыл ладонь, и я увидела в его пальцах тонкую цветную нить. Браслет. Я взяла его в руки и стала разглядывать, пока не нашла то место, где врачи скорой разрежали его — то место, где Джош попытался его заново склеить.

— Откуда ты это взял? — спросила я

— Когда я приехал в больницу, то стал рассматривать ваши руки, чтобы увидеть, на ком из вас есть браслет. Но врачи срезали его. В холле была куча твоих... ваших вещей. Я нашел его и забрал.

— Почему?

Джош пожал плечами.

— Я захотел.

Я вернула ему браслет и протянула руку.

— Нет, дай мне ногу, — сказал он, опускаясь на колени в мокрую траву. Я чувствовала его руку на своей лодыжке. Она дрожала, как и у меня. — Я сделал все, что мог, чтобы починить его, — сказал он и затянул последний узелок. — Знаю, он неидеален, и я завтра куплю тебе браслеты для рук, но мне хочется, чтобы ты носила и этот тоже.

В его глазах уже не было слез, в них светилось нервное ожидание.

— Я скучал по тебе, — сказал он и встал, проводя рукой по моим влажным волосам. Он был так близко, что я могла увидеть серые пятна в его зеленых глазах. — Я так долго этого ждал, Элла, и я дважды едва не потерял тебя.

Полагаю, и я должна была подождать, пока Джош преодолеет это расстояние в два дюйма между нами. Но мой живот уже скрутило в предвкушении, мои мысли замерли. Я

ждала этого момента так долго, так долго о нем мечтала.

Игнорируя свой страх, я протянула руку и провела рукой по его волосам, притягивая его к себе, пока он не понял, чего я хочу. Я не хотела больше ждать. Я не хотела потерять больше ни секунды, борясь со страхом или неуверенностью.

Он замер, когда его губы коснулись моих, его слова и дыхание согрели меня.

— Я люблю тебя, Элла Лоутон. Ты можешь ничему не верить, но мне нужно, чтобы ты поверила хотя бы в это.

Я покачала головой, а он носом смахнул с моего лица слезы. Мне хотелось плакать. Мне нужно было поплакать. Оплакать свое прошлое, свое будущее, оплакать его.

— И я тебя тоже люблю. — Эти слова были продолжением меня, и каждый их слог означал для меня спасение.

Я сначала услышала, а потом увидела, как рядом останавливается автомобиль, шины еще шуршали, а двери уже открылись.

Они не удосужились даже заглушить мотор или закрыть двери. Они вышли из машины и бегом подбежали к нам.

Джош схватил меня за руку, видимо, все еще боясь, что я передумаю. Но пути назад не было. Они уже знали; мама держала мою записку в руках.

Они выглядели такими странными, грустными и надеющимися одновременно. Мама улыбнулась — и это была первая счастливая улыбка за несколько недель, и она предназначалась мне. Папа произнес мое имя, мое настоящее имя, потом кивнул. Они знали, кто я, что я сделала, и они пришли за мной.

— Привет. — Глупо было так начинать разговор, но это все, что я смогла из себя выдать — слишком много мыслей разом крутилось у меня в голове.

— Это Элла. Элла, это твои родители, — сказал Джош, и я засмеялась его попытке сгладить напряженное молчание.

Папа хмыкнул в ответ, потом протянул руку в насмешливом жесте приветствия.

— Хорошо, что ты вернулась. Я твой отец, а эта прекрасная леди рядом со мной — твоя мама.

Я взяла папу за руку, понимая, что сейчас он меня обнимет. Я позволила ему, уткнулась в его грудь и обняла так крепко, будто он — единственная прочная вещь в этом мире.

— Мы скучали по тебе, — донесся до меня шепот, и я подняла голову, глядя на маму. Она наклонилась и поцеловала меня в макушку.

Я высвободилась, пытаюсь понять, почему они не злятся на меня. Я ожидала гнева... за несчастный случай, за ложь, за то, что уничтожила их память о Мэдди. Я была готова к этому, была готова принять это. Но молчаливое прощение... я не знала, что с ним делать.

— Вы не сердитесь, — пробормотала я, глядя то на маму, то на папу.

Я ждала, кто первым на меня сорвется. Но они и не собирались. Мама покачала головой, и папа снова раскрыл объятия, предлагая мне тепло и надежность.

— Почему? Я не понимаю, почему ты не злишься?

— Нам очень жаль, что ты решила так поступить. Жаль, что ты даже на секунду решила, будто Мэдди для нас важнее, чем ты. Мы растеряны и подавлены тем, что не узнали тебя сразу же, как ты очнулась, но мы не злимся на тебя, Элла. Мы не можем.

Элла. Мама назвала меня Эллой, и меня вдруг затрясло, когда я поняла, что с ложью покончено. Я с трудом вдохнула, и еще, и еще, и мое сердце, душа и все мое существо вдруг словно освободилось из оков, потому что теперь все знали: я — Элла Лоутон.

Я протянула руку и затащила Джоша в наш круг.

Почему-то я знала, что теперь все будет в порядке. Все, что нужно, было здесь, рядом со мной. А что до Мэдди, она была моей сестрой, моей первой и лучшей подругой. Здесь или нет, она часть меня, и она останется со мной навсегда.

Как и сказала Молли, легко не будет — будут сплетни и вопросы, и ужасная семейная терапия, — но я была согласна на все, потому что прямо там, стоя на могиле моей сестры, я буквально начала жить заново.

ЭПИЛОГ

У меня оставалось еще несколько нераспакованных коробок, большинство из них — с туалетными принадлежностями, на которых настояла мама. Комната была меньше, чем я ожидала — прямо коробка для обуви с двумя одинаковыми кроватями, двумя столами и двумя шкафами. Мне удалось втиснуть в это небольшое пространство столько, сколько я могла, но даже учитывая, что я отправила домой с родителями целый чемодан одежды, здесь все равно было тесно.

Вот куда я должна была спрятать годовой запас тампонов? Понятия не имею. Я запахнула их под кровать, где уже лежали семь тысяч кусков мыла и тюбиков зубной пасты.

Я сделала бы все, о чем просила мама, — жила бы всю жизнь с тампонами и мылом под кроватью, звонила бы ей каждый вечер — только чтобы забыть, наконец, о том, что натворила.

По словам мамы, это был мой шанс начать все заново, начать жизнь заново, в мире, где никто не знал о моем прошлом. Но я не буду одинока. Теперь у меня будет соседка.

Она еще не приехала. Ее звали Сэди Роуз, и она была из Остина, штат Техас, или во всяком случае, так было в том письме, которое я получила в июле. В сообщении даже было вложено фото, но по нему о Сэди можно было мало что узнать. Она была блондинкой и, видимо, обожала густую черную подводку для глаз.

Мы обменялись парой писем, в основном, на тему, кто везет мини-холодильник, а кто — микроволновую печь. Она казалась милой.

Сэди написала мне сегодня утром. Ее рейс отменили, и она писала, что прилетит, скорее всего, завтра. Для меня так было даже лучше. Будет время подумать, что ей о себе рассказать.

Я оставила ее сторону совершенно нетронутой, заняв только половину пространства размером десять на двенадцать футов. Я надеялась, что Сэди все равно, на какой стороне комнаты расположиться, и что ей места хватит, иначе это был бы отстой.

Дверь в мою комнату открылась, но я не стала оборачиваться, чтобы посмотреть, кто это. Я уже знала.

Он заходил ко мне пять раз за последние полчаса, пытаясь выяснить, как установить деревянный пинборд, который я привезла из дома.

— Парень в магазине сказал, что это должно работать, — Джош показал мне двусторонний скотч. — Хотя я до сих пор не понимаю, почему ты не сделаешь, как предложил папа, и не прислонишь его к окну.

Я пожала плечами.

— Мне так нравится больше.

Мама подарила нам с Мэдди доски в наш первый учебный год. Она сказала, что это идеальный способ записывать что-то важное, не портя стены. Мы все равно убивали стены, приклеивали клеем или прицепляли кнопками фото и все такое, но это не мешало нам с

помощью нашей доски объявлений записывать важные события дня.

Перед отъездом я скомбинировала содержимое двух досок — прицепила к своей доске старый билет на концерт и фото Мэдди с ее командой по хоккею на траве. Еще там была наша с Молли фотография за день до ее отъезда в университет, смятый рисунок дерева, который дал мне Джош, и наши фото с выпускного — не формальные, а сделанные мамой Джоша уже когда мы ехали домой. Центром всего этого были ключи от машины Мэдди, от синей «хонды», которая чуть не унесла наши жизни, и визитка консультанта, которого мама нашла для меня в этом городе. Я не хотела просто прицепить эти вещи к стене. Я хотела, чтобы они были все вместе, в упорядоченном виде. Это была комбинация ее и моей жизни, и я использовала все эти вещи, чтобы напомнить себе, какими похожими и, как ни странно, разными были Мэдди и я.

— Ладно, — вздохнул Джош, бросая ленту на стол. — Если это важно для тебя, то я найду способ прицепить этот пинборд на стену, пусть даже мне самому целый год придется стоять и держать ее там.

Я засмеялась. Мысль о том, что Джош может застрять в моей комнате — в моей жизни — на следующие четыре года, меня не пугала. Скорее, наоборот.

— Что смешного? — спросил он.

— Ничего. Ты.

— Замечательно, — пробурчал он, упал на мою кровать и протянул ко мне руки. Его взгляд метнулся к незастеленной кровати рядом с моей, обежал пустую комнату. Я знала, что он скажет еще до того, как Джош заговорил.

— Ну, и когда уже объявится твоя соседка?

— Нескоро, — сказала я, устраиваясь в его объятьях. — Она написала мне утром. Ее рейс отменили, так что она прилетит завтра.

— Отлично, — сказал Джош, прижимая меня к своей груди. — Родители моего соседа по-прежнему здесь, так что в моей комнате пока для меня места не хватает.

Я познакомилась с его соседом, когда вышла с родителями из машины. Они хотели перед отъездом зайти в номер Джоша и попрощаться с ним. Они заставили его бесчисленное множество раз пообещать, что он будет заботиться обо мне и позвонит им, если я замкнусь в себе или начну грустить. Моя замкнутость пропала в тот день, когда я, наконец, призналась всему миру, кто я такая — в тот день, когда я обрела жизнь и позволила себе оплакать сестру. Но это не помешало маме и папе носиться со мной и опекать.

— Какой он? — поинтересовалась я.

— Кто, Тодд? — Джош вытянулся на кровати и закатил глаза. — Ну, представь себе. Ему было все равно, что я заехал первым и уже разложил свои вещи. Мне пришлось собрать вещи снова и разложить их на другой стороне комнаты, потому что, понимаете ли, у него должна быть своя, правильная сторона. Все... его галстуки, шкафы, даже его постельное белье подобрано по цвету. Он заставил маму забрать домой телевизор и DVD-плеер, потому что, как он сказал, это будет его отвлекать, а если мне хочется пошуметь, то я могу сделать это в общем холле.

Я ничего не могла с собой поделать — я рассмеялась при виде разочарования, написанного на его лице.

— Ох, сейчас будет еще лучше, — сказал он очень серьезно, и я постаралась спрятать улыбку и выражение восторга.

Я не знала, что он еще скажет, но я ободряюще взмахнула рукой, счастливая оттого, что

он — что мы — были, наконец, здесь и говорили о нормальных вещах, вроде соседей по комнате и пинбордов, а не об умерших сестрах и лжи.

— Насколько лучше?

— Тодд имеет, я бы сказал, нездоровое пристрастие к импрессионистам. Моя комната теперь покрыта пастелью.

Мое хихиканье переросло в хохот. Джош попробовал сделать вид, что разозлен, и даже ткнул меня в попытке заставить замолчать, но даже он не удержался от улыбки.

— Что насчет твоих комиксов и манги? Я так понимаю, он твоего таланта не оценил.

— Оценил? По его словам, комиксы — для достигших половой зрелости мальчиков с недостатком родительского внимания и комплексом супергероя. Да... мы просто идеально подходим друг другу.

— Ага-ага, я так и подумала, — сказала я.

Два месяца, а потом кто-то из них не выдержит и просто потребует нового соседа. Но наверняка это будет не Джош. Джош может проводить время здесь, развалившись на моей кровати, изучая и рисуя.

Я взяла банку газировки с подоконника и подняла ее, сказав тост:

— Надеюсь, моей соседке по комнате ты понрависься. Судя по тому, что я слышала, тебе придется практически жить здесь.

Джош забрал газировку из моих рук и поставил ее обратно на подоконник. Я знала, что он делает. Я видела этот взгляд сотни раз: искры веселья, скрытые за намерением. Его губы были в сантиметре от моих, его руки опустились на мои бедра, и он выдохнул:

— Таков план, Элла. Быть здесь, с тобой — таков и был мой план.

КОНЕЦ ИСТОРИИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[←1]

Прим. пер.: в рамках программы досрочного отбора (early admission) ученик старшей школы, отвечающий всем конкурсным требованиям к поступлению, может быть зачислен в университет на очную форму обучения до окончания школы.

[←2]

Прим. пер.: «Маунтин Дью» — безалкогольный сильногазированный прохладительный напиток, торговая марка американской компании «Pepsi Co».

[←3]

Прим. пер.: грубое деревянное кресло, названное так по месту отдыха своего создателя. Адирондак — горный массив в Америке.

[←4]

Прим. ред.: очевидно, имеется в виду одна из так называемых «Энциклопедий для девочек/мальчиков», в которых подросткам рассказывается в доступной форме об анатомо-физиологических особенностях их тела и половом созревании.

[←5]

Прим. пер.: «Семейка Брейди» — американский комедийный телесериал 1970-х годов.

[←6]

Прим. пер.: «К востоку от Рая» — роман американского писателя Джона Стейнбека.

[←7]

Прим. пер.: католический частный элитный университет, основан в 1842 году

[←8]

Прим. пер.: «7-Эleven» (англ. 7-Eleven) — сеть магазинов по всему миру, работающая с 7 утра до 11 вечера (отсюда и название). Имеют несколько собственных торговых марок продуктов.

[←9]

Прим. пер.: «Слурпи» (англ. Slurpee) — одна из оригинальных торговых марок магазинов «7-Эleven», так называемый «фруктовый снег», полузамороженные прохладительные напитки.

[←10]

Прим. пер.: Открытые (учебные) исследования — научные проекты, которые готовятся школьниками самостоятельно, в некоторых школах — часть учебного процесса.

[←11]

Прим. пер.: в США принято обозначать степень твердости карандашей цифрами. «1» — обозначает самую высокую мягкость карандаша.

[←12]

Прим. пер.: бренд художественных изделий, принадлежащий компании «Crayola LLC», основанной в 1885 году под именем Binney & Smith.

[←13]

Прим. пер.: игрок защиты в хоккее на траве.